

Книга ведьм

Оливер Мэдокс Хьюфер

THE BOOK OF WITCHES

by

Oliver Madox Hueffer

The Project Gutenberg eBook of The book of witches

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Книга ведьм

Автор: Оливер Мэддокс Хьюффер

Дата выхода: 18 июня 2022 [eBook #68341]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: United States: The John McBride Co, 1909

Кредиты: Брайан Коу, Грэм Макрет и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе изображений, предоставленных электронной библиотекой HathiTrust).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE BOOK OF WITCHES ***

КНИГА ВЕДЬМ

BY OLIVER MADOX HUEFFER

Автор "В Аркадии и за его пределами" и т. д.

С цветным фронтисписом В. Хита Робинсона

THE JOHN McBRIDE CO

Нью-Йорк

1909

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I.

О ВОЗМОЖНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ КОЛДОВСТВА 1

ГЛАВА II.

ОБЩИЙ САББАТ 19

ГЛАВА III.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕДЬМЫ 45

ГЛАВА IV.

ПОЛУМИРЫ 61

ГЛАВА V.

АТРИБУТЫ ВЕДЬМЫ 88

ГЛАВА VI.

НЕКОТОРЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ВЕДЬМЫ 114

ГЛАВА VII.

ВЕДЬМА ДРЕВНОСТИ 127

ГЛАВА VIII.

ВЕДЬМА В ГРЕЦИИ И РИМЕ 141

ГЛАВА IX.

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ 163

ГЛАВА X.

ВЕДЬМА-БЫК И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 188

ГЛАВА XI.

ПОЗДНИЕ ГОНЕНИЯ В АНГЛИИ 206

ГЛАВА XII.

ГОНЕНИЯ В ШОТЛАНДИИ 232

ГЛАВА XIII.

ДРУГИЕ ГОНЕНИЯ 253

ГЛАВА XIV.

ФИЛТРЫ, ЧАРЫ И ЗЕЛЬЯ 278

ГЛАВА XV.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если кто-то из читателей откроет этот том, ожидая прочесть исчерпывающий трактат о ведьмах и колдовстве с научным, историческим и прочим описанием, позвольте мне заранее обезоружить его, сказав, что он будет разочарован. Ведьма занимает столь большое место в истории человечества, что для включения всех деталей ее естественной истории в рамки одного тома потребовались бы силы мага, не менее могущественного, чем тот, кто заточил восточного джинна в бутылку. Я не ставил перед собой такой амбициозной задачи, как создание крупномасштабной карты Ведьминой страны; скорее я попытался создать картину, по которой можно составить общее впечатление. То есть из огромной массы материала я выбрал только то, что казалось необходимым для моей непосредственной цели, и на мою неосмотрительность свалить вину за любой нежелательный перерыв. Я стремился показать, откуда и почему появилась ведьма, а также чем она была и является; указать, насколько она необходима и должна быть для счастья человечества, и как велика ответственность тех, кто, не веря в нее сам, стремится заразить своим скептицизмом других. У нас осталось мало живописных наростов в наш век плавно движущихся колес, и мы, конечно же, не можем пощадить одну из самых проверенных временем и романтичных из них. И если все, что я написал о ней, покажется несовместимым со здравым смыслом или фактами, я хотел бы оправдаться тем, что ни то, ни другое не является существенным для твердого верующего в колдовство, и что для того, чтобы основательно вникнуть в предмет, прежде всего необходимо отбросить подобные шибболеты девятнадцатого столетия.

Здесь я хотел бы выразить свою благодарность многим друзьям, которые помогли мне с материалами, и особенно мисс Мюриэл Харрис, чья ценная помощь во многом облегчила мою задачу.

Лондон, _сентябрь, 1908_.

КНИГА ВЕДЬМ

ГЛАВА I

О ВОЗМОЖНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ КОЛДОВСТВА

На первый взгляд может показаться, что тот, кто призывает к возрождению колдовства, сталкивается с задачей более сложной, чем оживление сухих костей, - ведь костей, которые он стремится оживить, никогда не существовало. Образованные люди - а это, напомним, те, кто учился в начальных школах любой страны, - единодушно заявляют, что такого человека, как ведьма, никогда не существовало, не могло существовать и не будет существовать. Правда, все еще есть те - слабеющая группа - кто, сохраняя неявную веру в буквальную точность явленной религии, утверждает, что колдовство - наряду с Эдемскими садами, великанами и еврейскими лидерами, способными влиять на движение солнца и луны, - процветало в Старом Завете, хотя и стало невероятным в Новом. Тем не менее, если говорить

в целом, ведьма в сознании цивилизованных людей вымерла так же, как и дронг; поэтому те, кто принимает за Евангелие предсказания гадалок на ипподроме или с беспрекословной верой глотает патентованные лекарства, все же морализируют о непогрешимости человеческого суеверия, когда читают, что в Западной Африке до сих пор пользуются услугами колдунов или что сицилийские крестьяне еще не устали раскрывать свои кошельки перед мнимыми знахарями.

Если бы реальность колдовства зависела от референдума наших университетов - или, на худой конец, наших школьных учительниц, - оно сразу же было бы объявлено надуманным самозванством. К счастью для ведьмы и, кстати, для живописного аспекта человеческого интеллекта, просвещенные, даже если мы включим в их число тех, кто принимает их догмы как Новое Евангелие, составляют лишь небольшую - до смешного небольшую - часть человеческой расы. По сравнению со всем населением мира их численность настолько незначительна, что практически не существует. В нескольких милях за границей столичного полицейского округа есть деревни, где ведьма так же прочно обосновалась в воображении жителей, как и в воображении их предков три века назад. Есть много британских законодателей, которые отказались бы начинать предвыборную кампанию в пятницу. Я сам знал одного человека - и знаю его до сих пор, - уроженца Ромни-Марш, который за последнее десятилетие сильно пострадал - сам и через своих детей - от рук ведьм, чьи имена и местонахождение он может подробно описать. А я знал одну женщину - она держала ночлежку на Кеннингтон-роуд, - которая если и не была ведьмой, то все же была дочерью одной из них, причем с признанной силой. Правда, если принять рассказ дочери, рассказанный мне в маленькой передней гостиной в перерывах между грохотом электрических трамваев и грузовиков, дары ее матери использовались не хуже, чем для лечения мелких недугов ее девонширских соседей.

Не нужно ехать ни за пятьдесят, ни за пять миль от Лондона, чтобы найти материал для возрождения черной магии. Не проходит и недели, как какая-нибудь старая бабка предстает перед магистратом столичной полиции с обвинением в том, что обманывала глупых служанок под предлогом предсказания их будущего. Невозможно пройти по Бонд-стрит в сезон, не наткнувшись на ряд сэндвич-менов - они сами сохраняют очень мало иллюзий - зарабатывающих мизерную зарплату на услугах того, другого или третьего гадала по кристаллам, пальмириста или ясновидящего из Общества. Кто не видел такого объявления, как следующее - цитата из текущего журнала - предлагающего информацию о будущем, "рассчитанную по астрологическим гороскопам", за весьма умеренную плату в полкроны. Рекламодатель - в угоду современным традициям он назван "профессором", а не колдуном - далее заявляет о своем мастерстве в области френологии, графологии, ясновидения и психометрии. И этот рекламодатель - лишь один из многих, стремящихся получить скромную выгоду, следуя по стопам Дианы и матушки Демдаик из Пендлского леса.

Разве не существует сотни и одного избранного общества, каждое со своей группой искренних приверженцев, многие из которых имеют официальные органы, публикуемые с большей или меньшей регулярностью и обладающие определенными тиражами, открыто продвигающие "искусства", которые два века назад повлекли бы за собой обвинение в колдовстве для их членов? Разве спиритизм не возведен в ранг международного культа? Само существование такого объединения, как "Клуб тринадцати", члены которого поклялись демонстрировать свое презрение к унижительным суевериям, является самым убедительным свидетельством их повсеместного почитания. Самое любопытное, что именно в Америке, Новом Свете, родине всего самого современного и просвещенного, мы находим суеверия, вызывающие самую непоколебимую веру. Достаточно пролистать рекламные страницы

американского популярного журнала, чтобы понять, насколько Новый Свет опередил Старый в слепой приверженности этой форме веры. Нигде гипнотический, месмерический, экстрасенсорный шарлатан не имеет такой неоспоримой империи.

В книге леди Шарлотты Бьюри "Мемуары ожидающей леди" мы находим пример веры в колдовство, которую лелеяли в самом возвышенном кругу в XIX веке. Пишет о несчастной принцессе, впоследствии королеве Каролине, жене Георга IV, она говорит следующее: - "После ужина ее королевское высочество, как обычно, сделала восковую фигуру и придала ей приятное дополнение в виде больших рогов; затем вынула три булавки из своего одеяния и воткнула их насквозь, а фигуру поставила жариться и плавиться на огонь..... Леди - говорит, что принцесса предается этому развлечению, когда за столом нет посторонних, и она думает, что ее королевское высочество действительно суеверно верит, что уничтожение чучела ее мужа приведет к гибели его королевской особы". Мы смеемся над этим примером королевского легковерия; но разве "талисман" - не обычное явление в нашем разговоре? Мадам де Монтеспан, как известно, не без успеха прибегала к Черной мессе как к средству завоевания расположения Людовика XIV. Прошло всего несколько лет с тех пор, как внимание полиции было обращено на практику тех, кто, в основном, лидеры общества, возродили в Париже двадцатого века культ поклонения дьяволу. Самые тиражные лондонские газеты того времени в "специальных статьях" серьезно обсуждают соответствующую ценность различных талисманов для автомобилистов, или вставляют длинные описательные отчеты о ватцинациях этого спиритуалиста или этой мудрой женщины в отношении вероятных виновников загадочных убийств. И это не преувеличение, как может убедиться тот, у кого хватит терпения просмотреть файлы лондонской ежедневной прессы за 1907 год. Не стоит забывать, что самопровозглашенная миссия современной прессы - зеркальное отражение общественного мнения как наиболее очевидный способ его воспитания.

В этих условиях легко допустить возможность возрождения веры в колдовство даже в самых цивилизованных странах современного мира. Более того, далеко не факт, что такое возрождение будет совсем уж плачевным. Допустим, во имя колдовства были пролиты океаны невинной крови - то же самое можно сказать о христианстве, патриотизме, свободе, полусотне других совершенно неисключительных идеалов. И, как и в случае с ними, полное исчезновение колдовского суеверия могло бы, не исключено, привести к результатам не менее катастрофическим, чем, например, принятие во всем мире европейской моды в одежде. И это не считая вопроса о том, существовали ли ведьмы когда-либо или существуют до сих пор. Даже если мы признаем, что суеверие обязательно является суеверным в самом низком смысле этого слова, мы не должны отказывать ему в некоторой доле в облегчении участи человека.

Очень большая - возможно, самая большая - доля человеческого счастья основана на "вере".

Мир был бы скучным, несчастным, невыносимым, если бы мы верили только в то, во что хочет заставить нас верить наша бесчувственная мачеха Наука. Он уже стал заметно менее терпимым - для тех, кому посчастливилось быть цивилизованными, - с тех пор как мы окончательно отказались от суждений, основанных на чувствах, в пользу алгебраических расчетов. Хотя, возможно, было бы чересчур утверждать, что число самоубийств увеличилось пропорционально упадку колдовства, по крайней мере, несомненно, что

суеверия любого рода в прошлом сыграли заметную роль в том, что человечество стало довольствоваться своим уделом. Ученый лишил нас романтики - он отнял у многих из нас надежду на рай, не дав нам ничего взамен; он сводит красоту природы к формуле, так что мы больше не можем считать первоцвет первоцветом и ничем более; он даже отказывает нам в привилегии считать наши добродетели и пороки чем-то большим, чем неизбежным результатом среды или наследственности. С каждым днем он крадет у нас все больше и больше человечности, лишает нас еще одного из немногих бедных одеяний фантазии, защищающих нас от Невыносимого. Он действительно дьявол наших дней, навязывающий нам знания, хотим мы того или нет. А мы, вместо того, чтобы проклинать его по доброй моде наших предков, приносим счастья на его алтари, как будто он и вправду тот самый Бог, которого он объяснил. А почему? Чисто на вере в его собственные заверения.

Почему мы должны принимать ученого больше, чем его бабушку, ведьму? У нас нет более веских причин принимать его, чем отвергать то, что, по его словам, является не более чем пустыми мечтами. Пусть он открывает что хочет, это лишь еще больше подтверждает неограниченность его и нашего невежества. Правда, он может творить очевидные чудеса, как и ведьма. Он порицает искусства, которые были так страшны для прежних поколений; наши потомки будут смеяться над его хвастливыми знаниями, как над хвастливым ребенком. Уже сейчас по всему миру заметны признаки того, что, каковы бы ни были его успехи в материальном мире, человечество готово восстать против его тирании над Невидимым. Бесчисленные новые религиозные секты, тысячи и тысячи этических причуд, возрождение многих древних верований - спиритуалистов и теософов, христианских ученых и кунаитов, толстовцев и спасателей - смейтесь над ними кто как может - все это внешние и видимые признаки бунта человека против того, чтобы его низводили до уровня незначительного научного инцидента. И среди таких беспокойных вод колдовство вполне может вновь обрести свою силу. Ведь оно, как никакое другое, принесло счастье из несчастья. Подумайте о неуспешном человеке. В условиях просветления ему некого винить в своих горестях и негде искать их разрешения. Все работает по непреложным законам; он болен, беден, несчастен, потому что так хочет Закон Неизбежного; у него нет Бога, которому он мог бы молиться о каком-то капризном облегчении; он не может купить удачу у Дьявола даже ценой своей души - нет ни Бога, ни Дьявола, ни удачи, ни болезни; нет ничего, кроме невозмутимо вращающихся зубчатых колес, на орбите которых он неизбежно связан. Разве не станет он счастливее, если найдет старинную ведьму, чьи чары, будучи сняты, оставят ему надежду, даже если она никогда не исполнится? Несомненно. Нам говорили, что если бы Бога не было, его пришлось бы придумать. Да, а вместе с ним - дьявола, добрых и злых духов, удачу и неудачу, суеверия, которые мы можем впихнуть в свои больные животы, - все, что может спасти нас от ужасной концепции машиноподобной определенности, из которой нет выхода, после которой нет будущего. Конечно, лучше пусть несколько тысяч старух будут убиты во имя суеверия, несколько миллионов человеческих существ - во имя религии, чем все человечество будет обречено на такую судьбу.

Не забывайте также, что даже ведьма имеет свои претензии к ученым тупицам, которые ее уничтожили. Ведь жизнь ведьмы не была лишена облегчения. Подумайте. Без своего колдовства она была не более чем бедной старой, голодной, исхудавшей женщиной, незначительной и незаметной, уродливой, презираемой, несчастной. С ним она стала Силой. Ее боялись - как все люди хотят, чтобы их боялись, - возможно, ненавидели, но все же боялись; ее обхаживали те, кто искал ее помощи. Она снова стала кем-то, узнаваемым существом, человеком, выделяющимся из общей массы. Конечно, это с лихвой перевешивало шансы на огненную смерть. Не обошлось и без способа ее смерти. Он был болезненным, хотя и не более сильным, чем медленное голодание. Но если она знала, что

невиновна, то знала и то, что ее короткая агония - лишь прелюдия к вечной награде мученичества. Если она считала себя, с этим своим бедным измученным мозгом, проданной дьяволу, то сколько утешения в мысли, что он, Князь Сил Тьмы, едва ли уступающий Самому Всемогущему и только Ему одному, выделил ее как единственную женщину, чья помощь нужна ему во всей округе. А раз так, то разве не оставалась надежда, что, как он и обещал, он может появиться даже в одиннадцатый час и защитить своих. Если же он потерпит неудачу, у ведьмы будет совсем немного времени, чтобы осознать это, и перед ней откроется все последующее, полное бесконечных возможностей. Мало кто из ведьм, я думаю, не отказался бы от мрачного предзнаменования с его спортивным интересом, чтобы стать жертвой докторов, не более мудрых, чем они сами, в глазах бесконечности, выставленных на посмешище как глупые старухи, жеманничающие или самокозлившиеся.

Если ведьмы для нас и не существуют, то только потому, что мы убили их смехом, как убивали многие добрые и злые дела. Если бы мы смеялись над ними с самого начала, возможно, их бы и не было. Но если говорить о науке, то все доказательства говорят в ее пользу. Есть универсальный вердикт истории. На протяжении бесчисленных веков, пока человечество властвовало над землей, их активное существование никогда не подвергалось сомнению, вплоть до последних нескольких поколений. Лучшие и мудрейшие люди своих эпох видели их, разговаривали с ними, испытывали их силу и страдали под ними, судили, приговаривали, казнили их. Каждый народ, каждое столетие в равной степени свидетельствуют об их доблести. Даже сегодня, за исключением крошечной группы чрезмерно образованных насмешников, в большинстве своем принадлежащих к расе, известной своими ошибочными предрассудками, весь мир принимает их без тени сомнения. В августе этого года в Уизаме, эссекском городке в пятидесяти милях от Лондона, состоялось слушание дела в полицейском суде, где подсудимый обвинялся в нападении на другого мужчину из-за того, что его жена околдовала его. И в качестве доказательства было приведено, что жена истца в целом считалась ведьмой среди жителей района Типтри. Как я уже отмечал, Типтри не является одиночным. Осмелимся ли мы тогда принять мнение столь немногих против опыта, веры столь многих? Если да, то не должны ли мы выбросить за борт и всю историю? Нам говорят, что Аттила, Магомет, Александр или, если быть ближе к нашим дням, Наполеон существовали и совершали чудесные поступки, невозможные для других людей. Мы читаем о чудесах, совершенных Моисеем, Святым Петром, Буддой. Неужели мы отказываемся верить в то, что такие люди когда-либо существовали, потому что их записанные деяния более или менее несовместимы с теориями современной науки? Ведьма несет историю и сверхъестественное, крепко сжимая их в своих тощих руках. Давайте же остерегаться, чтобы, отвернувшись от наших дверей, она не унесла их с собой, оставив нам вместо них происхождение видов, радий, граммофон и несколько несовершенных летающих машин.

Эти самые летающие машины служат еще одним аргументом в пользу ведьмы. Зачем отрицать возможность того, что она обладала способностями, многими из которых обладаем мы сами. Ведьма летала по воздуху на метле; мистер Генри Фарман и мистер Уилбур Райт, не говоря уже о двух из многих, делают то же самое ежедневно, когда пишутся эти строки. Подавляющее большинство из нас никогда не видели ни того, ни другого; мы принимаем их достижения на веру из рассказов газетных корреспондентов - людей, неизбежно склонных к преувеличению. И все же никто из нас не отрицает, что мистер Фарман существует и может летать по воздуху на конструкции, которая по степени устойчивости превосходит лишь палку от метлы. Зачем же отказывать ведьме в той вере, которую вы оказываете аэроавту? Или, опять же, ведьма лечила болезни или вызывала их, произнося заклинания, варя в котелке вредное варево, совершая пассы в воздухе руками. Современный врач выписывает рецепт, смешивает несколько лекарств в бутылочке и лечит болезни. А ведь он мог бы с такой же

легкостью вызвать их, выпустив на волю невидимых микробов из пиалы. Разве один подвиг более правдоподобен, чем другой? Колдун насылал росу на скот - и избавлялся от нее. Он был бедным М.Р.К.В.С., который не мог сделать столько же. В истории, которая приводится в другом месте этого тома, колдун римских времен заколдовал своих лошадей и таким образом выиграл гонки на колесницах. Мы отказываем ему в дани нашей веры, но тем не менее предостерегаем современных "доперов" от наших ипподромов. Ведьма может вызвать дождь или предотвратить его. Не проходит и месяца, как мы читаем подтвержденные свидетельства о том, как с помощью ирригации или других средств та или иная пустыня расцветает как роза. Но несколько месяцев назад нам сообщили, что один итальянский ученый открыл способ, с помощью которого Лондон может быть избавлен от туманов благодаря тонкому использованию электричества. Правда, с тех пор мы имеем полный набор туманной погоды; но разве кто-то считает этот подвиг невероятным?

Во всем длинном списке колдовских приемов нет ни одного, который бы удостоился более чем беглого газетного абзаца в сезон глупостей, если бы он был совершен в современном Лондоне. Почему же тогда такое упорное неверие в совершенно правдоподобное? Во многом, наверное, потому, что ведьма, как считается, творит свои чудеса с помощью дьявола, а не динамомашины. Но нужно ли поэтому клеймить ее как самозванку? Конечно же, не теми, кто верит в существование личного Духа Зла. Я не знаю, какова доля исповедующих христиан, которые сегодня принимают дьявола как часть своей веры, но она должна быть значительной; то же самое можно сказать и о многих нехристианских верованиях. У тех, кто может проглотить дьявола, нет никаких причин отказываться от ведьмы. Труднее приходится и тем, кто, отвергая дьявола, признает существование некоего Злого Принципа - в сущности, признает, что зло вообще существует. Для них живописные эпизоды жизни ведьм, подписание дьявольских контрактов, воздушные путешествия в субботу и прочее - лишь аллегорическое выражение того факта, что ведьма творила зло и не стыдилась, лишь окольные пути выражения великой истины, как и первые три главы Бытия или история о том, что Хан нибал проложил себе путь через Альпы с помощью уксуса.

Сознательный агностик, опять же, имеет не больше оснований не верить в ведьм и все их дела, чем отказывать в вере таким историческим персонажам, как Клеопатра и Жанна д'Арк - выдающимся ведьмам, если верить современным записям. Я обхожу стороной огромную армию гетеродоксальных сект, унитариев, христианских ученых и тому подобных, многие из которых объединяются с ортодоксами в принятии принципа Зла в той или иной форме, а вместе с ним, как естественного следствия, существования земных агентств для его лучшего распространения; для остальных же колдовство находится в не худшем положении, чем другие части явленной религии, которые они принимают или не принимают, в зависимости от своих склонностей.

Иногда в качестве аргумента в пользу негласной веры в библейскую легенду о потопе приводят тот факт, что ее универсальность среди всех рас человечества от Китая до Перу может быть объяснена только принятием Ноя и его ковчега. Насколько более убедительно тот же аргумент подтверждает *bona fides* ведьмы. Ее не только принимали все эпохи и расы, но и везде и всегда наделяли одними и теми же дарами. Мы видим, что ведьма древнего Вавилона была искусна в изготовлении тех самых восковых или глиняных изображений, на которые, как мы видели, так горячо уповала королева Англии XIX века. Ведьминские узлы, заклинания, фильтры, гадания - ведьма была столь же консервативна, сколь и вынослива. Любая другая профессия меняется и меняет свои аспекты и методы из века в век. Только ведьма остается верной своим изначальным идеалам, уверенной в совершенстве своего искусства. И в награду за такую беспримерную стойкость мы, существа

сиюминутные, отрицаем, что этот единственный неизменный человеческий тип, эта пирамида человеческих усилий, вообще когда-либо существовала! Опираясь на Священное Писание, не говоря уже о священных писаниях буддистов, браминов, магометан и всех других религий первого класса, опираясь, пусть и невольно, на исследования науки в области необъятного нашего невежества; приемлемая как для ортодоксов, так и для гетеродоксов, подтвержденная историей и личными свидетельствами самых убедительных людей, наше неприятие ведьмы основано лишь на догматизме одного незначительного класса - безбожников-атеистов, ослепленных несовершенством своих чувств и отрицающих все, что выходит за рамки их слабого понимания. Отказывать в признании длинной череде женщин, которые, пусть и ошибочно, но, несмотря на огромные трудности, упорно выполняли свое предназначение с альтруистическим энтузиазмом, возможно, не имеющим себе равных в мировой истории, - низводить тех, кто оставил такой неизгладимый след на лице истории, в безвестный уголок детской, да еще на основании таких слабых и подозрительных свидетельств, - значит, действительно клеймить себя как материалистов. Давайте лучше поверим - и тем самым докажем нашу веру в человеческую природу - , что еще долго после того, как последний атеист уйдет в небытие, на которое он претендует по праву рождения, ведьма, вновь вознесенная на свое почетное место, будет продолжать управлять жизнями и судьбами своих почитателей так же беспрекословно и непререкаемо, как это было во времена Саула и Оливера Кромвеля. Именно на женщин мы должны в первую очередь возлагать надежды в поисках импульса к этому возрождению. Будучи всегда более набожной, более верующей половиной человечества, она имеет еще одну особенную претензию на симпатию к ведьме. В такие дни, как наши, когда проблема прав и неправды женщин является одной из самых насущных и неотложных, с которыми нам приходится иметь дело, было бы столь же анахронично, сколь и неестественно, чтобы Женщина позволила высокой цели, великолепной выносливости, благородной стойкости в поисках целой части своего пола - включая некоторых из самых заслуженных знаменитых женщин, которые когда-либо жили - позволить всему этому не только быть забытым, но и быть абсолютно дискредитированным и отрицаемым. Преследуемая искусственными законами, как и прежде, и вечно бунтующая против них, не может быть более подходящей и достойной фигуры для выбора в качестве Покровительницы великой борьбы за свободу, чем многоречивая, многомученическая, долгоживущая, вечно непонятая Ведьма.

Нет. Пришло время, когда мы можем оценить артистический темперамент Нерона; когда Синяя Борода предстает перед нами в новом и более доброжелательном облике эксцентричного маршала Франции; когда многие из нас готовы поверить, что Сезар Борджиа действовал из ошибочного чувства долга; и что Мессалина проявила качества, присущие блестящему лидеру общества. Безусловно, среди них нет ни одного более заслуживающего "обеления", чем этот яркий пример *_femme incomprise_*, Ведьма. Мы можем не одобрять все ее поступки, мы можем не принимать ее как пример для подражания; давайте, по крайней мере, избежим обвинений в узости мышления и недостатке воображения и отдадим ей дань если не слез, то хотя бы уважительного доверия.

ГЛАВА II

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ СУББОТА

На улице стоит дикая погода. Весь день ветер все усиливается, нагоняя с востока огромные горы серых туч, гоняя их по небу, разрывая на длинные ленты и сшибая их в один клубок, сквозь который с трудом пробирается измученная луна. Опоздавшему путнику предстоит выдержать немало воздушных буфетов, прежде чем он сможет преодолеть последний подъем и увидеть деревушку, очерченную внезапным блеском водянистого лунного света у его ног. Лежащие в постели пробуждаются от стонов на карнизах и испуганно бормочут: "Ведьмы сегодня ночью за границей!"

Ведьма живет одна в лощине, в ста ярдах от последнего домика деревни. Это заросли кустарника, через которые к дому ведьмы ведет извилистая тропинка. Ветви нависают над ее крышей, и даже когда луна, вырвавшись на мгновение из облачной сети, посылает вниз луч ярче обычного, это лишь подчеркивает скрытность древней крыши, поросшей мхом, и зловещие растения - паслен, пурпурный паслен или белый брионий, - которые теснятся вокруг стен. Смелым был бы деревенский житель, который отважился бы зайти в Ведьмин лог в такую ночь, как эта. Ветер завывает среди ветвей в приглушенном ключе, совсем не похожем на его бурную беззаботность на открытых склонах.

В домике ведьмы всего одна комната, и та самая пустая. Деревенские дети, которые шепчутся о накопленных богатствах, когда старая матушка Хакетт проходит мимо них в сумраке, не знают, как скуден их рацион и как мала милость, которую они должны искать, продавшись такому хозяину. Она спит на земляном полу, а матрасом ей служат собранные сосновые иголки. У нее есть сломанный табурет, чтобы сидеть, и большой железный котел, висящий над дремлющими углями на глиняном очаге.

До полуночи еще час, канун майского дня, когда среди этих углей возникает шевеление. Они отодвигаются в сторону, и из-под них в комнату пробирается нечто. Оно размером с лису, черное и мохнатое, бесформенное и многоногое. Откуда-то из его середины два зеленых глаза проливают злобный свет, ужасно освещающий комнату. Оно передвигается по полу, как огромная гусеница, и, когда оно приближается к ней, ведьма выбрасывает тощую руку за пределы комнаты и бормочет во сне. Она добирается до кровати, поднимается на нее и что-то бормочет ей на ухо. Она просыпается, приподнимается на локте и раздраженно отвечает. Она не боится этого существа - оно для нее привычный гость. Она злится и ругает его пронзительным старческим голосом за то, что он слишком рано потревожил ее. Разве на ее груди и бедрах нет дьявольских отметин - круглых, синих, невосприимчивых к боли извне, но зудящих и пульсирующих, когда ей пора заняться своими дьявольскими делами? Вещь легкомысленно относится к ее ругани, укоряя ее в том, что она проспала последнюю субботу - что она отрицает. Они начинают шутить; она называет его Том-Уксусный Том, и они вместе смеются над старыми подвигами и нынешними целями.

Сквозь дыру в крыше пробивается лунный луч. На том месте, где лежала ведьма, сидит черный кот, крупнее любого представителя естественного поколения - почти как осел. Она разговаривает голосом ведьмы и долго не отходит, две пары зеленых глаз следят друг за другом сквозь темноту. Наконец, небрежно поприветствовав его, оно спускается по полу, прыгает по стене к отверстию дымохода и исчезает. Бесформенное Существо остается лежать на кровати. Его бока вздрагивают, оно хихикает под нос получеловеческим, но совершенно нечеловеческим и непристойным образом.

Черная кошка спешит к деревне под сенью кустарника. Когда она оказывается в пределах видимости от крайнего дома, она сворачивает с тропинки и устремляется в заросшую чащей пустошь за пастбищем, держась ее до тех пор, пока не оказывается напротив коттеджа извозчика Дикона. Три дня назад у Дикона и его жены Мэг родился ребенок. Его еще не

крестили, потому что священник живет в четырех милях отсюда, за холмами, а Дикон был слишком занят работой, чтобы идти за ним. Завтра будет достаточно времени, ведь это самый здоровый ребенок, не говоря уже о том, что самый красивый, на которого когда-либо обращали внимание сплетники. Возможно, если бы Мэг не забыла в своем новом счастье, как сразу после свадьбы, когда старая матушка Хакетт проходила мимо ее двери, она осенила себя крестным знамением и обрушила на старуху упреки в том, что та - злая ведьма, она бы не спала сейчас так спокойно со своим первенцем на груди.

Черная кошка крадется дальше под тенью живой изгороди. Старый Трасти, пастуший пес, оставленный сторожить стадо на ночь, видит, куда она идет, и, приняв ее за затаившуюся лису, яростно бросается к изгороди, не желая выпускать язык. Но при первом же проблеске зеленых глаз, когда она поворачивает голову, он понимает, с кем ему придется иметь дело, и, поджав хвост, с поскуливанием бежит в чащу, чтобы укрыться. Ведь собака может узнать ведьму быстрее, чем ее хозяин, и боится ее не меньше.

Придя в коттедж Дикона, черная кошка выжидает мгновение, чтобы убедиться, что все спокойно, затем прыгает на низкую крышу, забирается на вершину и по дымоходу спускается в комнату, где лежит спящая семья. Он снова ждет, прислушиваясь к их ровному дыханию, и его хвост мотается туда-сюда в подавляемом возбуждении. Она поднимается на задние лапы и делает несколько пассивов в воздухе, на север и юг, на восток и запад. Он подходит к кровати и мягко, мягко берет ребенка из рук спящей матери. Он снова направляется к дымоходу и через два шага оказывается на открытом воздухе, неся ребенка, прижавшегося к его теплому черному меху. Едва он успел скрыться в тени изгороди, как мать, сон которой был потревожен, возможно, каким-то смутным предчувствием опасности, открывает глаза. Но теплый груз все еще лежит у нее на груди, и она спокойно засыпает. Если бы вы сейчас заглянули в домик ведьмы, то обнаружили бы, что черное бесформенное Существо исчезло. Ведь дьявольские существа могут принимать любую форму, служа своему хозяину.

Черная кошка со своим спящим подопечным поспешила обратно в лощину. Достигнув домика, она кладет ребенка на кровать, дважды поворачивается, и в этот момент на месте кошки появляется ведьма, одетая только в свою сменную одежду. Она чего-то ждет и становится все тревожнее и тревожнее, ковыляет туда-сюда по комнате, бормочет под нос, а однажды, когда ребенок просыпается и плачет, берет его на руки и успокаивает, почти как женщина. Уже близится полночь, а знамение все не приходит. Ведь Лукавый, будучи прежде всего непостоянным, никогда не дает своим слугам знать о времени и месте до последнего момента, да и то каким-то непредусмотренным способом.

Наконец, когда она уже совсем измучилась, опасаясь нечаянно разгневать своего хозяина, раздается незаметный стук крыльев по крыше, и через отверстие, служащее дымоходом, спускается черный ворон с огненными глазами. Он порхает прямо к плечу ведьмы и усаживается там, хрипло шепча ей на ухо, а свет из его глаз выхватывает из темноты ее худые черты с подергивающимися мускулами. Кивнув в знак согласия, матушка Хакетт ковыляет к своей кровати и из надежного укрытия среди шелестящих сосновых иголок достает флягу. Затем она направляется в угол у очага и берет прислоненный к стене прут метлы. Ворон перебирается с ее плеча на подушку, а оттуда наблюдает за ней, одобрительно наклонив голову. Она открывает флакон и вымазывает содержимое на метле, на головке и ручке. Это мазь, и она сияет фосфоресцирующим светом, который рождается от тления. Так оно и есть, ведь в ее состав входят черное просо и сушеная растертая в порошок печень некрещеного

ребенка, такого же, как тот, что лежит сейчас на постели ведьмы, а мрачный ворон смотрит на него сверху вниз. Ведьма-обманщица верит, что мазь обладает магической силой; что, намазанная на палку ее метлы, она дает бесчувственной деревяшке волю и позволяет ей взлететь ввысь; или, если она ее проглотит, то сделает ее нечувствительной к боли, так что самые страшные усилия мучителя и палача заставят ее ни в чем не признаться. Дьявол, ее хозяин, знает не лучше, чем кто-либо другой, что ни в одной мази нет такой силы, но что его собственная адская магия поддерживает его приспешников в воздухе и приходит, по его воле, на помощь во время испытаний. Но он скрывает это от них, чтобы по своей глупости они могли пойти на убийство младенцев - жертвы, которую он любит больше всего на свете.

Ведьма берет разбитую яичную скорлупу и смазывает ее мазью. Она подходит к кровати и берет ребенка на руки, а метла скачет за ней по полу. Теперь, когда она готова отправиться в путь, она садится на ручку метлы, которая держится наискось, чтобы ей было легче сесть. Она машет рукой сопровождающему ее ворону и, взметнув яркие искры из углей, уносится прочь - вверх по дымоходу, сквозь нависающие ветви, сквозь рваные облака и далеко-далеко по дороге под звездами. Но если бы кто-нибудь вошел в хижину ведьмы тогда или потом до рассвета, то нашел бы ее мирно спящей на кровати. Ворон, передав послание своего хозяина, должен выполнить еще одну обязанность: принять облик ведьмы до ее возвращения, чтобы никто, обнаружив ее вдали от дома, не угадал ее поручение.

Ветер дует с востока. Ведьма должна направиться против него, ведь Генеральная суббота, как сообщил ей посланник корвинов, должна состояться на одинокой вершине Севенн, в середине Франции. Задача ее не из легких, ведь порывы налетают яростно и внезапно, а метла кренится и подпрыгивает перед ними, как лодка с петухами в бурном море. Скучные локоны и еще более скучная одежда ведьмы развеваются почти под прямым углом, а однажды младенец на ее руках подает голос в крошечном плаче, который смягчил бы сердце любого, кроме слуги дьявола. Сюда беспрепятственно проникает лунный свет, превращая облака внизу в изменчивое подобие снежных гор и серебряных озер. По велению ветра они то и дело раздвигаются, открывая взгляду темную, безмолвную землю далеко внизу.

Так некоторое время - совсем немного, ведь посланцы дьявола летают быстро, - ведьма несется вперед по воздуху. Наконец метла сбавляет скорость, колеблется, делает два или три круга, а затем ныряет под землю. Колдунья приземляется на морском берегу, на галечном пляже, где волны с белой яростью бьются с ветром, который теперь стал таким сильным, что матушка Хакетт едва может противостоять ему. То ли предвидя возможность злых дел, то ли просто из непостоянства, ибо действует он без меры и вопреки разуму, дьявол распорядился, чтобы она не пересекала Ла-Манш на своей метле. Она использует промежуток между двумя волнами, чтобы спустить на воду яичную скорлупу, которую принесла с собой, садится в нее, поднимает метлу на крыло, как парус или мичман, и выходит в море под напором шторма. Огромные волны с ревом проносятся над головой, образуя пенистые водовороты, способные потопить военный флот, но яичная скорлупа триумфально несется среди них, танцуя на их гребнях и не пропуская ни капли воды на своем пути. Все усилия ветра не могут остановить ее скорость. Лишь однажды он отклоняется от своего курса, когда сквозь туман с подветренной стороны проносится напряженный корабль с разорванными парусами и лонжеронами. Приблизившись к нему, ведьма поднимается на ноги, выбрасывает в его сторону худую руку и выкрикивает заклинание против ветра. На востоке сверкнула молния, и туча пронеслась над лицом луны. Когда ее тень исчезает, на одиноком лике воды больше не видно ни корабля, ни его трудолюбивой команды. Матушка Хакетт с радостным ворчанием мчится во Францию.

Доехав до того места, где из волн поднимается низкий серый берег, она снова садится на метлу. Поднимаясь в небо, к месту встречи, она наталкивается на компанию, выполняющую то же самое поручение. Со всех сторон сходятся к цели такие же старые, худые, как она сама, женщины в расцвете сил, молодые девушки, еще не вышедшие из подросткового возраста. Одни несут с собой еще не вскормленных младенцев, другие - детей побольше, третьи - юношей или взрослых мужчин в качестве подношения Сатане. Этим они везут перед собой на подушках, ибо в царстве дьявола все неправильно, несовершенно, противоречит путям христианского народа. Некоторые из них сидят на козлах, другие - на огромных жабах, или летающих змеях, или рептилиях неопределенной формы, или просто на метлах, как подскажет фантазия их властного деспота. Один из них - мужчина - сидит верхом на огромном огненном драконе, который вдали сияет, как только что взошедшая звезда. Это могущественный колдун, тот, кто повелевает сатаной, а не служит ему, пришедший на Шаббат по какой-то своей причине и сидящий на коне, которого он сам себе предоставил.

Местом встречи генеральной субботы, как Сатана, в насмешку над христианским ритуалом, решил назвать это собрание своих слуг, является голая вершина в самой уединенной части Севенн. Она стоит немного в стороне от центра огромного горного амфитеатра, а прямо под вершиной находится горный амбар, кристально чистый и отбрасывающий звездный свет так мирно, словно под Божьим Небом не существует таких вещей, как ведьма или колдун. И все же это не первый раз, когда выбирается одно и то же место для встречи, потому что на бесплодных камнях не растет ни травинки, ни самого скромного ползучего растения. Все растущее засохло, корни и ветви, когда здесь в последний раз собрались силы Ада. Так и останется это место пустынным и голым, немым свидетелем своего осквернения, до самого Судного дня.

Ведьмы спускаются с неба, словно стая нечистых птиц, кружат над скалами, выбирая место для привала, где ни один остроконечный камень не поранит их обнаженные ноги, и пронзительно стрекочут. Те, кто уже прибыл, расположились широким кругом на плоском выступе скалы, выступающем из склона горы. В основном это окрестные ведьмы, которые пришли пешком и отправились в путь заранее, чтобы не задерживаться в пути. По мере того как их становится все больше и больше, вы можете найти доказательства того, что они лгут, объявляя слугами дьявола в основном женщин. Это правда, что женщина, в силу слабости своей природы, чаще стремится проникнуть в запретные вещи, что приводит к ее собственной гибели, и поэтому ведьм гораздо больше, чем колдунов или магов. И все же из тех, кто собрался на эту Генеральную субботу, на каждую ведьму приходится по одному смертному, не говоря уже о демонах; ибо если одни, как матушка Хакетт, пришли одни, то другие, более молодые и светлые из ведьм, привели с собой двух или даже трех юношей или молодых мужчин, готовых по приказу этих Делилей поступить на службу к Злу и отбросить надежду на спасение, как это сделал наш отец Адам. Таким образом, в нечестивых танцах, которые последуют, каждая ведьма будет иметь мужчину в качестве партнера, кроме самых благосклонных, которые танцуют с высшими демонами, ибо так будет угодно Дьяволу.

Матушка Хакетт, сойдя с метлы, занимает место рядом с некой Лаки, сплетницей прежних суббот, такой же недоброжелательной, как и она сама, родом из королевства Файф, где ее очень боятся за внезапные бури, которые она поднимает, когда рыбацкие флотилии плывут домой с полным уловом. Рядом с ней - младшая ведьма, красивая и родовитая, Сидония, из знатного дома в Мекленбурге. Она высокая, бледная девушка, с волосами цвета спелой пшеницы и серо-голубыми глазами. Она пользуется большим уважением у Сатаны как за свою красоту, так и за то, что она передала в его руки множество хорошо рожденных юношей. Рядом с ней - ведьма из Испании, тоже красивая, но смуглая и с черными глазами-

бусинками. Между этими двумя мало любви, ведь они женщины не меньше, чем ведьмы, и каждая из них могла бы причинить другой зло, если бы только догадалась.

Хотя все, кому было велено, присоединились к кругу, признаков прихода дьявола пока не видно. Ведьмы прекращают свое кланье и нетерпеливо осматривают небо, бормоча проклятия в адрес своего хозяина. Может ли быть так, что он хочет их обмануть, что он дал им задание просто пошутить и насмеяться над ними? Не в первый раз - ведь его ум так хитер и неопределен, его цели так ошибочны, что ни один из самых благосклонных его министров не догадывается об этом.

Внезапно в кругу ожидающих раздается нетерпеливый шорох. В центре появилась фигура. Но их облегчение сменяется гневным разочарованием. Это не сам Дьявол. Это маленький, подлый, незначительный дьявол, настолько низший в inferнальной иерархии, что у него даже нет рогов на голове. Круг становится все меньше, ведьмы теснятся к нему, засыпая гневными вопросами. Они не испытывают к нему ни страха, ни уважения; он такой же слуга, как и они сами. Если его назначили представлять своего хозяина, то он должен дорого заплатить за эту честь. Он с тревогой оглядывает опускающиеся лица и бормочет извинения. Несомненно, их хозяин уже в пути и скоро прибудет. Сам он - всего лишь бедный дьявол, маленький дьяволенок; они могут быть уверены, что ему и в голову не придет обижать ведьм столь высокого ранга. Но честные слова их не успокаивают. Уже поднимаются руки, чтобы ударить его, уже некоторые из них готовятся поцарапать его ногтями своих мизинцев, которые ведьмы всегда носят длинными и острыми - это один из признаков, по которым их можно узнать. Уже его трепали и били в знак того, что его ждет. Но вот в самом центре круга вырисовывается другая, еще более страшная фигура, и разъяренные ведьмы в ужасе отступают перед ней. Сначала, в тусклом свете убывающей луны, она бесформенна, бесформенна. Постепенно на их глазах оно приобретает форму ствола огромного дерева, от которого тянутся спутанные конечности. В нем проглядывает лицо, злобное и страшное, с чертами, которые наполовину проступают, а наполовину скрываются под корой - такое лицо может увидеть человек, выглядывающий за ним из темноты, когда он на цыпочках проходит в полночь по глубине древнего леса. Перед ним ведьмы совершают поклоны, поворачиваясь к нему спиной и кланяясь до земли, в насмешку над христианским благоговением. Когда они снова поворачиваются, дерево превращается в козла, его глаза пылают непристойной страстью, и, пока они смотрят, козел превращается во льва с окровавленными челюстями. Лев в свою очередь превращается в мужчину, приятного во всем, кроме выражения лица и глаз, которые, какой бы формы они ни были, всегда остаются глазами козла, звериными и нечистыми. Одет он во все черное, но лицо и руки его тускло-красные, ибо жилы его сгорают в адском пламени, а когда он поднимает руку, запястье и предплечье раскаляются в манжете, словно сделанные из расплавленного железа. На левой руке все пальцы срослись в один неправильной формы коготь, потому что каким бы прекрасным ни был человеческий облик, в который превращает себя Дьявол, вы всегда можете узнать его по тому, что он есть, - какая-то его часть, ухо, нога или рука, ужасно неправильно сформирована.

Наконец, когда все готово, сопровождающие импы обходят круг, проверяя количество присутствующих, кто носит знак Дьявола, а кто еще должен его получить, кто выполнил назначенное задание, а кто потерпел неудачу. Вернувшись, они шепчут эту историю на ухо своему хозяину, который гогочет от восторга, подпрыгивает в воздух и щелкает каблуками, потому что в нем нет ничего благородного или достойного, он во всем подл и ничтожен, он скорее порождение низких пороков, чем героических преступлений. Затем он садится на трон, кажется, из золота, который поднимается из земли, чтобы принять его, а его помощники держат свечи, сделанные из жира утонувших моряков, которые горят бледно-

голубым светом. Одну за другой он вызывает перед собой ведьм, называя их по прозвищам, например "Старый Беззубик", "Ваг-в-ветре" или "Козлинг", но никогда по именам, данным им в Святом Крещении. И они, совершая непристойные поклоны перед его троном, обращаются к нему так же, называя его "Месье", "Гризлигутс" или другими более мерзкими именами. Затем, стоя спиной к трону, каждая по очереди перечисляет свои злодеяния, совершенные с момента их последней встречи: сколько детей Божьих она погубила и уничтожила, какие злые чары наложила на посевы и скотину, какие бури подняла, как продвигалась по пути царства своего господина. Тех, кто хорошо себя вел, Сатана ласкает и приласкает, обещая им великую награду, а остальных он отдает на растерзание своим импам. Так, одна из них, упитанная и благовоспитанная ведьма из Швеции, получив задание привести сына соседа - богатого молодого фермера - в подданство своего хозяина, потерпела неудачу, и это несмотря на то, что ей дали отсрочку на это предприятие. Дьявол, потеряв всякое терпение, которого у него и в лучшие времена немного, назначает ей наказание, а его демоны, бросив ее тут же на землю, бьют ее плетью из живых змей и скорпионов, кусают и иным образом терзают зубами и когтями, так что кровь течет из нее ручьями. И пока она кричит и вопит о пощаде, извиваясь на земле, как рыба на леске, все собрание сотрясается от жуткого хохота над гротескностью ее мучений.

Матушка Хакетт, когда приходит ее черед, с нетерпением встает, зная, что с прошлой субботы она натворила зла по полной программе. Ребенок извозчика она передает Сплетнику Лаки, поскольку время для его представления еще не пришло, и быстро ковыляет к своему месту перед тронem, морща старые глаза под бликами окружающих трупных свечей. Именно ради этого она переносит все тяготы, ненависть и преследования соседей-христиан, голод и холод в течение долгих зимних месяцев после последнего шабата. Она рассказывает о ливне, обрушившемся на скот богатого фермера, об урожае ячменя, который засох под ее чарами, о буре, поднятой ею, чтобы разрушить десятину священника в трех приходах отсюда, о выкапывании тел с церковного двора, чтобы украсить субботний банкет, о трех мальчиках, которые, побив ее камнями, с тех пор скрещивают глаза и непрерывно рвут иглами, и о корабле, затонувшем в середине канала при ее позднем переходе. А также о некрещеном ребенке, которого она взяла с собой, чтобы навсегда посвятить его в слуги дьявола. Когда ее история рассказана, она еще долго ждет, ожидая похвалы и награды. Хозяин осыпает ее похвалами, хотя и укоряет за то, что она привела ему вместо хорошо рожденного ребенка отродье извозчика, ибо в них он видит наибольший восторг и обещает большую награду в будущем. Но он говорит как человек, чьи мысли заняты другим, и его глаза - а это всегда глаза похотливого козла - устремлены туда, где прекрасная Сидония, улыбаясь, ждет своей очереди. Так что матушка Хакетт вынуждена ковылять обратно к своему месту в кругу, с сердцем, полным горечи и разочарования, чувствуя, что ее обманули, что ей не досталось по заслугам, зная, что ей придется трудиться в злодеяниях еще целый год, прежде чем она сможет надеяться на богатую награду, обещанную ей столько томительных лет назад, но которую еще предстоит искать. И проклинает она себя под дых, когда Сидония проходит мимо во всей гордыне своей нечестивой красоты, направляясь туда, где Злой откинулся в своем кресле, глаза его пылают, как раскаленные угли, и манит ее подойти еще ближе, рассказывая с трелями серебристого смеха, что все же совершенно ужасно, о трех юношах, которых она околдовала, и как один повесился, проклиная имя Божье, другой убил собственного брата и теперь лежит в заточении в ожидании смерти, а третьего она привела с собой в субботу, чтобы он вошел в число слуг дьявола, отказавшись от надежды на рай ради нее. Из ее рассказа Сатана не упускает ни слова, а когда она заканчивает, заключает ее в свои объятия, ласкает и держит рядом с собой все последующее время.

Когда все ведьмы дали отчет, наступает очередь жертв, которых они привели с собой: сначала некрещеных детей и тех, кто был в нежном возрасте. Их ведут или несут перед тронем Дьявола, и они стоят там, любопытные и с открытыми глазами, ничего не понимая в происходящем, сбившись в группу, старшие девочки держат младенцев на руках, а неловко затыкают им рот, когда они плачут. Лукавый говорит с ними, подбирая слова в соответствии с их состоянием, его голос мурлычет, как кошка. Он рисует яркие картины того, какая награда ожидает их за абсолютное послушание - если они отрекутся от своих родственников, а те из них, кто крещен, от своих крестных отцов и матерей, а вместе с ними от Бога и Младенца Иисуса. Некоторые из старших возражают против этого, и тогда он вступает с ними в разговор, его голос по-прежнему мягок и жесток, как у кошки, и говорит им, что все, что они узнали о Священном писании, - всего лишь сказки старой жены, и что нет Бога, кроме того, кто говорит, будучи хозяином обоих миров. Затем его глаза загораются ярче, а голос становится свирепым и грозным, и он ведет их к склону горы и показывает им далеко внизу страшную пропасть, по которой скачет яростное пламя, а из ее центра поднимают свои открытые пасти мрачные огненные чудовища. Это всего лишь лживое видение, придуманное его адскими искусствами, но как бедным младенцам отличить ложь от правды? Ведьмы собираются вокруг них и угрожают, говоря, что если они откажутся, то их непременно бросят в пламя, но если они послушаются, то получают все, что так любит ребенок, в полной мере. И вот, наконец, они делают то, что им велят, и клянутся своими юными душами и надеждой на спасение на веки вечные, и повинуются Сатане с помощью непристойных церемоний, в которых они ничего не понимают, делая все из страха перед ведьмами, которые их наставляют. Когда все, вплоть до грудных младенцев, навеки привязаны к сатане, их уводят на берег горного тарна, где из его прозрачных глубин wypлывают огромные жабы и прижимаются к берегу. Этих жаб дети и находят, получив для этого маленькие белые ключики - Сатана обещает, что на следующий год, если они хорошо себя зарекомендуют, им будут предоставлены все привилегии служителей Ада. По-детски преодолев первый ужас перед отвратительными жабами, они играют с ними, пытаясь заставить их скакать с помощью белых переключателей, и, особенно мальчики, забывают обо всем, что прошло, в ликовании момента.

Тем временем более зрелых новобранцев армии Сатаны по очереди вызывают к нему, чтобы проверить их любовь к злу, заставить повиноваться и принять его знак, изобретенный им в нечестивой насмешке над ранами нашего Спасителя и стигматами, которые носили на своих телах многие из Его святых. И все это под аккомпанемент обрядов, столь мерзких и зверских, что они не поддаются описанию. А дальше, когда текущие дела закончены, вся команда пускается в пляс, мужчины, женщины и импы вместе. Пары танцуют спина к спине, по большей части голые, некоторые с черными кошками, висящими на шее или на поясе, плюются и царапаются, некоторые с отвратительными жабами и змеями, прижатыми к груди, и все танцуют и жестикулируют с такими развратными и непристойными выходками, что человеческий разум едва ли может уследить за ними. Бесы, которых здесь множество, держат в руках свечи с трупами, чтобы освещать их шаги, а в центре всех сидит Дьявол и дует в волынку, то в одном виде, то в другом, как ему заблагорассудится. Все выше и выше подпрыгивают они, все быстрее и быстрее становятся их шаги, кружась туда-сюда под голубым светом свечей, подстегиваемые гулом адских труб, пока они не падают, задыхаясь. Когда последняя пара прекращает свои пируэты, дьявол - теперь он снова в облике человека - откладывает свой инструмент и ведет их туда, где для них приготовлен банкет. Столы завалены всеми земными деликатесами: редчайшими фруктами, отборным мясом и самыми дорогими винами, разложенными на золотых блюдах, которые могли бы выкупить все короли христианства. В качестве сопровождающих выступают демоны низшего ранга, которые облачают себя в самые странные формы, какие только могут придумать. Так, у одного из них

чудовищный нос в форме флейты, на которой он играет руками. У другого из рогов и хвоста вылетают искры, которые, падая на стол, превращаются в огромных жуков. Еще один, не имеющий ни рук, ни ног, ни головы, катится, как колесо, на своем животе, в центре которого пылает один большой глаз. Еще один - не что иное, как огромный рот, - запрыгивает под столы и кусает ведьм за лодыжки. Еще один принимает форму мензурки, из которой наливает игристое вино в кубки гостей. Если они хотят выпить, оно превращается в горящую смолу. Так и со всеми яствами, ибо хотя они кажутся всем, чего только может пожелать сердце или чрево человека, и всего в изобилии, с сохранением только соли, ибо ее не выносит сатана, напоминая о Тайной вечере на земле Господа Христа, но при испытании они оказываются насмешкой. Ибо когда гости протягивают руки за желанным, оно исчезает с их глаз, а на его месте оказывается тлен и гниль, вонючая плоть убийц и еретиков или скота, умершего от рожи, внутренности пресмыкающихся или отбросы с помоек, а для питья - вода, в которой гнили утонувшие самоубийцы, и тому подобное. Некоторые из тех, кто только что вошел, в ужасе отворачиваются от такой пищи, а более закаленные насмеваются над ними, сами же набрасываясь на нее с ужасным остервенением.

Развеселившись после такого пиршества, они пускаются в разгул, шутки и игры, о которых и говорить не приходится, пока не наступает время для следующего предприятия, во время которого дьявол забавляется с самыми благосклонными из них. Когда, наконец, подается сигнал, вся адская команда снова поднимается в воздух, и их хозяин ведет их, крича и улюлюкая, как стая диких гусей по темному небу. Дьявол приводит их в старинный кафедральный город, где есть и древние башни, и разрушающиеся стены, и высокие дома, склонившиеся над узкими переулками, словно на охоте. Перед великим собором раскинулась широкая рыночная площадь, очень оживленная днем, но сейчас безмолвная, как кладбище, и лишь скрип какой-нибудь потревоженной ветром вывески говорит о человеческой энергии. Четыре дороги сходятся в центре рыночной площади, и здесь Лукавый приземляется, его служители следуют за ним, и здесь его трон установлен напротив портала собора - именно здесь Сатана любит глумиться над христианским ритуалом. Сначала проходит кошунственная пародия на Святое Крещение, жабы занимают место детей. Каждая из них наряжена в бархатный костюм черного или алого цвета, к каждой лапе привязан колокольчик, а на шею повешен один. Непогрешимый священник, который был чудом бесстыдства, а теперь продан сатане, совершает кошунство, а самые старые и мерзкие ведьмы выступают в качестве спонсоров, соревнуясь друг с другом в развратности своих ответов. В это время группа ночных бродяг, задумавших совершить святотатство, крадется в тени вокруг стен собора, пытаясь проникнуть в святое место. Их глаза и уши напряжены до предела, чтобы не быть задержанными, но, хотя они смотрят прямо сквозь толпу демонов и ведьм, толпящихся на открытой рыночной площади, они ничего не видят, ибо, хотя они и злодеи, они еще не потеряли свой шанс на спасение, и никто, кроме тех, кто бесповоротно поклялся следовать за Сатаной, не может увидеть, что происходит в ведьмину субботу.

После крещения жаб следует еще более кошунственное празднование Черной мессы. Снова священник-жрец, а бесы, ведьмы и демоны выступают в роли дьяконов, аколитов и прихожан, нечестиво подражая служителям Божьим. Вместо Святыни возвышается черная облатка, вырезанная в форме треугольника, и вся служба Мессы проходит в обратном порядке от конца к началу. Зрители также совершают свои поклоны задом наперед, не забывая о непристойных жестах, в сторону того места, где отец всех зол сидит, ухмыляясь и косясь на свой трон напротив дверей собора. Однако им не дано закончить свои богохульства, ибо в тот момент, когда лжесвященник пытается передать облатку бесу, который принимает ее, для большей насмешки, стоя на голове, по восточному небу ползет

первая бледная тень рассвета. Заметив ее, пронзительным криком приветствует петух, засевший в каком-то хозяйственном дворе за городскими стенами. Дьявольский выводок срывается с места и боязливо прислушивается, ведь Шантильер - слуга Божий, и все демоны, ведьмы и колдуны благоговеют перед ним как предвестником Божьего дня. Птица-соперница принимает вызов, и он разносится эхом по всей округе. Лукавый больше не ждет, а сразу же опускается вместе со своим тронem по булыжникам вниз, к месту своего обитания, а за ним следуют сопровождающие его демоны. Ведьмы и колдуны из этой компании не задерживаются, а бросаются в воздух, не тратя ни времени, ни дыхания на прощание, чтобы дневной свет не застал их врасплох, прежде чем они достигнут своих домов и все их злодеяния станут явными.

Матушка Хакетт, как и все остальные, садится на ручку метлы и уплывает по ветру. Возвращаясь, она не теряет времени на берегу моря, а устремляется ввысь, в воздух, сквозь усиливающуюся бледность утра. Она летит над морем и вниз, и, опустившись, как камень, в лощину, входит в свой домик через дымоход, не замеченный даже самым ранним пахарем. При ее появлении демон ожидания в ее облике поднимается с кровати и снова принимает облик ворона. Несколько слов приветствия и расспросов, и он покидает дом той же дорогой, что и пришел, устремляясь через поля, невзирая на дневной свет, ибо кто, увидев ворона, летящего к морю, подумает о колдовстве или чародействе? Кто же, войдя в свою скромную келью и увидев там бедную старушку, спящую на нищенском ложе, узнает в ней поганую ведьму, предводительницу всех зол и самого могущественного агента своего хозяина Сатаны. Ибо так хитро эти дьявольские ведьмы, при помощи искусств своего хозяина, скрывают свои выходы и входы, свои заклинания и заговоры, что есть немало невежд, которые, открыто попирая Священное Писание, заявляют даже в наши просвещенные дни, что колдовства и чародейства не существует, и что те, кто ищет ведьм и убивает их, не лучше жестоких убийц бедных беспомощных старух. Таковы коварство и злоба сатаны и глупость человечества.

ГЛАВА III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕДЬМЫ

Можно сказать, что ведьма, в широком смысле этого слова, существовала с тех пор, как у человечества впервые появилось воображение, и, как можно ожидать, исчезнет только со смертью последней женщины. С учетом сверхъестественного, колдовство в той или иной форме должно стать его следствием. Отсюда и ведьма - столь же вездесущая, сколь и вечная. В той или иной форме она существует и существовала во всех уголках земного шара; она так же хорошо знакома английскому крестьянину, как и западноафриканскому, в Южной Америке и в Японии. Ее атрибуты варьируются и менялись в зависимости от расового темперамента и религиозных представлений ее поклонников и гонителей так же широко, как и их богов. Но именно средневековое христианство придало ей ту определенную форму, в которой она сейчас наиболее широко признана, и именно христианскому идеалу безбрачия она обязана, хотя и косвенно, более непристойными, а в последнее время более гротескными атрибутами, возвышающими ее сначала до злобного равенства с рогатым дьяволом Средневековья и низводящими ее в конце концов до "ужасной старой ведьмы" из детской легенды.

От той же "ужасной старой ведьмы" до языческого божества очень далеко, но в длинной родословной нет разрыва. Ее можно проследить еще дальше, сквозь туман древности, до самых ранних дней человеческого материнства. Только вот между богиней и ведьмой мы сталкиваемся с дарвиновской проблемой. Действительно ли ведьма - дочь богини, или же обе они произошли от общей прародительницы? На мой взгляд, более правильной является последняя линия происхождения с языческой жрицей в качестве связующего звена.

"На одного волшебника - десять тысяч ведьм", - цитирует Мишле забытого писателя времен Людовика Трайзе; и на протяжении всей истории колдовства женщины составляли большинство его практиков. Наши предки объясняли это слабостью женского пола, всегда любопытного в постижении тайн Неведомого и склонного попасть в ловушку зла. Более милосердное и правильное объяснение можно найти в большей быстроте ее восприятия. Если Ева первой отдала яблоко Адаму, то вместе с ним она отдала и будущее цивилизованного человечества. Первая мать родила дочерей-близнецов, богиню и ведьму, и от одной или другой из них исходил импульс, который привел человечество на его нынешнюю ступень прогресса и еще больше приблизит его к раю.

Первобытный отец был животным с потенциальными возможностями - среди животных без таковых. Его интеллект был сосредоточен на деятельности, на обеспечении материальных потребностей себя и своей семьи. Его позиция по отношению к жене была очень похожа на ту, которую, по мнению сатириков, занимает современный американский бизнесмен. Его трудовые дни уходили на отслеживание добычи в лесу, а досуг - на сон, еду и переваривание пищи. Мать, с другой стороны, была привязана к дому в силу своего материнства. Менее активная, она была более созерцательной, подмечая в порядке событий лучшие средства сохранения маленького розового существа, которое не могло жить без ее заботы, ее ум всегда был начеку, чтобы уловить необходимость момента. Так она приобрела знания о полезных и вредных вещах, о пище, наиболее подходящей для его питания, о травах, растущих вокруг поляны, которые лучше всего подходят для лечения его младенческих жалоб. Она экспериментировала, осторожно, но непрерывно, и с каждой новой потребностью понемногу пополняла свой небольшой запас мудрости. Небольшой сам по себе, но огромный по сравнению с тем, что есть у мужчин или бездетных женщин. Мало-помалу она "ходила по больнице"; мало-помалу она узнавала относительную ценность своих простых снадобий, кому их следует давать, как, и когда. Для первобытного ума это было поводом для удивления, и это действительно так, почти так же чудесно, как первая улыбка младенца. Боль больше не может бесконтрольно буйствовать. Если она еще не нашла свою хозяйку, то, по крайней мере, уже заявила о своем протесте - повод не только для радости и удивления, но и для уважения и благодарности, даже, возможно, для поклонения.

Какой бы ни была его божественность, человек поклоняется самому себе. В любой форме религии поклоняющийся склонен путать себя с поклоняющимся. Человек не может избежать своего окружения. Гроза пугает его; должно быть, это демон грозы. А кто этот демон, как не такой же человек, как он сам, только уродливее, злее и гораздо могущественнее? Такому демону нужно льстить и умиловать его, как нужно умиловать разгневанного сильного человека. Но примитив, которому нужно зарабатывать на жизнь, не может выделить время, необходимое для умилования целого мира демонов. Он перекладывает эту обязанность на более слабого соседа, который сидит дома, обязуясь со своей стороны найти пищу для обоих. Отсюда первый жрец, от которого впоследствии произошел первый жрец. Ибо кто так искусен в умиловании, как она, способная уговорить самого одомашненного из демонов - вечно присутствующую Боль. И позже, когда умилование Зла уступит место призыву Добра, кто будет так достоин чести, то есть поклонения, как та, кто

на заре расы впервые избавила бедное человечество от телесных недугов? Богиня, жрица, белая ведьма и черная - все это лишь вариации на тему древнейшей и прекраснейшей из тем - материнства.

Вернемся к первой жене-домохозяйке. На протяжении всей своей жизни она постоянно пополняет свой запас знаний о природе, а когда умирает, завещает его своим дочерям. Они, в свою очередь, пополняют его, пока не наступает время, когда к лечению тела добавляется лечение разума. Ведь зарождающийся разум человека начинает беспокоить его почти так же, как и тело. Уже поднимает голову вечная проблема "почему и зачем", уже начинается его вековая борьба с неизбежным. То, что "все, что есть, хорошо", не кажется доисторическому человеку очевидным. Он знает гораздо больше. Он часто голодает, его скот умирает, засуха уничтожает скудные урожаи, сосед отнимает у него военную добычу. Он обращается к женщине, которая так много думает, за выходом. Разве она, которая своими снадобьями изгоняла боль из его тела, не может помочь ему и в этом? Разве не может она вылечить его скот? Разве не может она образумить провинившегося демона дождя или, сама вызвав небольшой дождь, побудить его к подражанию? А лучше всего, если она в силу своей мудрости не подскажет, как перехитрить вероломного соседа? Он щедро вознаградит ее, особенно за последнее.

Именно в этот момент жрица и ведьма пересекаются, и отныне их пути расходятся. Одна сестра, от которой должна родиться благочестивая жрица, готова сделать все, что в ее силах. Она вызывает демона скота, демона дождя; она, как и мужчина, не сомневается в их вызываемости, но если они отказываются отвечать, значит, они разгневаны. Она не может вызвать дождь, если демон противится ее молитве. Она честна, признавая свою неполноценность перед сверхъестественным. Только она утверждает, что лучше других понимает, как к нему подступиться.

Рассмотрим другую женщину - прародительницу ведьмы в плохом смысле этого слова. Она прекрасно знает, что не может вызвать дождь. Возможно, она уже проводила такой эксперимент. Но такая вера в свои силы соблазнительна, как и подарки, которые так легко заслужить. Мужчина верит в нее - и она почти начинает верить в себя. Возможно, она пытается убедить себя, что на этот раз у нее все получится. Она следит за погодой и читает в природных знаках вероятность того, что в скором времени ожидается дождь. Если же его не будет - что ж, она должна принять меры предосторожности, чтобы не навлечь на себя вину. Она должна поставить условия, а любую неудачу списать на их невыполнение. Очень приятно ощущать власть над ребенком-переростком, который так охотно поддается на уговоры. Она принимает доверие, приказывает демону дождя спустить свои ливни. Ее прочтение знаков оправдывается - ожидаемый дождь идет. Ее репутация обеспечена - до тех пор, пока вера в сверхъестественное не перестанет существовать. Ее дочь и внуки наследуют ее права. Они тоже повелевают бурей, используя ту же форму слов. Возможно, они сами обманываются, веря, что в форме слов их матери, ставших теперь заклинанием, есть какая-то добродетель. От первой претензии на власть над стихиями до законченной колдуньи, а затем и до "ужасной старой ведьмы" из сказочной легенды - всего лишь вопрос обычной эволюции.

Как жрица была матерью жреца, так и волшебник рождается от ведьмы. Человек, хотя и появляется на свет позже - точно так же, как мальчик развивается медленнее, чем его сестра, - не довольствуется тем, что всегда остается вторым в гонке за знаниями. Какое-то время - возможно, на протяжении долгих веков - он довольствовался тем, что оставлял

интеллектуальные вещи своим женщинам. Но когда он начинает работать, то не остается на пороге познания, как это делала женщина, которая подходила к нему только по необходимости. Однажды мужчина-иконоборец поднимает бунт, противопоставляя свой пробуждающийся интеллект унаследованной от женщины репутации. Победив, он трепещет от своей победы, а вся Палеолития ожидает гневного огня с небес. Но ничего не происходит. Ни молния не поражает его, ни стремительная болезнь не уничтожает ни его самого, ни его детей, ни его скот. Началась новая эра - волшебник становится рядом с ведьмой, медленно, но верно оттесняя ее на второе место.

Медленно проходят века, общество постепенно формируется и обретает форму. В поисках цивилизации человек покинул уединенную пещеру, где он вырвал империю мира из пасти пещерного медведя и косозубого тигра. Он построил себе дома и собрал их в деревни; из разрозненной семьи он развил племя, а из племени - нацию. Познав свою силу, опирающуюся на силу своих соседей, он постепенно расширяет и увеличивает ее, пока она не уступает силе божеств, перед которыми ему приятно трепетать. Он - или природа для него - выбирает правителей, которые становятся его богами во всем, кроме божественности; и его уважение к ним, если и менее абсолютное, то более непосредственное, чем к своим богам. Правительство, делая все возможным, становится свершившимся фактом.

Правительство, однажды созданное, не теряет времени на то, чтобы соизмерить себя с Небом. В той или иной форме конфликт между Церковью и государством, как бы ни маскировали его люди, длился с самого начала и должен длиться до тех пор, пока выживают оба. Тот идеал, который достиг ближайшей точки достижения в теоретической конституции Священной Римской империи - два правителя, сосуществующие и равноправные, управляющие один духовной, а другой материальной империей мира, - по самой природе вещей был обречен остаться идеалом. Либо Бог, либо человек должны быть первыми. С их борьбой за власть судьба ведьмы, как и всех представителей сверхъестественного, была тесно связана.

Поначалу укрывшись под крылом духовной силы, материальная процветала - за счет своего покровителя. Царство природы поначалу казалось столь незначительным по сравнению со сверхъестественным, что был бы смелым иконоборцем тот, кто осмелился бы их сравнить. Только вот король всегда был среди своего народа; бог же век за веком отступал все дальше в необозримые небеса. Медленно гражданская власть освобождалась от опеки духовной - как это происходит и в наше время - медленно, со многими шатаниями и оглядками назад, утверждаясь в процветании, обращаясь за помощью в невзгодах, часто отступая, но никогда не продвигаясь так далеко.

С первым введением гражданского правительства ведьма и жрица окончательно расстаются, чтобы впредь действовать по разные стороны. Правда, поскольку религия следует за религией, жрица прежней эпохи часто становится ведьмой ее преемницы, тем самым лишь подчеркивая различие. Ведь в непрекращающихся попытках установить *_modus vivendi_* между человеческим и сверхъестественным мирами жрица приспособляется к обстоятельствам, а ведьма бросает им вызов. Жрица, признавая собственную человечность, претендует лишь на то, чтобы интерпретировать желания бога, ходатайствовать перед ним от имени своих собратьев. Ведьма, убежденная тори старой закалки, утверждает, что она божественна, поскольку использует божественную силу, не поддающуюся человеческому управлению, и таким образом выделяет себя в отдельную группу, независимую от гражданских и церковных властей, и как таковая является объектом

страха и подозрений. Но даже в этом случае она остается уважаемой, подозрительной, но не осуждаемой. Отношение общества к ней изменчиво; ее попеременно поощряют и подавляют, почитают и преследуют - и во всем она процветает, то соблазнительная, как Цирцея, то похожая на карга, как Геката.

Проходят века, империи расцветают и приходят в упадок, и постепенно в обществе происходят большие перемены. В воздухе витают волнения; старые системы и старые верования умирают по инерции, и люди с нетерпением ждут, что придет им на смену. Дух свободы личности витает по миру, шепча на ухо всем людям. Раб, работающий за веслом, слышит их, хотя и не смеет слушать, и обнимает их в своем сердце, и ересь, угрожающая самим основам общества, распространяется далеко и широко. Возможно ли, что люди не рождаются рабами или господами по божественному указу?

Первый социалист рождается на Востоке. Он и его ученики проповедуют вероучение, настолько кощунственное, настолько несовместимое с правами собственности, что для сохранения корыстных интересов становится священным долгом распять его в качестве поощрения других. Одним словом, Он провозглашает, что все люди равны. Для христианства хорошо, что Он добавляет оговорку: "В очах Божьих", иначе как бы раб или господин мог поверить в то, что противоречит показаниям органов чувств? Несмотря на корыстные интересы, новое вероучение распространилось, как и должно распространяться любое вероучение, столь утешительное для подавляющего большинства, угнетенных и угнетателей. Но, хотя христианство и проповедовало приемлемые доктрины свободы, равенства и братства, вместе с ними в мир пришел грех. Все люди могли быть равны перед Богом, но все они были одинаково грешны. Смирение и самоуничижение должны были занять место прежней языческой жизнерадостности. Для христианина - во всяком случае, для раннего христианина - мир перестал быть наследием человека, как Небеса были наследием сонма сменяющихся божеств - наследием, пользование которым было столь же безупречным, сколь и естественным. Он стал местом дисциплины и обучения, суровой школой, призванной подготовить его к славному будущему, в котором должны были участвовать только избранные. Все, что не способствовало достижению этой цели, было злом; все, кто не работал для достижения этой цели, были злодеями. Язычник и его покладистое язычество были в равной степени прокляты и терпимы к греху.

Состязание между двумя подобными школами мысли, каким бы долгим оно ни было, могло иметь только одно завершение. Капризные гонения на гражданских, а не религиозных основаниях дали иконоборцам единственный оставшийся импульс, необходимый для захвата скипетра мира. Преуспев, они в свою очередь преследовали, систематически и с тщательностью, порожденной сознательной добродетелью. Вопреки или благодаря таким попыткам уничтожить язычество и язычников вместе, старый порядок все еще тайно сохранялся долгое время после того, как известный мир был официально христианизирован. Естественно, христианин мог только предполагать, что такое преступное упорство было прямым делом того Лукавого, которого он сначала эксплуатировал. Языческие обряды были для него не более и не менее чем поклонением дьяволу, а те, кто их практиковал, - прямыми представителями сатаны. Некоторые из языческих богов были поставлены на службу христианству в качестве святых, а их праздники - в качестве дней святых. Те, что остались, были объединены вместе с их служителями и атрибутами под общим названием "магия", сначала их сторонились и боялись, но по мере того, как церковь все больше и больше вступала на место гражданской власти, с ними боролись без пощады.

Столкнувшись с такими убедительными аргументами в пользу обращения, языческая ведьма не замедлила принять христианского дьявола как более сильного покровителя, чем старые,

покладистые боги, населявшие ранее мир сверхъестественного. Язычница или номинальная христианка, она была одинаково предана анафеме Церковью, хотя бы потому, что последовательно выступала в роли Pro testant, утверждая, что общается с Невидимым напрямую, независимо от надлежащих церковных каналов. И именно благодаря этой независимости ее влияние на воображение соседей продолжало расти по мере того, как христианство продвигалось к всеобщей империи. Однозначные заявления церкви против ведьм, колдовства и всех видов магии способствовали укреплению всеобщей веры в их силу. То, что так решительно осуждалось, должно было обязательно существовать. Кроме того, в этой осязаемости было определенное удовлетворение. Она упрощала, сглаживала путь к добродетели. Когда колдовства не было, ваш долг был прост, а задача легка. Достаточно было произнести святое имя, сделать священный знак, окропить святой водой, и победа была обеспечена. Если бы все нападения дьявола были такими прямыми и непобедимыми, путь на небеса был бы широким и гладким.

Возможно, именно народное чувство победоносной способности противостоять своим чарам защищало ведьму от чрезмерных преследований вплоть до двенадцатого и тринадцатого веков. Абсолютная уверенность в силе подавить зло уменьшает настоятельную необходимость в его пресечении. То тут, то там казнили ведьм, случались локальные преследования незначительных масштабов, но для всеобщего истребления нужно дожидаться более просвещенных времен Якова I или Людовика XIV. Ведьма темных веков могла рассчитывать сравнительно безопасную жизнь, подслащенную подношениями тех, кто, тоскуя по нынешним радостям, следовал советам Омара Хайяма, а не своих призрачных советников. Тем временем, однако, росла масса традиций и прецедентов, чтобы затем быть использованными в смертоносных целях в обличениях ученых писателей шестнадцатого и семнадцатого веков против мерзкого и проклятого греха колдовства.

К одиннадцатому веку ведьма была твердо определена, как в народном, так и в церковном сознании, как женщина, заключившая договор с сатаной ради свержения царства Христа. Народное представление о ее личности также претерпело изменения. К двенадцатому веку о ней уже не говорили как о прекрасной чаровнице - она стала старше и уродливее, беднее и убожее, не демонстрируя ни одного из тех преимуществ, которые, как можно было ожидать, принесет ее договор с лукавым.

Растущая тенденция к увлечению запретными вещами приводила к большей строгости в их пресечении, но только во времена Иннокентия VIII, когда колдовство было официально приравнено к ереси, можно сказать, что период жестоких преследований действительно начался. Колдовство само по себе было достаточно плохо; в сочетании с ересью никакое преступление не было столь пагубным и никакое наказание не было слишком суровым, особенно когда его применяла святая инквизиция. Власть инквизиторов часто использовалась не по назначению; тот факт, что имущество обвиняемого становилось конфискацией для ее судей, когда дело рассматривалось в церковном суде, может показаться скептику достаточным основанием для того, чтобы церковные власти предпринимали гораздо больше преследований, чем гражданские. Но в абсолютной искренности, с которой все классы стремились искоренить столь ужасное преступление, не оставляют сомнений грозные и объемные труды того времени. Католики, а после Реформации - протестанты, богатые и бедные, патриоты и филантропы, с одинаковым энтузиазмом вынюхивали свою жертву и с благочестивым удовлетворением истязали беспомощных старух до последней крайности во имя Всемилоственного.

Начиная с XIV века и далее тип признанной ведьмы меняется лишь в деталях. Хотя и не всегда, но обычно это обычная ведьма. Если она молода, то ее сбивает с пути старший, или в детстве ее водят на шабаш под принуждением - что, впрочем, не считалось действенной защитой во время суда. В шестнадцатом и семнадцатом веках было казнено множество таких людей, во многих случаях совсем еще детей. Но именно беззубая карга, чье бормотание привлекло внимание общественности и стало признано самым правдивым типом. Даже когда люди перестали ее бояться, она не утратила своей гротескной отвратительности для детского ума, и в таком виде окончательно закрепились в ясельной литературе Европы. В этом качестве я также попытался воссоздать ее в том виде, в каком она жила в глазах своих средневековых современников, в другом разделе этого тома.

ГЛАВА IV

ПОЛМИРА.

Приняв в самом начале своей земной карьеры решение признать существование сверхъестественного мира, человек незамедлительно приступил к работе по его созданию по своему образу и подобию. Не найдя простора для своего бурного воображения, он добавил к нему еще один, дополнив небесное inferнальным, добро - злом, если, конечно, как это более вероятно, он не выводил добро из зла. Но как между полуднем и полночью есть много ступеней, так и к миру, который он видел и который он представлял, он добавил другие, которые должны были стать их связующими звеньями. Между божественным и человеческим он поместил полубожественное, между человеческим и inferнальным - получеловеческое. Он спарил Бога с Человеком, а того и другого - с Дьяволом и развел многочисленное семейство: Бог-Человек, Человек-Дьявол, Бог-Дьявол и так далее, пока возможности его воображения не были исчерпаны. У каждого из них есть свой мир - и звезды не могут соперничать с ними по количеству; в каждом мире есть свои города и свои народы, отличающиеся друг от друга во всем, кроме одного: все они одинаково чувствуют, действуют, думают, следуя примеру человечества. Так же обстоит дело и с другой вселенной полумиров, заполняющих пространство между человеческим и звериным - кентавр, сатир, волк или русалка, - все они одинаково отражают человеческое воображение, которое их создало, - и в бесформенных телах они соединяют отраженный разум человека.

В соответствии с общим правилом, ведьма - всего лишь одна из обитательниц полумира, который густо населен и сам по себе образует одну из сложных звездных групп. По крайней мере, внешне его орбита почти совпадает с орбитой нашего человеческого мира, поскольку его обитатели в большинстве своем имеют человеческое происхождение и приобретают те качества, которые поднимают их выше или опускают ниже обывателей после их рождения. Это не неизменно - ничто не неизменно для воображения. Так, феи, хотя и не являются людьми, могут быть ведьмами и демонами, если только не лгут многие серьезные и уважаемые авторитеты. При определенных условиях они могут даже стать людьми, как русалки - многие мужчины женились на женах-феях, и вопрос о том, потеряли ли они надежду на рай, как это неизменно делают ведьмы, остается открытым. Как ведьмы, они должны рассматриваться как принадлежащие к Белому, или благодетельному, типу; ибо, хотя, как сказал нам Меркуцио, они могут иногда играть недобрые шутки с праздными или недостойными, они всегда благосклонны к добродетельным людям и часто посвящают себя полностью добрым делам, как в случае с Лоб-ли-бо-огнем и другими, столь же трудно

поддающимися описанию. Ведь чем больше мы исследуем различные орбиты полумиров, тем больше убеждаемся в их неразрывном переплетении. Западная фея или восточный джинн могут принимать полсотни различных обликов - они могут пронизывать половину воображаемой вселенной, и как фея, так и ведьма. Геката, богиня, была не менее известной ведьмой, чем Мать Шиптон, человеческое существо не самого высокого ранга. Волк-оборотень, хотя обычно имеет человеческое происхождение, мог родиться волком и получить способность принимать человеческий облик по какой-то последующей внешней причине. Чудовище в сказочной истории, хотя в душе это юный принц, обладающий немалой привлекательностью, после трансмогрификации могло бы навсегда остаться Чудовищем, если бы не его удачная встреча с отцом Красавицы. Кто скажет, к какому миру отнести, как классифицировать, чтобы исключить возможность путаницы, Цирцею - ведьму, богиню и женщину, а также мужчин, которых она превратила в свиней, или фей и русалок, которые, обычно по любви, лишились своих внечеловеческих качеств и стали более или менее постоянными женщинами, или тех человеческих детей, которые, украденные феями, стали феями навсегда, или как отличить всех этих от дам с романтическими именами и неопределенными устремлениями, которые вершат судьбы на современной Бонд-стрит.

Даже если мы согласимся ограничить ведьму самыми узкими рамками, рассматривать ее, так сказать, в первую очередь как человека и лишь случайно наделенного сверхчеловеческими способностями и атрибутами, на пути точной классификации все равно остается множество трудностей. Ее способности разнообразны, и далеко не всегда присущи каждому человеку. Например, она способна превращаться в волка или кошку, что роднит ее с оборотнем, так же как кошка или волк при определенных обстоятельствах могут превратиться в ведьму-человека, навсегда или иным образом. Она может обрести разум волка без его тела; с другой стороны, многие прекрасные принцессы были превращены в белую лань с помощью колдовства. Так же и с ее коллегами-мужчинами - колдунами, магами, чародеями, колдунами-мужчинами, прорицателями и прочими представителями великой семьи. Мы можем достичь твердой почвы, согласившись признавать только тех, кто имеет человеческое происхождение, хотя при этом мы исключаем многих из самых выдающихся - среди них и сам великий Мерлин. Но даже в этом случае невозможно догматизировать, где начинается одно и заканчивается другое. Было много мужчин-колдунов - особенно в Шотландии - в отличие от волшебников. Волшебник и чародей, если можно рассматривать их как отдельные виды, хотя и отличаются от мага и колдуна, все же очень трудно распутать. Положение осложняется тем, что, как человек может быть клерком, певцом, игроком в крикет, фальшивомонетчиком, филантропом и коллекционером марок одновременно, так и один профессор Черного искусства может принимать полдюжины обликов одновременно или в течение всей своей карьеры.

Есть только одна твердая скала, выступающая из великой трясины изменчивой неопределенности: ведьма, волшебник, оборотень или кто бы их ни подразделял - все они объединены одной великой уверенностью: это неизбежное проклятие. В каком бы обличье они ни представали, какими бы разными ни были их силы, в конце концов они должны прийти к этому единственному выводу. И таким образом, и только таким образом, мы можем узнать их - посмертно.

Правда, можно провести определенные произвольные линии, чтобы локализовать собственно ведьму, даже если правила состоят в основном из исключений. Так, в большинстве случаев она женского пола. Шотландскую ведьму-мужчину и тех, кто встречался в других местах в XVI и XVII веках, можно было бы с тем же успехом назвать волшебниками или колдунами, если бы не было абсолютных доказательств обратного.

Ведьма, опять же, редко поднималась до таких высот в профессии, как ее конкуренты-мужчины. Маг, как мы видели, принадлежит к более поздней стадии развития человечества, чем ведьма, но, развившись, он вскоре оставил ее далеко позади; правда, он смог воспользоваться тем запасом знаний, который она так медленно и мучительно приобретала. С ее помощью он вскоре поднялся до самого высокого ранга в профессии, подходя к ней с научной точки зрения и оставляя ее копошиться в эмпирических и эмпирических правилах. Он не успокоился, пока не стал хозяином Дьявола, используя Сатану и всех его призраков в своих личных целях, в то время как менее предприимчивая ведьма никогда не становилась больше, чем слугой Дьявола или, в лучшем случае, его скромным партнером в злодеяниях.

Маг, какими бы ни были его личные недостатки, безусловно, заслужил хорошую оценку потомков. Как шарлатан и сивилла с Бонд-стрит являются представителями ведьмы по прямой линии, так и от алхимика и колдуна произошли великие ученые наших дней - поистине нечестивый выводок, отрицающий, что их собственный отец был не кем иным, как самозванцем и шарлатаном. Владелец, скажем, "Гранул доктора Параболя" - родной брат первооткрывателя луча Рентгена, пусть и незаконнорожденный. Исследования старого колдуна в области Запретного, какой бы ни была их непосредственная выгода, по крайней мере, указывали направление для более прибыльных исследований. Мерлин, Корнелий Агриппа или Альбертус Магнус, родись они в наше время, наверняка получили бы звание стипендиатов Королевского общества - и не без оснований. Именно поискам философского камня и эликсира *vitæ* мы обязаны открытием радия. Только призвав на помощь дьявола, человечество обрело предчувствие Бога.

Собственно ведьма, напротив, не утруждала себя исследовательской работой. Достигнув того господства над своими братьями, которое дорого женскому сердцу, она довольствовалась лаврами. Некоторые заклинания или чары, заученные наизусть, понимание действия и лечения определенных ядов - этого было достаточно, чтобы убедить своих соседей и, возможно, себя. Несомненно, доктор Параболе, как бы ни осознавал вначале никчемность своих пилуль, после многих лет упорной рекламы приходит к вере в них. Может, он и не станет принимать их сам - по крайней мере, пропишет их своему дорогому другу с абсолютной добросовестностью. Так и с ведьмой, его бабушкой. Многие, без сомнения, из миллионов, принесенных в жертву Всемилоствому, были невиновны даже в намерениях; еще большее число позволило убедить себя в собственной греховности подозрениям соседей или настойчивым доводам своих судей-преследователей; многие были истериками, эпилептиками или безумцами. Но большая часть, и это вряд ли можно назвать излишеством, просто не обладала силой, лелея намерения - ведьмами они были во всем, кроме колдовства.

Таким образом, мы можем кратко описать разницу между ведьмой и магом: одна исповедовала силы, в которые сама могла верить или не верить, унаследованные или полученные ею и переданные ею своим преемникам без каких-либо попыток их приумножить. Маг, с другой стороны, на самом деле изучал тайны, которые исповедовал, и поэтому, если оставить в стороне его профессиональные фокусы, не может считаться самозванцем. Вместе с алхимиком и астрологом, чаще всего сочетая в себе три характера в одном лице, он стоит во главе профессии, в которой ведьма - мужская или женская - занимает заднее место. Власти XVI века проводят еще одно различие между ведьмами и колдунами, с одной стороны, и магами и чародеями - с другой: если первые имеют личные отношения с дьяволом, то их коллеги занимаются только лекарствами и чарами, без необходимости вызывать явлений. В этой связи следует отметить, что колдун часто водит за

нос дьявола и его родственников, причем в нескольких смыслах - у дьяволов очень тонкие носы, и поэтому их легко успокоить и соблазнить фумигациями, чем пользуется каждый грамотный колдун. Таким образом, святой Дунстан и другие святые, о которых рассказывается, что они буквально водили дьявола за нос, используя для этого раскаленные щипцы, шли по пути, указанному им профессорами магического искусства.

Между ведьмой и колдуном лежит широкая пропасть. Колдун принуждает дьявола, против его inferнальной воли, молитвами и призыванием Святого Имени Бога; ведьма заключает с ним деловое соглашение, обменивая свое тело, душу и послушание на определенные более или менее иллюзорные обещания. Колдун почти всегда благодетельствует, а ведьма обычно злобствует, хотя Белая ведьма использует свои силы только во благо, хотя иногда и с некоторым озорством, а Серая ведьма творит добро или зло по своему усмотрению, с некоторым уклоном в сторону зла. Волшебник, которого часто путают с колдуном-мужчиной, на самом деле является выдающимся практиком, обладающим сверхъестественными способностями, которых он добивается сам, и, как и маг, скорее сдерживает дьявола, чем служит ему. Он также способен приносить пользу обществу, причем настолько, что Мелтон в своей "Астрологастре", опубликованной в 1620 году, включает в нее то, что можно назвать почтовым справочником волшебников Лондона. Он перечисляет шестерых важных волшебников, одних называет по имени, как, например, доктор Форман или "молодой мастер Олив с Тернбулл-стрит", других - более расплывчато, как "хитрый человек с Бэнксайда" или "хирург с волынкой на щеке". Он включает в список одну женщину, вероятно, белую ведьму.

Прорицатели, или прорицатели будущего, составляют еще один подраздел любителей сверхъестественного - и этот подраздел насчитывает очень много практиков даже в наши дни. Естественно, поскольку желание влиять на будущее является очевидным следствием желания знать его, роль прорицателя чаще всего удваивалась с ролью ведьмы или колдуна. Гадание - сложнейшее искусство, имеющее почти столько же направлений, сколько и медицина, каждое из которых имеет своих избранных практиков. Разные народы предпочитали разные методы гадания: так, евреи больше всего доверяли уриму и туммиму; греки славились аксиномантией, механизм которой состоял из топора, положенного на грифельную доску или обработанного другим способом. Этот метод был пригоден как для настоящих, так и для будущих нужд, особенно эффективен он был при обнаружении преступников. Гадание для раскрытия преступлений было и остается очень популярным на Востоке. Индусы, в частности, возлагают на него больше надежд, чем на более привычные методы нашей западной полиции, и рассказывают множество историй об успехах, достигнутых их практиками. Это не удивительно и в тех случаях, когда прорицатель демонстрирует столь проницательное знание человеческой натуры, как в часто цитируемом случае, когда всех подозреваемых в краже выстраивают в ряд и дают им по зернышку в рот, уверяя, что только виновный не сможет его проглотить - явление, которое почти всегда происходит, если вор находится среди присутствующих, и нередко, когда его нет! Эта и подобные истории, хотя и не относятся к собственно гаданиям, но настолько уместны, что позволяют объяснить многие из их замечательных успехов. Скажите нервному человеку, что ему суждено совершить самоубийство в определенный день, и, если он хоть немного верит в ваши пророческие способности, вероятность того, что он докажет правильность вашего предсказания, очень велика. Мы можем сравнить с этим мощное влияние "тапу" на разум жителей островов Южного моря. Многие туземцы погибли - это подтверждают сотни достойных доверия свидетелей - без какой-либо более ощутимой причины, чем страх перед

проклятием за осквернение того, что находится под его защитой. Можно добавить, что островитяне, заметив, что белых людей не постигает та же участь, объясняют это тем, что боги белых людей, будучи иного мнения, чем они сами, защищают своих приверженцев.

Собственно гадание принимает почти бесчисленные формы. Не слишком углубляясь в эту обширную тему, можно привести несколько примеров. Среди наиболее известных - Беломантия, или гадание по полету стрел, форма, которой очень благоволят арабы; Библиомантия (наиболее известным примером которой является "Sortes Virgilianæ"); Онейромантия (или гадание по снам, почитаемое архиепископом Лаудом и лордом Бэконом среди прочих); Рабдомантия (с помощью жезлов или палочек. Даузер, или искатель воды, чьи подвиги привлекли столько внимания в последние годы, очевидно, сродни рабдомантику). Кристалломантия, или гадание по кристаллам, была впервые популяризирована в этой стране небезызвестным доктором Ди, и до сих пор находит множество приверженцев на Бонд-стрит и в других местах. Гидромантия, или гадание на воде, - еще одна разновидность, которой отдают предпочтение сибилы с Бонд-стрит, причем вместо воды иногда используется лужа с чернилами. Хейромантия, или палмия, самая популярная из всех, может претендовать на уважение в своей наименее амбициозной форме как средство для чтения характера. Гадание на игральных картах, еще один популярный метод, имеет, нет нужды говорить, более позднее, средневековое происхождение. Римские авгуры, которые, как известно каждому школьнику, предсказывали будущее по полету птиц, представляют собой еще один пример этой универсальной забавы, возможно, наименее вредного подраздела черных искусств.

Среди самых ярких светил полумира - звезды-близнецы, населенные Алхимиком и Астрологом. Псевдонауку чтения звезд можно предположить, что она возникла с момента появления первого ночного светила, и, таким образом, может претендовать на родословную даже более древнюю, чем собственно магия, хотя бы на несколько месяцев или лет. Алхимия, несмотря на свое мавританское название, имеет не менее длинную историю. Она обязана своим рождением - традиционно, во всяком случае, - тому же египетскому Человеку-Богу, который впервые представил колдовство и магию в их упорядоченных формах ожидающему миру. Его принципы были выгравированы им пуническими иероглифами на изумруде и обнаружены в его гробнице не менее известным человеком, чем Александр Македонский. Следует добавить, что в отношении этого воскрешения были высказаны сомнения. Однако, как бы то ни было, оно широко практиковалось поздними греками в Константинополе с V века н. э. до завоевания города мусульманами. От них его переняли арабы, дали ему название, под которым он с тех пор известен, и стали самыми успешными его практиками.

Попытка подробного изучения великих алхимиков не соответствует моей цели и заняла бы больше места, чем есть в моем распоряжении. В то же время их связь с колдовством была настолько тесной в глазах вульгарных людей, настолько близкой, что игнорировать их невозможно. Более того, они придают ведьме отраженную респектабельность, от которой она ни в коем случае не может позволить себе отказаться. На самом деле в свое время они занимали примерно такое же положение, как и великие изобретатели и ученые наших дней. Мистер Эдисон и мистер Маркони, родись они десять веков назад, несомненно, заняли бы возвышенное положение, как алхимики или маги. Как и сейчас, через десять столетий вокруг их имен с большой вероятностью будет соткан целый мир магической романтики, даже если они не будут вознесены до божественности или неразрывно спутаны с Люцифером и Прометеем. Хотя некоторые из их предшественников, возможно, действительно претендовали на власть над сверхъестественным - либо в самообмане, либо ради

самовозвеличивания, - подавляющее большинство, несомненно, было обмануто современниками или потомками, а сами они не претендовали ни на что большее, чем считаться учениками неизвестного. Философский камень и Эликсир Витæ, возможно, действительно служили идеальной целью их исследований, как и в наше время, когда они обрели современную форму Секрета Жизни; но их фактические открытия, пусть случайные и побочные, были не менее ценными. По прошествии столь длительного времени провести границу между алхимиком-ученым и шарлатаном так же трудно, как и столетие спустя отличить ложное от истинного среди "изобретателей" и "ученых" наших дней, так что туман традиций полностью заслоняет лицо истории. Оставляя в стороне такие чисто легендарные фигуры, как Мерлин, мы можем разделить их на три категории и вкратце рассмотреть по одному примеру в каждой. К первой можно отнести более или менее мифические фигуры Гебира и Альбертуса Магнуса, оба из которых, насколько сейчас можно судить, обязаны своей неоднозначной репутацией исключительно суевериям своих потомков.

Такой человек, как великий арабский врач Гебир, иначе Абу Мусса Джафар, по прозвищу Аль Софи, или Мудрый, живший в восьмом веке, непременно должен был приобрести репутацию обладателя сверхъестественной силы, даже если бы он не занялся открытием философского камня и эликсира. Хотя он не нашел ни того, ни другого, но в поисках их сделал другие открытия, не менее ценные, и, как бы это помягче сказать, сделал их открытие возможным в последующие века. Так, не найдя способов получения золота, он подарил нам такие полезные химические вещества, как азотная кислота, нитрат серебра и оксид меди. Кстати, он написал несколько сотен трактатов по двум своим "предметам", английский перевод одного из них, "Summæ Perfectionis", был опубликован в 1686 году Ричардом Расселом, который сам был алхимиком с солидными достижениями.

Альбертус Магнус, опять же, дал вульгарным людям все основания считать его inferнальным вдохновителем. Иными словами, он был ученым с большими достижениями в те времена, когда ученые отличались в основном своим дремучим невежеством, и вполне заслуживал какого-нибудь менее двусмысленного прозвища, чем то, которое дали ему некоторые авторы как "Основателю Школьников". Доминиканец, он занял кафедру теологии в Падуе в 1222 году, будучи еще молодым человеком. Устав от сидячей жизни, он оставил свою профессию и преподавал во многих крупных европейских городах, особенно в Париже, где прожил три года в компании со своим прославленным учеником Фомой Аквинским. Одно время он был назначен епископом Регенсбурга, но очень скоро ушел в отставку, обнаружив, что епископские обязанности мешают его занятиям. Из двадцати пяти фолиантов его пера один посвящен алхимии, и он был магом первого класса - так, по крайней мере, утверждали последующие поколения, хотя сам он, скорее всего, не подозревал об этом. Среди прочих его владений была медная статуя, наделенная даром речи, который проявлялся с таким усердием, что истощил терпение даже самого святого Фомы Аквинского, и он был вынужден разбить ее вдребезги.

Роджер Бэкон, изобретатель и обладатель еще более знаменитой медной головы, был не менее прославленным ученым и в полной мере заслужил свое восхитительное прозвище "Восхитительный доктор", даже если на самом деле он не был изобретателем пороха и телескопа, как утверждали его поклонники. Уроженец Сомерсета, родившийся, по традиции, за год до подписания Магна Чарта, он мог бы войти в число величайших англичан, если бы его репутация фокусника не наводила на мысль о том, что он - миф-альт gether. Он был в некотором роде еретиком, хотя и в орденах, а его сочинения навлекли на него подозрения генерала ордена францисканцев, к которому он принадлежал. Папа Климент IV некоторое время оказывал ему покровительство, вплоть до изучения его трудов, в частности его

"Magnum Opus", но позже генерал францисканцев осудил его труды, и он провел четырнадцать лет в тюрьме, будучи освобожденным лишь за два года до своей смерти. Но его исторические достижения были ничто по сравнению с его легендарным владением, в сотрудничестве с монахом Бунгеем, "Говорящей головой". Менее словоохотливая, чем статуя Альбертуса, она произносила всего три фразы: "Время есть. Время было. Время прошло". Последняя сентенция, к несчастью для всех зрителей, досталась глупому слуге, и, будучи выставленной им на посмешище, она упала на землю и разбилась вдребезги, лишив тем самым своего изобретателя его заветного плана - с ее помощью окружить Англию наглым валом, ничуть не менее эффективным против нападений врагов короля, чем наши нынешние железные корабли.

Монах Бэкон не заслужил той посмертной популярности, которой он добился в песнях и рассказах, ведь именно он сделал магию и алхимию по-настоящему популярными занятиями в этой стране. Его подражатели были столь многочисленны, что спустя более века после его смерти - в 1434 году - алхимическое производство золота и серебра было объявлено преступлением. Двадцать один год спустя Генрих VI, который, как это обычно бывало, остро нуждался в деньгах, счел нужным изменить позицию правительства и выдал ряд патентов как церковникам, так и мирянам на поиски философского камня с объявленной целью оплатить королевские долги за счет полученных средств. В этом замысле он, надо полагать, разочаровался.

Доктор Ди, друг и сплетник королевы Елизаветы, может быть принят за точку, в которой алхимик перестает быть обитателем какого-либо полумира и становится полностью человеком. Лондонец по происхождению, он родился в 1527 году, стал бакалавром Кембриджского университета и ректором Аптон-апон-Северна. Церковные обязанности не могли сдерживать его энергии, и он настолько хорошо разбирался в магических искусствах, что, когда восковое чучело королевы Елизаветы было найдено в Линкольнс-Инн-Филдс - а восковое чучело в эпоху Елизаветы имело только одно значение, - его наняли для борьбы с содержащимися в нем злыми чарами, что он и сделал с таким заметным успехом, что королевская особа не пострадала ни от каких последствий. К несчастью для себя, доктор Ди со временем обзавелся учеником, неким Эдвардом Келли. Келли оказался искусным охотником за демонами, но ему совершенно не хватало невинного легковерия, столь заметного в характере его преподобного наставника. По его настоянию доктор Ди отправился в континентальное турне, которое привело к катастрофе самого высокого масштаба и полной потере доброго имени доктора Ди. Правда, можно считать, что он заслужил свою судьбу, ибо настолько абсолютной была его вера в своего ученика, что когда этот _шевалье промышленности_ получил сообщение от знакомого беса, что для успеха их алхимических предприятий необходимо, чтобы они обменялись женами - миссис Ди была так же благосклонна, как миссис Келли - наоборот, - доктор принял ситуацию с беспрекословной верой и согласился на все, чего желали духи.

Среди других искателей философского камня и эликсира Vitæ, о которых можно кратко упомянуть, были Ален де Л'Исль, иначе Аланус де Инсулис, примечательный тем, что он действительно открыл эликсир, если верить его современникам, и настолько оправдал свою репутацию, что отсрочил свою смерть, которая случилась в 1298 году, до 110 лет; Раймон Люлли, который, посетив Англию примерно в 1312 году, устроил лабораторию в стенах Вестминстерского аббатства, где много лет спустя был найден запас золотой пыли; Николас Фламель, умерший в 1419 году и получивший большую часть своих оккультных знаний из книги патриарха Авраама, написанной на латыни; и, переходя к более поздним годам, Уильям Лилли, известный английский практик XVII века, искусный в использовании жезла

для гадания, с помощью которого он искал спрятанные в Вестминстерском аббатстве сокровища, возможно, оставленные Раймоном Люлли.

Пожалуй, нет более тревожного симптома цивилизации, чем растущая тенденция к сжатию полумиров, построенных нашими предками с такой щедрой затратой воображения, до узких рамок того, в котором мы обречены проводить свои рабочие дни - и не слишком радостно. Мы видели, как алхимик и маг из полубожественных существ, наделенных властью над богами и людьми, с течением времени стали путать с дешевой шпаной на сельской ярмарке. Так было и со многими другими обитателями Невидимого. Возьмем, к примеру, некогда грозного великана. Изначально они были богами или мало чем уступали им, так что Олимп должен был приложить все свои силы, чтобы одолеть их; в свое время они были самостоятельным народом, располагались где-то в Корнуолле, имели собственных королей, Коркорана, Мушкетона и других, сторонились человека, за исключением тех случаев, когда ради развлечения или аппетита совершали набеги на его заповедники, были уязвимы, правда, только для сверхчеловека Джека; где же теперь ваши великаны? Голиаф, хотя и был побежден Давидом, все же не был опозорен, ведь он сражался не против тщедушного пастуха с пращей, а против всей мощи еврейского Иеговы. В те дни на земле были великаны, говорит нам Писание, и это в выражениях, дающих нам понять, что к великану следовало относиться с уважением, если не с восхищением. Полифем, хотя и перехитрил смертного, был фигурой почти божественной, богоподобной в своих страстях и муках. Весь древний мир изобилует анекдотами, доказывающими респектабельность гиганта былых времен. А в наши дни? Несколько лет назад я сам видел великана. Он участвовал в представлении и был известен как Голиаф. Бедное, худое, ковыляющее на коленях существо, наполовину идиотическое, с болезненной, извиняющейся улыбкой, словно пытающееся отвести неизбежную критику, которую должно вызвать само его существование. И все же он не был виноват, бедный анахроничный негодяй. Скорее, это был дух эпохи, который предпочитал видеть его, выставленного на посмеище всяким дуракам, за шесть пенсов в будке шоумена, чем наблюдать за ним издали, за его ужасом, усиленным расстоянием, идущим в сумерках по одинокой пустоши, неся с собой принцессу или пленного рыцаря в качестве своей естественной добычи. Тот же дух, что заставил великана уменьшиться до абсурда, видит под развевающимися одеждами астролога лишь шарлатана, а ведьму вообще вычеркнул из жизни.

Так и с русалкой. Ее показывали на том же стенде, на котором мяукал дегенеративный великан. Бедное, сжавшееся, гротескное создание, но даже в таком виде оно могло бы символом, если бы не больше, если бы они оставили его нашему воображению. Вместо этого они должны объяснять, даже прикармливая наши шестипенсовики, что все это - унылая фикция, состряпанная из передних конечностей обезьяны и хвостовой части трески, сваренная вместе ловкими пальцами какого-то японского фокусника. И все же есть те, кто поддерживает такую жестокую откровенность, кто предпочтет заплатить шесть пенсов, чтобы увидеть обезьяну трески, чем оставаться в блаженном неведении, чем представить, что у каждой волны может быть свой прекрасный жилец, морская дева более чем земной нежности и красоты. Цивилизация рассказывает нам о дюгонях, ламантинах и других рыбах-зверях, которые, дескать, поднимаясь на гребень волны, достаточно похожи на человека, чтобы доверчивые и восприимчивые мореплаватели принимали их за него. Но не лучше ли нам верить в эту нежную историю о маленькой русалочке, которая ради любви к мужчине искала землю в человеческом облике, хотя и знала, что каждый шаг должен причинять ей муки, каждый след ноги должен быть очерчен ее кровью, - не лучше ли нам верить в эту сказку, чем забивать свой усталый мозг всеми циничными истинами всех музеев или научных школ между Лондоном и Сан-Франциско?

Даже те, кто улыбается Нептуну и его дочерям, не могут не отдать дань содрогания Человеку-чудовищу. Ведь как бы там ни было с русалкой, волк-оборотень - не плод воображения. Не одни только фантазеры убеждены, что многие человеческие существа обладают природой некоторых зверей. Их можно встретить сотнями на каждой городской улице - мужчины и женщины, показывающие на лицах свое родство с лошадью, собакой, кошкой, обезьяной, львом, воробьем. И не только в лице - ведь черты лица отражают ум, который в них живет, - человек с острым, похожим на крысиное, лицом в девяти случаях из десяти обладает всеми эгоистичными качествами крысы. Нам нет нужды искать дальнейшее объяснение мифа о кентавре, утверждая, что какой-то безлошадный народ, впервые увидев всадников, принял человека и его животное как единое и неделимое целое; есть множество мужчин, в которых столько же лошадиного, сколько и человеческого. Так и с человеком-волком - оборотнем. Он существует и по сей день, несмотря на все ваши цивилизующие влияния. И не только среди дикарей или в основном. Он бродит по улицам наших больших городов, выискивая свою добычу. Возможно, он живет на соседней с вами улице - преуспевающий, уважаемый гражданин, с магазином в Чипсайде, женой и семьей и уважением всех соседей. Волк в нем еще не пробудился и, возможно, никогда не пробудится. Вот только пусть так распорядится судьба или случай, и... кто может сказать нам о происхождении Джека Потрошителя? И где во всех анналах ликантропии вы найдете более страшный пример человека-оборотня, чем Джек Потрошитель?

С оборотнем мы возвращаемся к более тесному контакту с собственно колдовством. Правда, волк-оборотень не всегда был заколдован. Иногда склонность к этому была врожденной - мужчина или женщина превращались в волка в каждое повторяющееся полнолуние. Во Франции - и особенно на юге, где ликантропия всегда была одним из своих оплотов, - склонность некоторых людей, особенно если они рождаются незаконнорожденными, к этим неудобствам до сих пор прочно вошла в народное сознание. Волка можно узнать даже в человеческом обличье по форме широких короткопалых рук и волосатой ладони. Если представится возможность, можно даже навсегда излечиться от него, просто ударив его три раза ножом в лоб, когда он находится в люпинообразной форме. Опять же, в Скандинавии и других странах некоторые люди могли по желанию превращаться в волков - суеверие, возникшее достаточно естественно на основе традиций берсеркеров и приступов волчьего безумия, в которые они впадали. И все же, как рассказывает Геродот, ликантропия иногда была национальным обрядом. Невры, если верить скифам, имели привычку раз в год превращаться в волка и оставаться в таком виде несколько дней. Но чаще такое превращение объяснялось злыми чарами, наложенными ведьмой. Правда, волк был лишь одним из многих животных, в облик которых она могла обречь человеческую душу. Цирцея, конечно, является классическим примером; Святой Августин в своем "De Civitate Dei" рассказывает, как одна знакомая старуха превращала мужчин в ослов с помощью чар - пример, которому, кстати, с тех пор следуют и более молодые дамы, - а "Золотой осел" Апулея дает нам автобиографическое свидетельство эффективности некоторых лекарств для той же цели.

Несомненно, потому, что волк был истреблен в этой стране сравнительно рано, английские легенды о волках немногочисленны и малочисленны. Они действительно могли стать повсеместно распространенными только в стране, в основном пастушеской и кишасей волками, как, например, в древней Аркадии, где оборотень действительно вступил в свои самые высокие права, или во многих частях Восточной и Юго-Восточной Европы в наши дни. В некоторых балканских районах оборотень разделяет атрибуты вампира, еще одного связанного с ним суеверия, которое отнюдь не лишено фактической основы. Большинство людей наверняка в то или иное время были знакомы с современной формой вампира -

людьми, которые бессознательно питаются жизненной силой тех, с кем вступают в контакт. Об этом явлении написано множество историй, создано множество легенд, истинность которых подтверждается собственным опытом многих людей. На этом я оставляю эту тему для тех, кто обладает более глубокими научными знаниями, чем я.

На случай, если найдутся желающие превратиться в волка, не прибегая к услугам колдунов, я расскажу в заключение этой главы заклинание, которое гарантированно произведет желаемый эффект без каких-либо дополнительных затрат, кроме стоимости небольшого медного ножа. Оно имеет русское происхождение и цитируется мистером Барингом Гулдом из Сачарова. "Тот, кто желает стать оборотом (оборот = "превращенный" = волк), пусть найдет в лесу срубленное дерево; пусть проткнет его маленьким медным ножом и обойдет вокруг дерева, повторяя следующее заклинание:

На море, на океане, на острове, на Буяне,
На пустом пастбище блестит луна, на ясене лежит
В зеленом лесу, в мрачной долине.
Навстречу стаду бродит лохматый волк,
Рогатый скот ищет его острые белые клыки;
Но волк не входит в лес,
Но волк не ныряет в тенистую долину.
Луна, луна, златорогая луна
Проверь полет пуль, затупи ножи охотников,
Сломай дубины пастухов,
Нагони дикий страх на весь скот,
На людей, на всех ползучих тварей,
Чтобы они не смогли поймать серого волка,
Чтобы не разорвать его теплую шкуру!
Мое слово обязывает, обязывает сильнее, чем сон,
Крепче, чем обещание героя!

"Тогда он трижды перепрыгивает через дерево и бежит в лес, превратившись в волка."

ГЛАВА V

АТРИБУТЫ ВЕДЬМЫ

В своем весьма ученом и исчерпывающем трактате "О демономании колдунов" достойный Боден с предприимчивостью, достойной современного писателя-сериальщика, поддерживает любопытство читателя, темными намеками сообщая ему о своих познаниях в области ужасных заклинаний и чар, обычно используемых слугами Сатаны. Однако, в отличие от современного писателя, он воздерживается от подробного описания их в последней главе, опасаясь выдать знание, которое легко может быть использовано в худших целях. Каким бы ценным ни было свидетельство его добросовестности и благоразумия, это, несомненно, навлекло бы на него строгости современных критиков и могло бы повлечь за собой серьезные потери для мира, если бы другие, менее добросовестные авторы не исправили это упущение.

Разумеется, невозможно включить в рамки такого тома, как этот, - или сотни подобных ему - одну десятину из огромного количества заклинаний, чар и различных средств околдования, собранных вместе за долгие века, прошедшие с рождения первой ведьмы. Также невозможно выделить какой-то определенный этап в ее долгой эволюции как наиболее характерный, с точки зрения ее манер и обычаев, для всего того, что мы подразумеваем под словом "ведьма". С другой стороны, в сознании тех из нас, кто когда-либо был ребенком, она определенно выкристаллизовалась в виде "ужасной старой ведьмы" из сказок; и так же, как в предыдущей главе я попытался воспроизвести один из ее рабочих дней - в том виде, в каком он предстал в народном сознании, - так и ведьма Средневековья может быть лучше всего выбрана, когда мы хотим восстановить ее более человеческий аспект.

О ее реальном облике, лишенном inferнальных атрибутов, нельзя пожелать лучшего описания, чем то, которое дал Реджинальд Скот в "Открытии колдовства": - "Ведьмы обычно стары, хромы, бледнолицы, бледны, пушисты и полны морщин; бедны, угрюмы, суеверны и паписты" - (возможно, излишне указывать, что Скот был реформатором) - "или такие, которые не знают религии; В чьих угрюмых умах дьявол занял прекрасное место; так что, какие бы беды, несчастья, бедствия или убийства ни происходили, они легко убеждаются, что это сделано ими самими, запечатлевая в своих умах искреннее и постоянное воображение об этом. Они худы и деформированы, демонстрируют меланхолию в своих лицах к ужасу всех, кто их видит. Они любящие, ругающие, безумные, дьявольские".

Наделенная столь неудачным характером, ведьма, как сообщает далее Скот, должна была с трудом зарабатывать на жизнь. Это действительно интересный пример закона спроса и предложения, что такие жалкие фигуры, необходимые для правильного распространения ведьмomanии, условия средневековой жизни, с их суровым давлением на бедных и нуждающихся женщин, должны были обеспечить их счет в каждой деревне. В наши дни обычную ведьму можно встретить в одинокой деревушке или в городском рабочем доме, но благодаря улучшению условий жизни она стала почти такой же редкостью, как и обвинения в колдовстве.

Единственное средство к существованию, которое ей доступно, - продолжает Скот, - это попрошайничество из дома в дом. Со временем люди устают от ее просьб. Возможно, они слишком открыто проявляют свое нетерпение. "Тогда, - говорит Скот, - она проклинает то одного, то другого, от хозяина дома до маленького поросенка, который лежит в сенах". Кто-то из тех, кто находится в широком диапазоне между этими двумя крайностями, непременно пострадает от какого-нибудь несчастья - во многом по тому же принципу, который дает жизнь одному из самых популярных в наши дни суеверий, - несчастью, сопутствующему сборищу "тринадцати человек за столом". Любое такое несчастье, естественно, приписывается старой нищенке, которая, таким образом, сразу же возводится в опасное звание ведьмы. Страдальцы также не всегда ждали ее проклятия. Например, Эдвард Фэрфакс, ученый переводчик Тассо в XVII веке, когда на его детей обрушилась эпидемия болезни, искал ее симптомы в "Книге медицины". Не найдя ни одного упоминания о "таких муках", как у его детей, он решил, что в деле замешана какая-то нечистая сила. Его мысли, естественно, обратились к мрачному лесу Кнаресборо, расположенному в двух шагах от его дома. Ничто не могло быть более подозрительным, чем сам факт проживания в столь наводящей на размышления местности, однако Маргарет Уайт, вдова человека, казненного за кражу, ее дочь и Дженни Диббл, пожилая вдова из семьи, которую на протяжении многих поколений подозревали в колдовстве, были достаточно неосторожны или неудачливы, чтобы жить в его пределах. Естественным результатом стало их безрассудство, и достойный Фэрфакс был

настолько серьезен, что записал все происходящее в книгу, добавив к ней подробный отчет о симптомах и галлюцинациях больных.

Как у короля есть сфера и скипетр, у астролога - сфера и квадрант, так и у ведьмы есть свои знаки отличия. И то, что большинство из них представляют собой домашние или знакомые предметы, является сильным признаком ее происхождения от жены первого дома. Бес или "знакомый", который ее посещает, может иметь вид птицы или собаки, но гораздо чаще это самое домашнее животное из всех - кошка. Нередко он имеет неправильную форму или чудовищен, как и сам Сатана и все существа, обязанные ему верностью. У него может быть любое количество ног, несколько хвостов или вообще ни одного; его мяуканье дьявольское; он может быть гораздо выше обычного роста своего вида. Обычно он черный, но может быть и белым или желтым. Как это часто случается во всех религиях, символ иногда путают с должностью: ведьма и ее кот меняются личностями. Так, ведьмы под пытками признавались, что раньше были кошками, а свой человеческий облик объясняли вмешательством Сатаны в природные законы. Говорят, что пестрая кошка становится ведьмой, если проживет девять лет, а ведьма, выполняя гнусное поручение, часто принимает кошачий облик.

Характерной чертой ведьмы, общей с демонами и бесами в целом, является то, что она делает все вопреки вкусам и обычаям добрых христиан. За единственным устойчивым исключением - кошкой - она больше всего почитает животных, отталкивающих обычного человека, в особенности женщин, и ее импы могут появляться в виде крыс или мышей, обычно бесхвостых, пауков, блох, гнид, мух, жаб, зайцев, ворон, шершней, кротов, лягушек или, что весьма любопытно, домашней птицы. Важным предметом ее наряда является метла - такой же домашний знак отличия, как и кошка. Ее женская связь очевидна, хотя, возможно, ее сила полета происходит от волшебной палочки. Намазанная сатанинской мазью, она служит ей колесницей или готова служить ей оружием нападения или защиты - и горе тому, кто пострадает от ударов рукоятки ведьминой метлы.

Веретено, эмблема домашнего очага, в руках ведьмы превращается во вредоносный инструмент и может быть использовано ею в самых разных целях. Идея нити жизни входит во многие мифологии, и она, в результате некоторого смешения идей, вполне могла способствовать превращению естественного занятия старой женщины в один из опасных колдовских трюков.

Так же как "отвратительные" пресмыкающиеся - змея, ящерица и жаба - тесно связаны с ведьмой, так и растения, растущие в наводящих на мысль местах или печально известные как ядовитые, имеют к ней особое отношение. Болиголов, мандрагора, геенна, смертельный паслен - или лунный тень, как его иногда называли, - шафран, листья тополя, которых избегают обычные люди, пользуются большим уважением у слуг Сатаны за их использование в приготовлении любовных и других ядовитых зелий.

Для приготовления зелий котел - это само собой разумеющееся, и смесей, которые, как считается, варились в нем, было достаточно, чтобы навсегда закрепить за ним дурную репутацию. Перечисление их ингредиентов неприятно наводит на размышления даже неверующих, а легковверные люди вполне могли содрогнуться при виде таких смесей, как:

Глаз тритона и палец лягушки,
Шерсть летучей мыши и язык собаки,
Вилка оленя и жало слепня,
Нога ящерицы и крыло ревуна,

Печень богохульного еврея,

Желчь козла и листья тиса,

Палец младенца, задушенного при рождении, и т. д., и т. п.

Правда, "Макбет" не должен был угощаться каждый день, и более простые эффекты могли быть достигнуты менее сложными, но, возможно, не менее неаппетитными средствами.

Из всех этих знаков отличия и атрибутов ее должности самыми важными, как и самыми характерными, были ее "знакомые", или импы. В средневековой реальной жизни, как и в современном сказочном фольклоре, обладание ведьмой кошкой или другим животным, каким бы безобидным оно ни казалось, служило доказательством ее вины. Без своего знакомого она вряд ли смогла бы претендовать на приписываемые ей силы, поскольку, независимо от его формы, он был постоянным напоминанием о договоре с их общим хозяином, а во многих случаях и каналом, через который ей передавались его приказы и средства для их выполнения. Бесконечные вариации форм и видов этих самых "импов", описанные в судебных процессах, убедительно свидетельствуют о дикой фантазии, которой обладали наши предки или дьявол, как нам удобнее считать. Так, Маргарет Уайт в деле Фэрфакса, о котором мы только что упоминали, имела в качестве знакомого деформированное существо со многими ногами, покрытое сажей и черноволосое, имя которого было неизвестно. У ее дочери, которая во всем походила на нее, с добавлением "наглости и развратного поведения", была белая кошка в черных пятнах. У Дженни Диббл была черная кошка по кличке Гиббе, "которая служила ей более 40 лет". Все эти существа, независимо от их облика, питались кровью своей хозяйки, оставляя на ее теле отметины, которые служили смертельным доказательством против нее на суде. Не было никакой надежды обмануть правосудие, придав этим дьявольским меткам обычные формы, ведь они распознавались даже тогда, когда дьявольская хитрость заставляла их выглядеть как родинки, родимые пятна или даже блошинные укусы!

Существует некоторая путаница в происхождении этих самых ведьминых знаков, если только они не варьировались в отдельных случаях: были ли эти знаки результатом сосания импов, или же, будучи уже запечатленными на теле ведьмы, они были выбраны по этой причине. Конечно, часто упоминается церемония нанесения отпечатков сразу после подписания договора с Сатаной и одновременно с присвоением ее прозвища и знакомых новому слуге. Ее цель гениально объясняет бесхитростный Пьер де Ланкр, несомненный авторитет. Сатана, говорит он, желая во всем подражать Богу, учредил эту маркировку своих слуг в подражание стигматам, а также обрезанию. Более практичное объяснение, которое дают некоторые авторы, заключается в том, что дьявольская метка, обладающая свойством чесаться в определенное время года, ставится ведьмам, чтобы они никогда не проспали и не опоздали на субботние церемонии. Однако корень всего этого дела, как наполовину склонен считать достойный Пьер, и как некоторые из нас, возможно, наполовину склонны с ним согласиться, заключается в том, что метка (он сравнивает ее с жабьей лапкой) была просто введена Сатаной из его любви к важности и показухе, и не имеет никаких других мотивов.

Хотя в более ранние века эта формальность могла не соблюдаться, к XVI веку ведьма неизменно подписывала определенный контракт с Сатаной. Как и следовало ожидать, поскольку они обходились без адвоката, в то время как другой участник сделки, сам не отличавшийся умом, мог выбирать из бесконечного числа юрисконсультов, договор носил весьма односторонний характер. Ничто, по крайней мере внешне, не свидетельствовало о тех преимуществах, за которые она отдала тело и душу. Даже такое удовлетворение, как посещение суббот, было куплено дорогой ценой, поскольку не только ее земные соседи

самым решительным образом выказывали свое негодование, но и ее прием у сатаны, если она не выполняла его указания до самого предела, был крайне неприветлив. О каком-либо более материальном удовлетворении - за исключением, конечно, этого, а оно, пожалуй, настолько значительное, насколько может быть значительным человеческое счастье, - о сведении старых счетов не было и речи. Возможно, именно отсутствие делового инстинкта наиболее заметно отличает ведьму от колдуна. Тот почти всегда получал все желаемые мирские преимущества в течение срока действия договора, а по его окончании нередко обманом выманивал у Сатаны его долю.

О том, что предшествовало сделке, нам рассказывает Эдвард Фэрфакс в своей уже цитированной книге. Его дочь Хелен, находясь в трансе, увидела жену некоего Торпа и с дерзким энтузиазмом юности - как нам теперь кажется - призвала ее молиться "с такой силой, что жена Торпа долго горько плакала". Затем она спросила ее, как она стала ведьмой, и та ответила, что один человек, похожий на человека из этого мира, пришел к ней на болото и предложил ей деньги, от которых она сначала отказалась, но во второй раз, когда он пришел, он одолел ее так, что она отдала ему свое тело и душу, и он снова заключил с ней договор аренды ее жизни на 40 лет, который закончился в прошлый масленичный вторник. Тот человек написал их договор кровью, и они также кровью приложили к нему руки. Что ее договор был у него, и каждый седьмой год он показывал его им, и вот уже три года, как она видела свой, и каждый седьмой год они продлевали его. Далее она сказала, что знает 40 ведьм, но в ее компании только 7". Из других рассказов мы узнаем, что во время подписания договора ведьма часто прикладывала одну руку к подошве ноги, а другую - к макушке головы - гимнастическое упражнение, которое, однако, вряд ли совпадало с проставлением подписи. Тот, кто, несмотря на свое покровительство ведьмам, настаивает на том, что колдуны не раз переигрывали Сатану, в доказательство того, что его интеллект переоценен, может найти подтверждение тому, что он иногда одарен деловой хваткой, в исповеди доктора теологии Гийома де Ливра, которому так не повезло, что его осудили за колдовство в 1453 году. По условиям сделки с сатаной он был обязан при любой возможности проповедовать, что настоящего колдовства не существует. "Таковы, - остроумно замечает Боден, - хитрости и приманки лукавого".

Подписав контракт, ведьма, естественно, как можно скорее становилась знатоком "дьявольских рудиментов", которые Яков I описывает как "незаконные чары без естественных причин". Такие чары, какими обычно пользуются дафте-жены, для исцеления произнесенных добрых слов, для сохранения их от дурного глаза, путем привязывания рунных деревьев или самых солнечных видов сердец к волосам или хвостам добрых людей; для лечения червей, путем стекания крови; для исцеления лошадиных крупов, путем превращения загадки, или для выполнения подобных бесчисленных вещей словами без применения чего-либо соответствующего к обиженной части, как это делают медики". "Дети не могут улыбаться ведьме без риска получить вечную кривую улыбку", - пишет Стивенс в 1615 году. "Ее молитвы и благопожелания - это очарование и проклятие... Ее высшее обожание - тисовые деревья, сырые церковные дворы и веселый лунный свет; ее лучшие консерванты - нечетные числа и могучий Тетраграмматон".

Ее преступления были достаточно многочисленны и разнообразны, чтобы обеспечить современных писателей длинными страницами восхитительных материалов. Так, Холланд в "Трактате против колдовства" (1590) утверждает, что

Они отрекаются от Бога и всей истинной религии.

Они богохульствуют и вызывают невыразимое презрение к Его Божественному Величеству.

Они верят в дьявола, поклоняются ему и приносят ему жертвы.

Они приносят своих детей в жертву дьяволу.

Они клянутся Сатане и обещают привести столько людей, сколько смогут, к его служению и профессии.

Они призывают сатану в своих молитвах и клянутся его именем.

Кроме того, они проповедуют грубую безнравственность.

Они совершают ужасные убийства и убивают маленьких детей.

Все колдуны в большинстве своем используют яд, а убить с помощью яда гораздо страшнее, чем простое убийство.

Они убивают человеческий скот.

И, наконец, колдуны (как они сами признаются) совершают множество мерзостей и скверны".

Другие рассказы следуют в том же духе или добавляют дополнительные обвинения, например Жан Боден, который также подробно описывает преступления, связанные с поеданием человеческой плоти и питьем крови, уничтожением фруктов, голодом и бесплодием. В целом, преступления, связанные с колдовством, можно разделить на преступления против религии и церкви, преступления против общества в целом, например, вызывающие эпидемии или плохую погоду, и преступления против отдельных людей, включая убийства, особенно маленьких детей, вызывающие болезни и причиняющие вред имуществу. Такая католическая оценка злодеяний не могла не вызвать неодобрения у всех здравомыслящих людей, а поскольку простое обвинение в колдовстве, подкрепленное каким-либо одним пунктом, подразумевало совершение всех этих разнообразных злодеяний, нет ничего удивительного в том, что у ведьмы, однажды задержанной, было мало шансов на спасение.

Страсть ведьмы к авиации, хотя и не столь пагубная по своим последствиям, была столь же предосудительна, как и все остальные ее действия. Во-первых, это считалось оскорбительной пародией на способ передвижения ангелов. Пьер де Ланкр, на редкость хорошо информированный, утверждает это как факт. Он также отмечает, что добрые ангелы могут летать гораздо быстрее, используя свои крылья, в то время как ведьма вынуждена прибегать к искусственным средствам опоры, например, к метле. Характерной особенностью ведьм является то, что в то время как добрый ангел, как и добрый христианин, входит или выходит из комнаты через дверь, ведьма предпочитает менее удобный выход через дымоход. Это тем более усугубляло положение, что делало бесполезными всякие попытки застигнуть ее в доме, поскольку она летает только по ночам; к тому же Сатана еще больше обезопасил себя от обнаружения, позволив ей оставлять за спиной свою сущность и тем самым, если понадобится, обеспечить себе удовлетворительное алиби. Единственным способом выяснить истинную суть дела было получить признание самой ведьмы, что, впрочем, обычно удавалось устроить властям. Следует отметить, что метла не была обязательным атрибутом воздушных путешествий ведьмы; в крайнем случае можно было

использовать ослов и лошадей, если их как следует помазать колдовской мазью, а также солому, яичную скорлупу или барндурскую птицу - это лишь три из многих возможных вариантов крепления. Известно, что Сатана принимает облик козла и таким образом предоставляет коня тем, кого он больше всего любит чествовать. Однако это связано с одним серьезным и опасным недостатком. Сатана ненавидит звон церковных колоколов, и если он услышит звук Ave Maria, когда несет ведьму по воздуху, то, скорее всего, сразу же бросит ее, как это случилось с ведьмой по имени Лукреция в 1524 году.

Неизменно полезный де Ланкр подробно описывает четыре способа достижения субботы:

(1) С помощью мыслей или медитации, как в видении Иезекииля.

(2) Пешком.

(3) По воздуху, переносимый сатаной.

(4) Во сне или в иллюзиях, которые оставляют ведьму в неведении, действительно ли она присутствовала во плоти или только видела кошмар. Но де Ланкр уверен, что перенос реален, поскольку их действительно видели спускающимися с облаков, обнаженными и часто израненными, а после этого они так изнемогали, что вынуждены были оставаться в постели несколько дней.

Мазь, которую ведьмы используют для таких целей, многие считают еще одним примером коварства и недобросовестности сатаны. Как вещественный знак ее услуг, они льстят чувству важности ведьмы - , хотя сами по себе совершенно бесполезны - в то время как для получения этих ингредиентов необходимо причинить немало зла добрым христианам. Холланд, который говорит нам, что "ведьмы делают ойнтаменты из жира маленьких детей", добавляет, что Сатана не очень высокого мнения об этих "ойнтаментах", но любит кровопролитие, которое они влекут за собой. Виерус дает нам более подробный жуткий рецепт. Своими заклинаниями ведьмы заставляют маленьких детей умирать в колыбели или рядом с матерью. Когда они умирают от удушья или других причин и их хоронят, ведьмы достают их из могилы и варят в котле до тех пор, пока плоть не отделится от костей, а остальное можно пить, как растопленный воск. Из более густой части делают мазь, а тот, кто выпьет жидкость, станет владыкой всего колдовского искусства. Бэкон говорит еще о нескольких ингредиентах. К обычному жиру детей, "выкопанных из могил", он добавляет соки малаги, волчьего лыка и сабельника, смешанные с мукой из мелкой пшеницы, и, как он говорит, "я полагаю, что лучше всего для этого подходят сопорообразующие лекарства, а именно: падуб, болиголов, мандрагора, лунный тень, табак, опиум, шафран и листья тополя". Некоторые считают, что такие усыпляющие элементы вводятся в мазь дьяволом для того, чтобы притупить чувства своих слуг, чтобы ему было легче делать с ними все, что он пожелает, но поскольку те, кто зашел так далеко в приобретении *_pièce de résistance_* смеси, вряд ли будут слишком недобросовестными, такая предосторожность кажется почти ненужной.

Яды, "чары" и порошки, необходимые ведьмам в их обычных делах, могут быть приготовлены либо в их собственном домашнем котле, либо в шабат. В их состав входят такие ингредиенты, как головы жаб, пауков, кора и косточки "Арбре Модит". Полутвердые вещества наиболее ядовиты для человека, а жидкие сорта используются для уничтожения посевов и садов. Для нанесения вреда на море или в горах хорошо зарекомендовали себя порошки, изготовленные из жабыей плоти, поджаренной, высушенной и измельченной, которые затем

бросают в воздух или рассыпают по земле, в зависимости от обстоятельств дела. Другой и очень страшный яд можно сделать из "зеленой воды"; он настолько силен, что даже прикосновение к нему вызывает мгновенную смерть. Паста, совершенно эффективная против признания под пыткой, может быть сделана из черного проса, смешанного с высушенной печенью некрещеного ребенка. Снятая шкура кошки, жабы, ящерицы или аспиды, поджаренная, высушенная, растертая в порошок и сожженная до тех пор, пока не понадобится, может быть использована в качестве отличного средства для совершения преступления. Брошенный в воздух или на землю со словами "Это для кукурузы, это для яблок" и так далее, такой порошок, если его использовать в достаточном количестве, превратит улыбающуюся сельскую местность в пустыню. Есть, правда, одно растение, которое противостоит всем подобным заклинаниям - обычный лук. Так, де Ланкр рассказывает, что один сад так пострадал от этих порошков, что погибло все, кроме лука, к которому, добавляет он, дьявол питает особое уважение. Если это уважение вызвано неприятием его запаха, а у Сатаны, как известно, очень тонкий нюх, то наше современное предубеждение против поедания лука сразу после ужина, похоже, является лишь еще одним доказательством природной склонности человека к злу.

Повинуясь непрекращающемуся спросу, ведьма всегда была видным представителем пророчества и гадания - ни одна из ее практик не вызывала большего оскорбления у Святой Церкви. К тому позднему периоду своей истории, который мы сейчас рассматриваем, она приобрела достаточно разнообразный репертуар методов, чтобы удовлетворить самых взыскательных. Прочитируем длинный список, предоставленный нам Холландом, - ведьма его времени могла прорицать:- "По огню, по аиру, по воде, по земле, по мертвецу, по сиве, по коку, по щепке или топору, по кольцу, по Изе, по миле, по камню, по лорелю, по голове аса, по дыму, по пруту, по кускам дерева, по тазу с водой, по некоторым круглым сосудам из стекла, наполненным водой, по трению наил." Все это свидетельствует о том, что она мало что потеряла из того мастерства, которым владели до нее египетские некроманты и средневековые маги.

Но самым фантастическим, как и самым известным, происшествием в жизни ведьмы, как считают ее современники, был, конечно, шабаш. В предыдущей главе я попытался представить некий рассказ о таком сборище как наиболее простой и прямой метод реконструкции. Однако было очевидно, что невозможно включить и десятину различных инцидентов, которые в тот или иной период приводили писатели, инквизиторы или сами ведьмы, - и это не считая очевидных ограничений, налагаемых в вопросах детализации на тех, кто пишет для широкой публики.

В современных терминах коммерции эти субботы можно было бы назвать инвентаризацией Сатаны, во время которой он проверяет количество и лояльность своих подданных. Они были двух видов - более важные, или "Генеральные субботы", на которые стекались ведьмы со всех концов света, и более локализованные и частые "Простые субботы". Место и время их проведения варьировались, но чаще всего они проводились после полуночи в пятницу - это согласуется с церковным представлением о евреях и их субботе и не исключено, что вытекает из него. В прежние времена - так сообщает нам де Ланкр - дьявол выбрал понедельник, первый день недели, как наиболее подходящий, но с тех пор, со свойственным ему непостоянством, несколько раз менял его. Темнота не была обязательным условием: иногда субботы проводились в полдень. В южных странах часы между полуднем и тремя часами дня считались самыми опасными для смертных, так как земные демоны обладали в это время наибольшей силой. Удовольствия полуденной трапезы могли оказать роковое влияние, лишив намеченную жертву бдительности, а сонное состояние делало ее особенно

восприимчивой к атакам агентов Сатаны. Некоторые авторитеты называют время с 11 часов вечера до 2 часов ночи, считая, что, как и на более законных собраниях, все не могут прийти сразу, а дел предстоит много. Генеральные субботы, в насмешку над Церковью, обычно проводились в четыре больших ежегодных праздника. Они могли проводиться где угодно, но некоторые места пользовались особым предпочтением. К ним относились рыночные площади, особенно если они находились рядом с важной церковью. Гора Доме в Перигоре, как и Врекин в Англии, Блоксбург в Германии и Блокула в Швеции, были одними из самых известных мест для встреч во Франции. Присутствие на собрании было не просто удовольствием: ведьмы, потерпевшие неудачу, жестоко наказывались демонами, посланными на их поиски или при их следующем появлении.

Сам Сатана обычно председательствовал лично, хотя иногда его представлял кто-то из подчиненных, к большому гневу ведьм. Так, в один из случаев он ослабил их гнев, объяснив, что в связи с начавшимся в то время ожесточенным преследованием он просил за своих последователей Яникота - благочестивое имя Иисуса, - что он выиграл дело и что они не будут сожжены. В награду, добавил он, они должны принести ему восемьдесят детей, чтобы отдать их некоему священнику, присутствовавшему во время шабаша, а затем судить за колдовство. Он появлялся на сайте в разных обликах, и, пожалуй, больше всего ему нравился облик козла. Любой, кто когда-либо изучал морду козла, особенно выражение его глаз, может подтвердить, что Сатана чувствовал соответствие вещей при этом, как и старые фламандские художники, особенно Иероним Босх, который в своих картинах дьяволов, которыми он так заслуженно славится, обильно использовал голову козла в качестве модели для своих самых демонических демонов. В образе козла Сатана обычно был чудовищных размеров, одно его лицо находилось в обычном положении, а другое - между его горбами. Мари д'Агерр, которая присутствовала на шабаше в зрелом возрасте тринадцати лет и впоследствии поплатилась за это жизнью, свидетельствовала, что в центре собрания стоял огромный кувшин с водой, из которого выходил Сатана в виде козла, вырастал до огромных размеров и, уходя, снова возвращался в кувшин. Иногда у него было две пары рогов, спереди и сзади, но чаще всего их было всего три, причем в центре находился светильник, который служил двойной цели - освещать ход собрания и зажигать свечи, которые ведьмы несли в насмешку над христианскими обрядами. Над рогами он иногда носил подобие колпака, а иногда на обычном месте у него был длинный хвост с человеческим лицом над ним. Этим он приветствовал гостей, но говорить с ними не мог.

Он также мог появляться в виде ствола дерева, без рук и ног, но с неясным подобием лица, сидя на троне; иногда он был похож на великана, облаченного в темные одежды, так как не хотел, чтобы его ученики поняли, что он сам подвергается пресловутым адским мукам. Некоторые присутствующие на шабаше - например, бедный маленький Корнель Бролик, двенадцати лет от роду, - видели его в виде четырехрогвого человека; другие, среди них Жанетта д'Абади, ругались, что у него два лица; третьи видели его в виде черной борзой или огромного медного быка, лежащего на земле. Постоянная неопределенность в отношении того, какой облик примет хозяин, должно быть, добавляла интереса процессу, и некоторые предполагают, что его мощное воображение заставляло его время от времени представлять перед каждым гостем в другом облике и переходить от одного к другому через частые промежутки времени в течение всего процесса.

Фактические церемонии, праздники и ритуалы субботы сильно различались в разные времена и в разных местах, но, уже приведя типичный пример в одной из предыдущих глав, нет необходимости дальше останавливаться на столь неприятной теме. Различные рассказы, почерпнутые из воображения слишком волевых свидетелей или замученных

ведьм, как бы они ни страдали в деталях, объединяет то, что они являются выражением самых грязных и непристойных образов, возникающих в расстроенном мозгу, и как таковые мы можем их оставить. Так и дьявольская месса проводилась таким образом, чтобы наиболее нечестиво пародировать христианский ритуал. Дьявол же, как проницательно замечает один старый писатель, думая подражать Христу, восседая во время церемонии на большом золотом троне, лишь демонстрирует свою безрассудность, забывая, что, хотя Христос часто говорил сидя, свой величайший триумф он все же одержал на кресте. Вместе с вышеупомянутым тронем сатана придумывает все атрибуты поклонения - храмы, алтари, музыку, колокола - правда, только маленькие, потому что он ненавидит и боится церковных колоколов - и даже кресты. Обычно служат четыре священника, один из которых служит мессу, дьякон и иподьякон. Свечи, святая вода, ладан, жертвенник, проповеди и вознесение Святыни - все это имеет место в дьявольской мессе. Левой рукой совершается крестное знамение, а в качестве насмешки они скандируют

In nomine Patricia Aragueaco
Петрика, аropa, аropa! Valentia
Jouanda goure gaitz goustia.

Что означает:...

Au nom de Patrique, Petrique d'Arragon, à cette heure. Валанс, все наши беды миновали.

В насмешку над Троицей используются три языка, согласно французскому *authori ties*, латинский, испанский и баскский. Священник, как правило, возносит черную и треугольную Чашу, стоящую на его голове. При поднятии чаши - часто черной - все собрание кричит "Черный ворон!", но даже сатана не осмеливается сказать это при поднятии Хозяина. Обряд крещения совершается на жабах; не забыты и мученики - их роль исполняют колдуны, настолько околдованные, что пытки стали для них насмешкой.

Некая Жанна дю Хард в своей исповеди рассказывает о способе приготовления ядов и колдовских снадобий по субботам. Во время второго посещения она увидела большого человека, одетого в черное. Он принес фаянсовый горшок, в котором было много больших пауков и белый слизень, а также две жабы. С них Иеханнес снял кожу, а его спутник растолок пауков и слизня пестиком. Снятые с жаб шкуры были добавлены позже, предварительно их избили стрелками, чтобы они стали более ядовитыми. Полученную смесь с успехом использовали для отравления скота. Есть некоторые сомнения в том, что этот и подобные ему яды были идентичны мази, которой ведьмы мазали свои метлы. В любом случае, по замыслу сатаны, это насмешка над таинством крещения и Святого Елеосвящения.

Если бы существовало хоть какое-то основание для сомнений в том, что сатана обычно нарушает веру своих слуг, оно было бы развеяно свидетельством, данным перед часто цитируемым авторитетом Пьером де Ланкром, когда этот ученый джентльмен проводил инквизицию в захудалом районе Лабурад по приказу парламента Бордо. Показания одного из свидетелей, Лежье Риуассо, были тем надежнее, что, хотя он и был очевидцем в субботу, он не имел никаких обязательств перед сатаной, купив у него эту привилегию за умеренную цену в два пальца и два с половиной пальца на ноге. Его цель была более достойной, чем простое удовлетворение любопытства, ибо он хотел очаровать некую Жанну Перрен, которая была среди присутствующих. Чтобы он мог присутствовать без опаски, двое друзей закрыли

его в темной комнате, где он пробыл восемь дней. Там ему явился дьявол и объяснил, что если он желает увидеть субботу, а также обрести силу исцеления, то может сделать это за два пальца и полфута, на что он согласился. После этого друзья освободили его из добровольного плена, но он не смог убежать от темного человека, который через восемь дней взял плоть с большого и второго пальцев и половины третьего пальца левой ноги, не причинив, однако, ему ни малейшего вреда. Если бы он захотел получить силу творить зло, он мог бы купить ее за оставшиеся пальцы и половину ступни, но, будучи столь же добрым, сколь и благоразумным, он воздержался. Из его дальнейших свидетельств мы узнаем, что шабаш проходит на рыночной площади ближе к полуночи в среду или пятницу - Сатана предпочитает штормовую погоду, чтобы ветер мог разбросать яды по большому пространству. На шабаше, свидетелем которого был Риуассо, председательствовали большой и маленький дьявол, и все присутствующие, за исключением, вероятно, свидетеля, поклонились сатане, поцеловав его заднее лицо. Затем перед ним танцевали шестьдесят ведьм, у каждой из которых к хвосту была привязана кошка. Мари де ла Ральде, еще одна свидетельница, показала, что часто видела, как Сатана подходил к присутствующим детям с раскаленным утюгом, но не могла сказать определенно, клеймил он их или нет. Она утверждала, что все наслаждались субботой в полной мере, а дьявол имел абсолютную власть над их сердцами и волей. Ведьмы, добавила она, слышат небесную музыку и действительно верят, что находятся в раю. Дьявол убеждает их, что такого места, как ад, не существует, и, кроме того, лишая их на мгновение иммунитета, убеждает, что огонь не имеет над ними власти. В качестве еще одного доказательства сатанинской проницательности она заявила, что ведьмы видят так много священников, пасторов, исповедников и других людей высокого уровня, посещающих субботу, что совершенно убеждены в полной правильности происходящего. Сама она, даже когда увидела, что Хозяин черный, а не белый, в тот момент не поняла, что что-то не так.

ГЛАВА VI

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ АНГЛИЙСКИХ ВЕДЬМ

После того как мы увидели, как ведьма в целом жила и занималась своим злым делом, возможно, стоит рассмотреть личность отдельных представителей этого ремесла. Нет нужды говорить о том, что среди женщин, прославившихся в других областях, было немало тех, кого современники случайно считали обладателями сверхчеловеческих способностей. В самом деле, быть осужденной как ведьма - это всего лишь официальная печать на высшем комплименте, который полагался женщине в течение более чем одного периода истории Земли, поскольку он выделял ее из мертвого уровня посредственности, к которому ее пол был приговорен юридически и социально. Нет необходимости, как и несправедливо полагать, что английские и французские достойные люди, сжегшие Жанну д'Арк, были лицемерами. То, что женщина могла совершить то, что совершила она, они могли объяснить только двумя причинами. Либо она должна быть вдохновлена свыше, либо снизу, в зависимости от точки зрения. Поскольку слишком многого следовало ожидать от тех, кого она победила, чтобы они считали ее поступки божественными, из этого следовало, что они не могли казаться ничем иным, кроме как inferнальными. Начиная с Клеопатры или Эндорской ведьмы и далее, исключительная женщина была поставлена перед выбором: либо избавиться от своей индивидуальности, либо считаться агентом дьявола. Правда, в наши более щепетильные дни мы предпочитаем считать ее либо эксцентричной, либо

неподобающей, в зависимости от ее социального положения и других сопутствующих обстоятельств.

В таком случае мы можем не обращать внимания на исторических персонажей, имеющих другие претензии на славу, и ограничиться теми, чья деятельность была сосредоточена на колдовстве в чистом и простом виде. За примечательными примерами не нужно далеко ходить, ведь они есть не только в Англии, но даже в самом Лондоне. Пожалуй, самой почитаемой английской ведьмой, как современниками, так и последующими поколениями, является матушка Шиптон, которая процветала во времена правления Генриха VII. Ей повезло больше, чем большинству ее коллег, она умерла естественной смертью, и вряд ли стоит говорить, что память о ней зеленеет и по сей день - во всяком случае, среди определенных слоев общества. Подобно маркизу Грэнби, лорду Нельсону и другим популярным кумирам, матушка Шиптон выступала в роли спонсора не одного публичного дома в разных графствах Англии; наиболее знакомый лондонцам, пожалуй, находится на углу Мальден-роуд в Кэмден-Тауне - остановке трамвая и омнибуса, идущего в Хэмпстед-Хит. Мне не удалось обнаружить какой-либо определенной связи между ведьмой и заведением - возможно, выбор вывески был сделан для того, чтобы соперничать с другим трактиром, названным в честь матушки Редкап, которая сама была известной ведьмой в том же районе. Матушка Шиптон была уроженкой мрачного леса Кнаресборо в Йоркшире, известного очага черной магии, и, хотя подробностей ее жизни сохранилось немного, мы знаем, насколько можно доверять традициям, что, несмотря на дурную репутацию и уверенность в том, что она продана дьяволу, ее похоронили по-христиански на церковном дворе в Клифтоне, в Йоркшире, где она и умерла. Означает ли это, что перед смертью она раскаялась и обманула дьявола в его сделке, или только то, что местные власти небрежно следили за приходским кладбищем, - вопрос открытый. По крайней мере, говорят, что в память о ней там было установлено надгробие со следующей надписью: "Здесь лежит та, кто никогда не лгал.

Здесь лежит та, кто никогда не лгал,
Чье мастерство часто испытывали.
Ее пророчества все еще живы
И вечно будет жить ее имя.

Несомненно, матушка Шиптон была столь же одарена, как и ее собратья, в обычных колдовских искусствах, но традиция набрасывает милосердную вуаль на ее подвиги в качестве отравительницы или заклинательницы. Ее слава зиждется на ее пророчествах, и независимо от того, произносила ли она их на самом деле или же они были приписаны ей после события восхищенными биографами, они с тех пор считаются достойными всяческого уважения, даже когда не сопровождаются ожидаемым результатом. Так, хотя она, как говорят, предсказала приход Стюартов в лице Якова I. с нелюбезным комментарием, что с ним:...

С холодного севера
все зло придет.

Британский Солон все же больше всего полагался на ее предсказания, как и Елизавета до него. Говорят даже, что его попытки с помощью различных пророческих документов остановить увеличение размеров Лондона были вызваны известным пророчеством матушки Шиптон о том, что...

Когда Хайгейт Хилл будет стоять посреди Лондона,
Тогда народ Англии будет уничтожен.

Если скептик возразит, что, хотя границы Лондона сейчас значительно превышают Хайгейтский холм, страна до сих пор процветает, следует помнить, что пророчица не назвала дату гибели английского народа, и что, если верить скорбным взглядам на наше национальное будущее лидеров любой политической партии, оказавшейся не у власти, надежность предсказания матушки Шиптон вполне может быть подтверждена в течение нескольких лет.

Еще одно из ее предсказаний - возможно, самое известное, - возможно, подтвердилось уже во времена Мальборо, Нельсона или любого из нескольких выдающихся полководцев, а возможно, и сейчас находится в процессе исполнения. Оно гласит следующее:

Придет время, когда моря крови
Смешаются с большим потоком;
Тогда будет слышен великий шум;
Великие крики и вопли
И моря будут греметь громче, чем небеса;
Тогда три льва сразятся с тремя и принесут
Радость народу, честь царю.
Тот огненный год, как только закончится
И будет мир, как прежде;
Везде будет изобилие,
И люди с мечами будут пахать землю.

Неясность этого и других пророчеств матушки Шиптон, как бы они ни раздражали приверженцев точности, свидетельствует о ее прямом происхождении от древних сивилл и питонов, из которых мало кто, если вообще кто-либо, когда-либо ручался за что-то более определенное.

Миновав карлика Янга Никсона, который, хотя и был пророком, не уступающим по славе Матери Шиптон, едва ли укладывается в рамки данного тома, хотя можно отметить, что одно из его самых известных пророчеств, что он умрет от голода, действительно сбылось, мы можем рассмотреть историю жизни ведьмы, менее легендарной, чем Мать Шиптон, - Матери Редкап, упомянутой выше как создательница вывески для публичного дома в Кэмден-Тауне. Ее карьера описана с такой тщательностью в книге Палмера "Сент-Панкрас и его история" и в то же время представляет собой столь яркий набросок вероятной карьеры многих других ведьм, что я могу извинить себя за то, что процитировал эту выдержку: -

"Этот необычный персонаж, известный как Мать Проклятая, также называют Матерью Красной Шапкой, а иногда Шрюдом из Кентиш-Тауна. Ее отца звали Джейкоб Бингем, по профессии он был каменщиком в окрестностях Кентиш-Тауна. Он поступил на службу в армию и отправился с ней в Шотландию, где женился на дочери шотландского торговца. У них была одна дочь, эта Мать Проклятая. Эту дочь они называли Джинни. Ее отец, покинув армию, снова занялся своим старым ремеслом - производством кирпича, изредка путешествуя с женой и ребенком в качестве разносчика. Когда девушке исполнилось шестнадцать лет, у нее родился ребенок от некоего Коултера, более известного как Цыган

Джордж. Этот человек жил неизвестно как, но доставлял немало хлопот магистратам. После этого Джинни и Коултер жили вместе, но, попав в беду за кражу овец с земель близ Холлоуэя, Коултер был отправлен в Ньюгейт, судим в Олд-Бейли и повешен в Тайберне. Затем Джинни сошлась с неким Дарби, но этот союз привел к кошачьей и собачьей жизни, поскольку Дарби постоянно пьянствовал; поэтому Джинни и ее мать вместе обратились к ; Дарби внезапно пропал, и никто не знал, куда он отправился. Примерно в это же время ее родители предстали перед судом за занятия черным искусством и причинение смерти девице, за что их обоих повесили. После этого Джинни связалась с неким Питчером, хотя кто он или что он, так и осталось неизвестным; но через некоторое время его тело нашли скрюченным в печи, сожженным до тла. Джинни судили за убийство, но оправдали, поскольку один из ее сообщников доказал, что он "часто залезал в печь, чтобы спрятаться от ее языка". Теперь Джинни была одинокой женщиной, так как ее бывшие компаньоны боялись ее. Ее почти никогда не видели, а если и видели, то в сумерках, под изгородью или в переулке; как она выживала, было чудом для ее соседей. Во времена Содружества случилось так, что один человек, которого сильно преследовали преследователи, проник в ее дом через заднюю дверь и на коленях умолял о ночлеге. У него было изможденное лицо и много проблем. Он предложил Джинни деньги, которых у него было много, и она дала ему ночлег. Говорят, этот человек прожил у нее много лет, и все это время она ни в чем не нуждалась, хотя из ее домика доносились грубые слова, а иногда и удары. В конце концов мужчина умер, и было проведено дознание, но, хотя все считали его отравленным, доказательств найти не удалось, и она снова скрылась без вреда для здоровья. После этого Джинни никогда не нуждалась в деньгах, ведь коттедж, в котором она жила, был ее собственным, построенным на пустыре ее отцом. Так прошли годы, Джинни использовала свой грязный язык против всех и каждого, а люди в ответ травят ее, словно дикого зверя. Поводом для этого послужило то, что Джинни считалась практикующей черные искусства - настоящей ведьмой. К ней обращались многие, как к гадалке и целительнице от странных болезней, а когда случалось какое-нибудь несчастье, на старую ведьму набрасывалась толпа и нещадно издевалась. В такие моменты старая, не знающая жалости тварь высовывалась из люка с гротескным красным колпаком на голове. У нее был большой широкий нос, тяжелые мохнатые брови, впалые глаза, худые щеки; лоб морщинистый, рот широкий, а взгляд угрюмый и неподвижный. На ее плечи был наброшен темно-серый полосатый фриз с черными пятнами, которые издали напоминали летающих летучих мышей. Внезапно она выпускала своего огромного черного кота, прыгавшего на люк рядом с ней, и толпа мгновенно отступала из суеверного страха перед двойным врагом".

Необыкновенная смерть этого необычного персонажа описана в старом памфлете. "Сотни мужчин, женщин и детей были свидетелями того, как дьявол вошел в ее дом, в самом своем облике и состоянии, и что, хотя за его возвращением внимательно следили, его больше не видели ; и что Мать Проклятая была найдена мертвой на следующее утро, сидя перед камином, держа над ним костыль с чайником, полным трав, лекарств и жидкости, часть которой была дана кошке, шерсть выпала через два часа, а кошка вскоре после этого умерла; Что тело было неподвижным, когда его нашли, и что гробовщик был вынужден сломать ей конечности, прежде чем положить их в гроб, и что судьи ввели людей в дом, чтобы осмотреть его содержимое."

"Такова история этого странного существа, чье имя всегда будет ассоциироваться с Кэмден-Тауном, а воспоминания о нем всегда будут оживлять старый придорожный дом, который,

построенный на месте коттеджа старой бельдамы, носит ее голову в качестве вывески таверны".

Матушке Редкап, которая, судя по приведенному выше рассказу, имела бы мало оснований для жалоб, если бы пострадала от рук палача, а не от рук дьявола, повезло больше, чем многим другим лондонским ведьмам. В наши дни Уоппинг - достаточно прозаическое место. В семнадцатом веке здесь жила некая Джоан Петерсон, широко известная как ведьма из Уоппинга. Ее повесили в Тайберне в 1652 году на основании таких улик, которые, надо признаться, в наши дни вряд ли удовлетворили бы даже деревенского полицейского, судившего браконьера. Черная кошка встревожила женщину, забравшись в дом неподалеку от жилища Джоан. Женщина обратилась к местному булочнику, который ответил, что "по совести говоря, он решил, что это старая матушка Петерсон, поскольку он встречал ее, когда шел в сторону острова, немного раньше". Давая показания на суде, он замял дело, заявив, что хотя он никогда раньше не пугался кошек, вид этой привел его в ужас. После этого ни один разумный присяжный не мог усомниться в виновности матери Петерсон. За пятьдесят лет до этого, как записано в книге Синклера "Невидимый мир Сатаны", другая печально известная ведьма, мать Джексон, была повешена за то, что околдовала Мэри Гловер с Темз-стрит. Подобные случаи достаточно распространены, чтобы показать, что лондонец XVII века был так же открыт для этой формы нападения дьявола, как сейчас для других, более изощренных. Правда, некоторые жертвы черного искусства были признаны самозванцами. Так, в 1574 году, как мы узнаем от Стоу, Рэйчел Пиндер и Агнес Бриггс отбывали наказание в Полс-Кросс за то, что притворились одержимыми дьяволом, извергали булавки и т. д., несомненно, к облегчению ведьмы, обвиненной в том, что она их околдовала.

Самой ранней английской ведьмой, добившейся индивидуального бессмертия, была ведьма из Беркли, которая отличалась от большинства своих преемниц тем, что была очень обеспеченной. Возможно, из-за этого - ведь даже в девятом веке деньги имели свою ценность - она была похоронена по-христиански, и впоследствии за нее молились в церкви. Однако их оказалось недостаточно, чтобы обеспечить ее спасение, поскольку под самым носом священника дьявол унес ее тело с того места, где оно лежало у подножия главного алтаря. Несмотря на достаточную историчность, чтобы послужить вдохновением для одной из баллад Саути, ведьма из Беркли - фигура достаточно теневая. Другая, которая, учитывая, что ее оправдали, возможно, не заслуживает того, чтобы быть рассмотренной здесь, - Гидеон, обвиненный в колдовстве Агнес, женой купца Одо, в десятый год правления короля Иоанна. Хотя Гидеон менее популярен как легендарная фигура, он имеет определенное право на уважение, поскольку его судебный процесс является первым, который можно найти в английских юридических записях - "Abbrevatio Placitorum", цитируемом Томасом Райтом в его описании колдовства и магии. Удовлетворительно знать, что Гидеон, пройдя через испытание раскаленным железом, был в свое время оправдан.

Знаменитой ведьмой была Марджери Журдемейн, более известная как Ведьма Глаза, которая приобрела ореол респектабельности благодаря тому, что была сожжена в Смитфилде в 1441 году как сообщница Элеоноры Глостерской, о которой уже говорилось в другом месте. Герцогиня Бедфордская, обвиненная в 1478 году в том, что околдовала Эдуарда IV с помощью свинцового изображения, "сделанного как оружие, длиной с мужской палец, и разбитого в миддах и скрепленного с помощью вошины", а также несчастная Джейн Шор, относятся к категории политических преступников, против которых колдовство было выдвинуто лишь в качестве побочного вопроса. Более подходящей для нашей цели, поскольку она была обвинена только в колдовстве и за это приговорена Генрихом VIII к смерти и казнена в Тайберне в 1534 году, была Элизабет Бартон из Олдингтона, более

известная как Прекрасная дева из Кента. Правда, она была скорее сумасшедшей энтузиасткой, страдавшей от религиозной мании, чем ведьмой, и, кроме того, пешкой в политической интриге, с помощью которой католическая партия пыталась повлиять на матримониальные планы короля.

Мать Демдаик из Пендлского леса в Ланкашире, увековеченная Гаррисоном Эйнсвортом в книге "Ланкаширские ведьмы", упоминается и в других источниках.

Элизабет Сойер, ведьма из Эдмонта, хотя при жизни получила лишь местную известность, все же добилась посмертной славы, предоставив Форду и Деккеру материал для пьесы. В этом, правда, она всего лишь спланировала мистера Питера Фейбелла из того же города, известного как Веселый Дьявол из Эдмонта, который жил и умер в царствование Генриха VIII, и на чьих проделках была основана пьеса, названная в его честь и долгое время приписываемая не менее известному автору, чем Шекспир. Но если мистер Фейбелл был колдуном недюжинной силы, успешно обманувшим дьявола и умершим в его постели, то бедная Елизавета была не более чем обычной ведьмой, и в этом качестве ее постигла обычная участь. О том, как она умерла в 1621 году, можно узнать из книги, изданной в том же году и озаглавленной "Чудесные открытия Элизабет Сойер, ведьмы из Эдмонта: ее осуждение, осуждение и смерть: Вместе с рассказом о доступе дьявола к ней и их совместной конференции". Написано Генри Гудколом, служителем Слова Божьего и ее постоянным посетителем в Ньюгейтской тюрьме".

ГЛАВА VII

ВЕДЬМА ДРЕВНОСТИ

Таким ревностным догматикам XVI и XVII веков, как король Яков I, инквизитор Шпренгер, Жан Боден или Пьер де Ланкр, было бы трудно привести удовлетворительные доказательства в пользу дела, в котором они разбирались, если бы не счастливое существование одного совершенно неопровержимого свидетеля - прямого указания в книге Исход: "Не позволяй жить ведьме". Вероятно, ни одно предложение, когда-либо написанное, не было столь разрушительным для человеческой жизни или столь провоцирующим человеческие страдания; безусловно, оно дало Саладину повод для его горького обвинения христианства как _превосходной_, основанной на Ветхом Завете, религии колдовства. К этому он добавляет, что христианство, устыдившись своей прежней веры, пытается объяснить ее тем, что древнееврейское слово "хасаф" следует переводить не как "ведьма", а как "отравительница".

Разумеется, так же верно, как и естественно, что христианские авторы о колдовстве охотно хватались за определенный библейский авторитет для осуждаемого ими греха. Ориген, который протестует против буквального толкования Библии, склонен приписывать библейское колдовство полностью дьяволу, основывая свою теорию на несчастьях Иова. Но святому Августину не нужно более определенного доказательства этой разновидности греха, чем библейское обличение, а Лютер и Кальвин в более позднюю эпоху столь же определены. В то же время следует помнить, что культ колдовства наверняка существовал бы, если бы о нем вообще не упоминалось в Библии. Он так же универсален, так же вездесущ и так же живуч, как и сам религиозный инстинкт; христианство не изобрело ведьму, оно лишь усовершенствовало ее. Библейский текст был, пожалуй, самым убедительным

доказательством; если бы его не было, ранние христианские отцы или поздние инквизиторы без труда нашли бы замену. Но даже если они и цитировали Библию - а в Ветхом и Новом Заветах, от Бытия до Откровения, колдовство признается и осуждается, - они с таким же усердием ссылались на великое здание традиций и суеверий, основанное на борьбе за безбрачие первых отцов и низведении ими всех языческих обрядов до уровня черной магии.

Христиане, перенимая некоторые языческие обряды и верования и считая все остальное колдовством и отвратительным грехом, следовали примеру своих предшественников, иудеев. На протяжении всего Ветхого Завета Иегова провозглашается единственным и неповторимым Богом, несмотря на отступления, о которых постоянные повторения слов "Не имей других богов, кроме Меня" были бы, при отсутствии других свидетельств, достаточным свидетельством. Божества других народов были "ложными богами" и идолами, к которым иудей относился так же, как христианин к ведьмам и колдунам. Снова и снова он обращался от единственного и неповторимого Бога к языческим богам, точно так же, как ранний христианин был склонен помогать себе языческими обрядами, когда его новая вера терпела неудачу, и в последние годы этот образ действий демонстрирует признаки возрождающейся популярности. В таком случае было столь же естественно, что великие иудейские правители обличали до самых дальних пределов своего словарного запаса тех, кто в религиозном и политическом плане подрывал теократическое правительство, как и то, что современный папа римский провозгласил проклятым итальянского короля, захватившего вотчину.

У евреев не было национальной системы магии или колдовства. Хотя Авраам переселился в Ханаан из Ура Халдейского, Бог Авраама был категорически против тех верований и обрядов, которыми с тех пор славятся халдеи. Частично они унаследовали их от более раннего шумиро-аккадского народа, населявшего регион между нижним течением Тигра и Евфрата, в страну которого они вторглись примерно за сорок веков до н. э. Помимо того, что шумиро-аккадцы населяли вселенную добрыми и злыми духами и владели искусством письма и обработки металлов, они практиковали колдовство и магию, с помощью которых вызывали злых духов, оставляя молитвы в более обычном смысле этого слова для благодетельных богов. С приходом халдеев старая религия была вытеснена поклонением богу Солнца Бэлу, жрецы которого были первыми практикующими астрологами. Астрология, гадание, колдовство и заклинания, таким образом, сыграли свою роль в магико-религиозной практике халдеев. Продуманная система демонологии постоянно угрожала счастью бедного халдея-вавилонянина, и, что вполне естественно, с течением времени он устанавливал контрвлияние, с помощью которого получал облегчение от своих мучителей. Наиболее сильными были обычные маги, которые с помощью тщательно продуманных ритуалов и церемоний могли изгонять демонов, овладевших поклоняющимся. Демоны управлялись с помощью зелий, завязывания узлов, которыми их можно было задушить, или с помощью следующих заклинаний:...

Они использовали всевозможные чары, чтобы опутать меня, как веревками,...
Но я, по повелению Мардука, повелителя чар,
Мардука, повелителя чар,
И мужчина, и женщина - ведьмы,
Как веревками я опутаю,
Как в клетку я поймаю,
Как шнурами я свяжу,
Как в сети, я одолею,
Как в пращу я закручу,
Как ткань я порву,

Грязной водой, как из колодца, наполню,
Как стену, сброшу их вниз.

Бок о бок с обычными магами существовало огромное количество колдунов, практиковавших без сложных ритуалов, среди которых большое распространение получили ведьмы. Эти же вавилонские и ассирийские ведьмы были столь же эффективны, сколь и нелюдимы. В отличие от мага, ведьма была в союзе с демонами и умело помогала им в наведении дурных снов, несчастий, болезней и самой смерти. С энтузиазмом, достойным лучшего дела, она рвала на своих жертвах волосы и одежду, вызывала галлюцинации или длительное помешательство, разрушала семейное согласие и возбуждала ненависть между влюбленными. Она была мастерицей в использовании дурного глаза, злых уст и злого языка, чучел и магических узлов, а ее проклятия были самыми страшными из всех ее практик. О вавилонских ведьмах рассказывают, что они бродили по улицам и общественным местам, преследовали путников и проникали в дома. Их языки околдовывали, их губы дышали ядом, смерть ходила по их следам. Как создатели, так и адаптанты они были чрезвычайно искусны в том методе зачарования с помощью фигурок из глины, дерева или теста, который до наших дней остается одним из самых известных колдовских искусств, и были адептами в завязывании колдовских узлов. Естественно, что такая практика привлекала к ним недоброжелательное внимание правительства, но, возможно, о внушаемом ими страхе говорит тот факт, что, хотя закон предусматривал казнь через огонь, нет никаких определенных доказательств того, что что-то, кроме их чучел, когда-либо действительно сжигалось.

Учитывая суеверия, на которых был воспитан их великий праотец, нет ничего удивительного в том, что монотеистический идеал, свойственный евреям, периодически страдал от затмений. Не только халдейская магия и персидский зороастризм были ответственны за еврейское представление о колдовстве. Во время голода Авраам и его жена ушли в Египет, как и его потомки, и египетский маг снискал себе славу не менее прочную, чем халдейский. Их божественным покровителем был Тот, явивший себя человеку как первый маг, и знаменательно, что он же впервые научил человечество искусству письма и музыки, не говоря уже об арифметике, геометрии, медицине и хирургии. Этот божественный школьный учитель заранее указывал на дни плохого самочувствия и, благодаря своим магическим искусствам, которые делали его хозяином других богов, предлагал противодействующие средства. Египетский маг толковал сны, излечивал одержимость бесами и был искусен в составлении нативов. В менее приятном настроении он мог насылать кошмары, преследовать призраками, сковывать волю мужчин и заставлять женщин становиться жертвами страсти. Для создания неотразимых чар ему требовалось не более капли крови своего подопечного, несколько ногтей, волос или клочок белья из его раима, которые вставлялись в воск куклы, смоделированной и одетой так, чтобы походить на него. Как и в случае с вавилонской ведьмой и ее средневековыми преемницами, все, что делалось с чучелом, доставалось оригиналу. Тот также учил магов разделять воды, и сохранилась приятная история о прекрасной деве, которая уронила новое бирюзовое украшение из лодки в реку и, обратившись в беде к любезному магу, была утешена тем, что нашла его, а он разделил для нее воды, целым и невредимым на горшке. Нетрудно догадаться, что еврейская легенда о переходе через Красное море имеет схожее происхождение.

Исида, еще одна известная покровительница колдовства, на самом деле была скорее ведьмой, чем богиней. Египетская формула против болезней, датируемая примерно 1700 годом до нашей эры, начинается так: "О Исида, владычица чародейства, избавь меня,

освободи меня от всего плохого, злого (красного)". Красный цвет, как можно заметить, был цветом Сета, а значит, и зла. Предполагалось, что женщина в большей степени, чем мужчина, обладает качествами, необходимыми для осуществления магии, законной или иной. Она видела и слышала то, что не могли воспринять глаза и уши мужчины; ее голос, более гибкий и пронзительный, был слышен на больших расстояниях. По своей природе она владела искусством вызывать или изгонять невидимых существ. Великая супруга, или царица, фараона после вступления в этот сан обретала магические способности, превосходящие обычные. В связи с этим мы находим еще одно представление о ведьме в истории, связанной с гибелью армии фараона в Красном море. Женщины и рабы утонувших воинов, опасаясь агрессии со стороны царей Сирии и Запада, избрали своей царицей некую Далуку, женщину мудрую, благоразумную и искусную в магии. Она собрала в храмах все секреты природы и творила свои колдовства в те моменты, когда небесные тела были наиболее склонны к покорности высшим силам. Всякий раз, когда из Аравии или Ассирии отправлялась армия для вторжения в Египет, королева-колдунья делала чучела солдат и животных, соответствующие по численности ее силам, как было установлено ее шпионами. Их она заставляла исчезнуть под землей - судьба, которая впоследствии постигала и захватчиков.

Египтяне были очень искусны в составлении любовных чар, заклинаний и филтров - эта отрасль их профессии, как мы можем предположить, больше привлекала ведьм, чем магов. По крайней мере, в одном случае ведьма одержала заметную победу над конкурентом-мужчиной в этом направлении, поскольку записано, что принц Сетнау, с рождения знакомый со всеми магическими искусствами, был все же околдован очень красивой женщиной по имени Табубу - случай, который, если и не является уникальным в истории, ручается за силу чар этой дамы.

Использование любовных приворотов было распространено среди еврейских женщин, и вполне вероятно, что вместе с другими магическими операциями они позаимствовали их у египтян. Тем не менее, еврейские упоминания о египетской магии носят несколько пренебрежительный характер. Так, при гадании по снам фараона еврейка одерживает победу над всеми усилиями придворных магов. Когда египетские колдуны бросили свои жезлы в подражание магическим способностям Аарона, их жезлы превратились в змей так же легко, как и его. Но его превосходство проявилось в том, что его змея пожрала всех остальных. Так и Навуходоносор в своем царстве нашел Даниила и трех его друзей более чем способными противостоять местным магам и астрологам.

Итак, еврей был не менее искусен в магии, чем его современники. Разница заключалась в том, что она была законной только тогда, когда практиковалась во имя и для служения Богу Авраама, а любые попытки использовать чужие обряды или божества сурово пресекались.

Вавилонский плен укрепил и расширил полнокровную веру во всеобъемлющую систему демонов, уже унаследованную евреями. Они признавали две разновидности злых духов - падших ангелов и тех, кто был полусверхъестественным. Этих последних снова разделили на потомков Евы от определенных духов мужского пола и тех, кто произошел от Адама от Лилит, первой настоящей еврейской ведьмы. Иудеи также не замедлили проверить благосклонность таких существ, когда суровость Иеговы оказалась неутешительной. Саул изгнал из страны всех волшебников и тех, кто имел знакомых духов. Тем не менее, однажды, опасаясь филистимлян и не имея возможности получить от Иеговы благоприятные заверения ни через сны, ни через Урим, ни через пророков, он переоделся и пришел ночью к ведьме

Эндорской. Явление Самуила дало повод для многочисленных спекуляций. Виерус, просвещенный писатель XVI века, хотя и твердо верил в колдовство, считает, что сам дьявол принял облик Самуила для этого случая. Но Виерусу свойственна гуманность, а его современники придерживались гораздо менее милосердных взглядов на женщин, которых они считали слугами Сатаны.

Хотя идея личного Дьявола была знакома иудеям - например, в его испытании силы с Иеговой за верность Иова, - мы не находим упоминаний о том, что он вступал договоры с ведьмами, как в более поздние времена. С другой стороны, они имели дело со знакомыми духами, и, что естественно для народа, отличавшегося гением пророчества, они преуспели в гадании. Ранний закон очень суров в этом вопросе. Законопослушный иудей мог пытаться разгадать будущее, если он ограничивал свои исследования законными каналами. К ним относились сны, пророчества, а также Урим и Туммим - два камня, которые носили в кармане эфода первосвященника и на которых было выгравировано утвердительное и отрицательное слово, соответственно; если один из них вынимался, то сообщение на другом представляло Божественную волю. Все это, будучи связанным со служением Иегове, было допустимо. С другой стороны, в книге Левит мы читаем, что "мужчина или женщина, имеющая духа знакомого или чародея, должны быть преданы смерти. Они должны побить их камнями". И еще: "Не обращайтесь внимания на тех, у кого есть знакомые духи, и не ищите волшебников, чтобы оскверниться ими". Саул умер не только за то, что преступил "слово Господне, которого не соблюдал", но и за то, что спросил совета "у того, кто имеет знакомого духа, чтобы спросить его". Его дальнейший грех, по-видимому, заключался в том, что в своем недоумении он "не вопрошал Господа".

Манассия (около восьмого века) подвергся осуждению за то, что "заставлял детей своих проходить через огонь", занимался предсказаниями и колдовством, использовал чары, "общался со знакомыми духами и с волшебниками". И только когда Господь наказал его, отправив в вавилонский плен, он смирился и "познал, что Господь есть Бог". Если рассматривать эту форму наказания как превентивную, то она достаточно любопытна, поскольку дочери Вавилона яростно обвиняются в том самом преступлении, за которое Манассия был послан к ним. Исайя без обиняков заявляет, что "дочери Вавилона будут наказаны за множество колдовства и чародейства, которыми они занимались с юности своей". И на протяжении всей еврейской истории заметно влияние этих вавилонских колдуний.

Любовной магией в Израиле занимались почти исключительно женщины, и многие еврейские женские украшения были аматорскими чарами. Действительно, спрос на всевозможные амулеты был так же велик среди монотеистических евреев, как и среди их соседей. Приведем лишь один пример из многих: очень популярный среди еврейских матерей амулет против Лилит, ведьмы тьмы, которой боялись роженицы, как имеющей злую склонность красть новорожденных младенцев, заключался в том, чтобы написать на стенах имена трех ангелов - Сеноя, Сенсеноя и Семангелофа.

Несмотря на широкое распространение этого зла и суровость законов против него, которые спорадически соблюдались некоторыми царями, например Саулом и Езекией, до правления царя Александра Янная в I веке до н. э. не сохранилось точных записей о преследованиях ведьм, сравнимых с теми, что были в средневековом христианстве. После рождения Христа зафиксировано лишь несколько случаев, хотя апостол язычников вел войну с колдовством с большой энергией. Так, благодаря своей силе он ослепил колдуна Елимаса, который практиковал на острове Пафос. Уже в ранние времена проводилось различие между активными ведьмами и теми, кто невольно одержим злыми духами, - различие слишком

тонкое, чтобы средневековый инквизитор мог обратить на него внимание. Так, служанка, "имеющая дух прорицания", не несла уголовной ответственности за свои способности. Ее прорицания не приносили ей практически никакой личной выгоды, и, отнюдь не совершая добровольно "отвратительный грех колдовства", она находилась под властью духа, впоследствии изгнанного Святым Павлом менее радикальными методами, чем это могло бы произойти пятнадцать веков спустя.

На первый взгляд удивительно, что халдейская, египетская или иудейская ведьма должна была так близко соответствовать типу, знакомому по мании ведьм в Средние века. Однако если вспомнить, как велика доля христианских суеверий, напрямую восходящих к древнееврейским обычаям, и как охотно те, кто сделал своим делом жизни изводить старух во имя Господа, искали библейские прецеденты, эта устойчивость к типу становится вполне естественной, хотя и уникальной. Концепция Силы, управляющей вселенной, должна меняться в зависимости от человеческих представлений о том, из чего состоит эта вселенная, но до тех пор, пока мы боимся темноты, фундамент, на котором мы строим свои проявления зла, должен мало меняться.

ГЛАВА VIII

ВЕДЬМА В ГРЕЦИИ И РИМЕ

Хотя христианская ведьма была прямым потомком еврейской, на ее родословном древе были и другие ветви, не без влияния на ее окончательное развитие. Главными из них были великие ведьмовские семьи Греции и Рима, одна из которых в некотором смысле была развитием другой и через нее унаследовала более чем следы персидской крови.

Естественной особенностью антропоморфной религии является то, что от нескольких представителей наиболее важных фаз человеческого существования боги и богини имеют тенденцию увеличиваться, пока едва ли найдется отдел человеческой деятельности, не имеющий своего председательствующего божества. Как среди людей есть короли и королевы, так и среди богов будут государи. У божественного царя будут свои офицеры, слуги и воины, как и у земных королей, которые ему поклоняются. Личный облик бога отличается от человеческого лишь в степени, его связь с поклоняющимися ему почти недостойна по близости его интимности. Он страдает от тех же страстей, совершает те же преступления, иногда стремится к тем же добродетелям; словом, он человек во всем, кроме имени, и божественен только в своей человечности.

Ни среди одного народа эта тенденция не была развита в большей степени, чем у греков. Их божества не только приспосабливались к каждой фазе человеческой жизни; знаменитый алтарь "Неизвестному Богу" свидетельствует о безграничных возможностях греческого пантеона. Если бы все другие записи были уничтожены, мы могли бы точно восстановить греческую жизнь и чувства по поступкам греческих богов; соответственно, мы можем ожидать, что такая фаза верований, как колдовство, будет точно отражена в греческой мифологии. И, соответственно, ведьма занимает свою определенную нишу в греческом пантеоне. Естественно, она не занимала места среди великих богинь. С одной стороны, ее можно рассматривать как вырожденную форму богини, с другой - она достаточно близко соответствует героическим полубогам, в жилах которых царская кровь смешивалась с божественным икором.

К первой категории относится страшная и ужасная форма Гекаты. Изначально древнее фракийское божество, она со временем приняла атрибуты многих: Атиса, Кибелы, Исиды и других. Как олицетворение луны, чьи лучи служат лишь для усиления таинственности ночи, она была покровительницей всех ведьм, и к ней обращались всех их самых зловещих начинаниях. Постепенно она превратилась в призрачную создательницу всех тех ужасов, которыми тьма поражает воображение. Именно Геката впервые произнесла заклинания и стала искусной в чарах; именно Геката с наступлением ночи выпускала из нижних теней демонов и призраков. Если вы, спеша в сумерках, встретите бесформенное чудовище, копытами похожее на осла и источающее несравненно дурной запах, то, возможно, узнаете в нем творение Гекаты, призванное наказать вас за то, что вы не принесли на ее алтарь привычную жертву в виде собак, меда или черных ягнят, или не поставили ежемесячное жертвоприношение - возможно, лишь по неосторожности, используя свою таинственную силу. Если в мрачном одиночестве ночи вы услышите заунывное блеяние гончих, то узнаете, что Геката бродит по земле где-то совсем рядом, а ее свиту составляют мертвые души. Если вы проходите через перекресток или посещаете место, где находятся могилы, поспешите туда, и особенно остерегайтесь мест, где пролилась кровь убитых, ибо все такие места - излюбленные прибежища Гекаты. Во мраке и темноте она занималась своей страшной работой, то варя филтры, то зелья, используя для ингредиентов рептилий, человеческую плоть или кровь людей и зверей, погибших страшной смертью.

Обряды поклонения Гекате варьировались в разных частях Греции; она играет главную роль в орфических поэмах, и когда старая религия начала погружаться под чужеродные элементы, она все еще сохраняла свою силу и к ней обращались даже чужеземцы. Ее статуи воздвигали перед домами и на перекрестках в Афинах, и к такой Гекатее обращались как к оракулу. Ее личная внешность была наоборот привлекательной. В зависимости от времени и обстоятельств у нее было либо три тела, либо три головы: одна - лошадиная, вторая - собачья, третья - львиная. Хотя эта смена тел была привычной, она не была постоянной: ее магические искусства позволяли ей принимать любую форму по своему усмотрению так же свободно, как и ее собратьям-божествам. Но как бы она ни появлялась, она неизменно была отвратительна. Тем не менее, среди ее приверженцев, по-видимому, были те, кто был достаточно смел, чтобы желать личной беседы с ней, и для их блага она предоставила формулу собственного сочинения и такой силы, что была вынуждена подчиняться цитатам тех, кто ею пользовался. Ее можно процитировать для пользы тех читателей, которые желают познакомиться с ней поближе. Сделайте деревянную статуэтку из корня дикой руты, хорошо отполированную, и помажьте ее телами маленьких обычных ящериц, растертых в пасту с миррой, стораксом и ладаном. Оставьте его под открытым небом на время растущей луны, а затем (предположительно в полнолуние) произнесите следующие слова: - "Приди, inferнальная, земная и небесная Бомбо, богиня дорог и перекрестков, враг света, который ходит по ночам, друг и спутник ночи, ты, кто радуется лаю собак и пролитию крови, кто бродит среди теней и вокруг могил, ты, кто жаждет крови и наводит ужас на смертных - Горго, Мормо, луна тысячи форм, брось благосклонный взгляд на наши жертвоприношения." Затем возьмите столько ящериц, сколько форм у Гекаты, и не забудьте сделать рощу из лавровых ветвей, чтобы лавры разрослись. Тогда, вознеся горячие молитвы к образу, вы увидите ее.

Геката, ставшая матерью Сциллы, а по некоторым сведениям, также Медеи и Цирцеи, была архимагиней знаний о травах и снадобьях, особенно о ядах. Она едва ли не более типична для позднейшего развития ведьмы, чем для того, что было в ее время. Похожая на карга и ужасная, она работала только во зло, внушая своим почитателям тот ужас, который олицетворяла сама. Богиня, какой бы она ни была, служит яркой иллюстрацией одной особенности греческого пантеона, которую он не разделяет ни с кем другим. Его боги и

богини всегда немного более человечны, чем их почитатели, более склонны к человеческим слабостям, если не к человеческим добродетелям. Так, Геката показывает себя более ужасной и порождающей ужас, чем все те, кто из всех сил старался брать с нее пример. Как Марс представлял солдата, доведенного до логического завершения, так Геката олицетворяет ведьминскую концепцию, доведенную до самых дальних пределов - концентрированную сущность колдовства.

К классу полубожественных ведьм принадлежат фессалийцы, а также Медея и Цирцея, предполагаемые дочери Гекаты, от которых они научились своим магическим искусствам. Цирцее помогали четыре сопровождающие ведьмы, которые собирали для нее травы, из которых она могла варить зелья, превращавшие спутников Улисса в свиней. Влияние Медеи в целом было более благотворным. Она излечила Геракла от безумия и научила марубийцев полезному умению очаровывать и умирять ядовитых змей. Не то чтобы ее знания о мазах, ядовитых и прочих, были в чем-то хуже, чем у ее сестры. Еврипид представляет ее в виде призыва в выражениях, почти идентичных тем, что уже цитировались в связи с Гекатой. Больная любовью дева Симаэта во второй идиллии Феокрита обращается к Гекате с просьбой "сделать это мое лекарство не менее действенным, чем чары Цирцеи, или Медеи, или Перимеда с золотыми волосами".

Не менее искусными в изготовлении ядов были фессалийские ведьмы, которые, кроме того, могли своими волшебными песнями и фильтами спустить с неба луну. Если они и были менее ужасны, чем Геката, то их действия внушали столь же мало доверия. Например, они пристрастились к такой практике, как отрывание зубами плоти с лиц умерших для составления своих заклинаний. Чтобы предотвратить этот ранний вариант похищения тел, за трупами приходилось следить по ночам. Чтобы обойти наблюдателей, ведьмы, как мы узнаем от Апулея, принимали облик собак, мышей или мух, так что стражи мертвых не должны были смотреть ни вправо, ни влево и даже подмигивать во время дежурства.

Подобные жуткие подвиги не ограничивались Фессалией, ведь в Сирии, как рассказывает Маркасс, отряды ведьм по ночам преследовали поле боя, пожирая тела убитых. Днем они принимали облик волков или гиен, тем самым обеспечивая связь с более распространенными фазами ликантропии. Эти ведьмы были определенно людьми, а не духами, и любому, кто пожелал и смог раздобыть необходимый рецепт, было сравнительно легко последовать их примеру. Такие магические мази обычно состояли из наркотических веществ, среди которых были аконит, белладонна, опиум и гиосциамус, сваренные с жиром маленького ребенка, убитого для этой цели, и с добавлением крови летучей мыши. Однако использовать их нужно было осторожно и умело, чтобы не случилось того, что произошло с "золотым ослом", который, желая превратиться в сову, оказался не более чем ослом.

Если фессалийские ведьмы уделяли больше внимания токсикологическому аспекту учения Гекаты, то питоны использовали не менее важный - предсказание грядущих событий. Каждый благоразумный грек, прежде чем предпринять что-либо важное, обращался к оракулу в Дельфах - оракул проявлял не меньшее благоразумие в неконкретной расплывчатости своих ответов. Тесей, который после смерти отца захотел ввести в Афинах новую форму правления, обратился к оракулу за советом и получил следующий ответ

Сын Питфейской девы,
Твоему городу условия и судьбы
Мой отец дал многим государствам.
Не тревожься и не бойся,

Пузырь не будет плохо плавать
По волнам, что его обступают.

К Филиппу Македонскому опять же обратилось изречение пифийской жрицы:...

Битву на Фермодоне, которая будет
В безопасности на расстоянии я хочу увидеть.
Далеко, как орел, наблюдающий в воздухе,
Покоренный будет плакать, а завоеватель погибнет там.

О том, что даже оракулы были и, возможно, остаются открытыми для человеческого влияния, можно судить по непочтительному предположению Демосфена о том, что пророчица была подделана в пользу Филиппа.

Способ произнесения оракула, несомненно, послужил ритуальным примером для ведьм более поздних веков, и в этом качестве его можно процитировать. После принесения определенных жертв жрица садилась на треножник, установленный над расщелиной в земле в центре храма. Из нее выходил одурманивающий газ, который, когда она вдыхала его, заставлял ее произносить дикие, вихревые слова. Эти слова истолковывались жрецом и передавались просителю, предварительно записанные гекзаметрами официальным поэтом. Таким образом, гадание в Греции было в равной степени связано как с ведьмой, так и с богиней, и следует отметить, что в случае с Дельфийским оракулом жрец выступал в роли посредника, а пифия была лишь элементом прорицательского механизма.

Персидские войны оказали новое влияние на греческую религию в целом и на колдовство в частности. Вместе с Дарием и Ксерксом пришла магия, которую практиковали последователи Зороастра. Плиний утверждает, что Ксеркса сопровождал Остан, писатель по магии, и это утверждение, независимо от того, верно оно само по себе или нет, выражает общую истину. Позже, после вторжения греков в Персию и Ассирию, халдеи мирно оккупировали Грецию, да так, что слово "халдей" стало синонимом слова "врач", "маг" или "колдун". Как и те их потомки, чьи рекламные объявления делают состояние наших газетных владельцев, они лечили страдальцев от неизлечимых болезней, предоставляли за небольшую плату безошибочные рецепты быстрого зарабатывания денег и выступали в качестве посредников между небесами и теми преступниками, которые не могли обратиться к ним по обычным каналам с надеждой на успех. Естественно, они не пренебрегали и такой популярной "линией", как пророчество, иногда для именитых клиентов, как, например, отец Еврипида, который, как говорят, советовался с халдеем о судьбе своего сына. Одним словом, они заняли место шарлатанов, пальмистов, колледжей "быстрого обогащения" и прочих практиков смежных отраслей мошенничества, чьи операции сегодня принято называть замечательными примерами американской "миловидности" и оригинальности.

То, что греческие колдуньи старой школы оказались под сильным влиянием таких новаторов, вполне естественно, тем более что в Халдее женщины принимали самое активное участие в практиковании более злых видов магии. Соответственно, мы можем принять дату Персидских войн как ту, с которой начались изменения во всем характере греческого колдовства. Ведьма стала менее страшной, так как была менее духовной, но более пагубной, так как больше занималась материальным злом. Геката была достаточно грозной фигурой, но ее ужасы были более или менее беспристрастны в своих масштабах и могли поразить как одного человека, так и другого, если он случайно вступал в контакт с ними. Ведьма более поздних времен концентрировала свою злобу на определенном объекте и таким образом

становилась орудием частной мести и силой, определенно вредящей социальному благополучию.

Еще одно мощное влияние на греческую магию оказал Египет. Колдовство и астрология по египетскому методу пользовались таким же уважением, как и халдейские, а Нектанебус, последний царь Египта (около 350 г. до н. э.), был признан в Элладе как самый могущественный из магов. Он был искусен в использовании восковых изображений, и среди тех, кому он посылал сны, был Филипп Македонский.

Таким образом, с постепенным развитием астрологии в Греции и упадком старой религии возникло положение вещей, очень похожее на то, которое имеет место даже сейчас - народы Востока приходят под влияние греческой культуры, а взамен предоставляют ей новые культы и безумства, одно фантастичнее другого, но все они с одинаковой жадностью схватываются голодным эллинским интеллектом, жаждущим всегда чего-то нового. От сравнительно простого начала греческое колдовство постоянно усложнялось, пока не включило в себя все, что популярно ассоциируется с этим названием, включая полное понимание галлюцинаций, снов, одержимости демонами, экзорцизма и гадания, использование восковых изображений и полезных ядов, в основном из восточных источников, а вместе с ними и очень хорошее понимание фильтров. Хороший пример любовного талисмана можно найти у Феокрита, писавшего в первые десятилетия III века до н. э. Среди чар, которыми пользуется героиня его идиллии, чтобы вернуть своего неверного возлюбленного, - лавровые листья, ярко-красная шерсть и колдовские узелки - последнее является характерной вавилонской практикой. В амулете есть повторяющийся припев: "Мое волшебное колесо, верни мне мужчину, которого я люблю". Ячменные зерна должны быть разбросаны в костре, пока произносится следующее заклинание:...

Я разбрасываю кости Дельфиса (или другого).

Дельфис потревожил меня, и я против Дельфиса сжигаю этот лавр. И как он громко трещит, когда его охватит пламя, и внезапно сгорает, и мы не видим даже его пыли, так и плоть Дельфиса может исчезнуть в огне.

Как я плавлю этот воск, помогая богу, так и он по любви быстро расплавится.

Трижды я возношу возлияния, и трижды, моя госпожа Луна, я произношу это заклинание. Будь то с другом он задержится, будь то с женщиной он ляжет, пусть забудет он их так же чисто, как Тесей в древности полностью забыл прекрасную Ариадну".

Жеребьячья нога - аркадский сорняк, от которого сходят с ума на холмах молодые жеребцы и быстроногие кобылы: Ах, даже как эти, я могу увидеть Дельфиса.

Эту бахрому со своего плаща Дельфис потерял, теперь я ее разорву и брошу в пламя.....

Вот, я раздавлю эффа, и ядовитый сквозняк завтра принесу тебе.

А сейчас, Фестилис, возьми эти волшебные травы и тайно намажь соком косяки его ворот, сплунь и прошепчи: "Это кости Дельфиса, которые я намазываю".

Когда я впервые увидел Дельфиса, я заболел любовью и посоветовался с каждым волшебником и каждой короной, и т. д., и т. п."

Итак, перед нами подробный рассказ о практиках, идентичных тем, которые впоследствии стали объектом жестоких гонений: использование чучел, магических трав, сжигание какого-либо вещества с призывом имени человека, на которого нужно воздействовать,

использование фрагмента его личных вещей во вред ему, консультации с "кронами" для удовлетворения любовного влечения. Однако это было слишком тесно связано с религией, чтобы общественное мнение постоянно выражало свое неблагоприятное мнение. В то же время существовали законы против него, которые впоследствии нашли отклик в римском законодательстве. Теорис, "лемнийская женщина", как называет ее Демосфен, была публично судима в Афинах и сожжена как ведьма. В демоническую одержимость и экзорцизм верили, по крайней мере, уже в 330 году до н. э., и в этом году Демосфен упоминает о них в своей оратории. О его отношении к практике экзорцизма можно судить по тому, что он упрекает Эсхина в том, что тот был сыном женщины, которая зарабатывала на жизнь экзорцизмом. Платон в "Законах" предписывает: "Если кто-либо с помощью связывания, или привораживания, или заклинания, или какого-либо подобного отравления покажет себя как причиняющий вред, если он прорицатель или толкователь чудес, пусть будет предан смерти".

Но, несмотря на такие мелкие неудобства, греческой ведьме почти не приходилось опасаться преследований, так что ее средневековые преемники вполне могли вспоминать времена Древней Эллады как свой золотой век, как в духовном, так и в материальном плане.

Если греки, не признававшие предшественников во владении своей страной, все же завезли так много колдовства из-за границы, то не стоит удивляться тому, что римляне, по их собственным словам, иностранные поселенцы в Италии, делали это. В отличие от греческих, римские легенды дают определенное начало самому Риму. Город был основан иностранцем. Что может быть более вероятным, чем то, что он принесет с собой обычаи, культы и суеверия своей страны.

Если допустить, что благочестивый Эней когда-либо существовал, то можно предположить, что именно он был ответственен за римскую склонность к магическим вещам. За долгие десять лет войны на равнинах Илиума он мог узнать о греческой магии достаточно и даже больше. От Дидо он также вполне мог чему-то научиться. Сам Вергилий, по всеобщему мнению, был знаком со всеми законами колдовства, а Вергилий рассказывает нам о знакомстве Дидоны если не с колдовством, то, по крайней мере, с ведьмой непрерываемой известности. Полужрица, полуколдунья, она могла заставить реки течь вспять, не говоря уже о том, что знала самые тайные мысли людей. Конечно, если бы Эней хотел внедрить надежную систему колдовства в своей стране, он не мог бы обратиться к лучшей наставнице.

Как и в Греции, так и в Риме, личный характер ведьмы в некоторых отношениях совпадал с характером богини, так что зачастую их невозможно было различить. Эгерия, подруга и советница Нумы, была первой ведьмой, полностью заслуживающей этого имени. Весталки также обладали определенными магическими способностями. Один из старых французских авторитетов резко отзываясь о них как о чистокровных служительницах Сатаны, его рвение превосходит чувство хронологического соответствия. Он добавляет, что когда Туссию обвинили в нарушении обета целомудрия, Сатана помог ей доказать свою невиновность, нося воду в решете, что, несомненно, привело бы к ее сожжению две тысячи лет спустя.

Как и греческая питонесса, римская сивилла была жрицей и ведьмой. Существование знаменитых сивиллиных книг предполагает культуру выше обычной; она также изучала медицину, а в более поздние времена, в частности, яды. Это последнее искусство со временем стало модным увлечением, о чем свидетельствуют многочисленные законы,

принятые против отравителей, и Ливий, как и многие другие писатели-мужчины, считает, что отравления и суеверия в равной степени берут свое начало от женщин. Он также, переходя к деталям, рассказывает о том, как Публия и Лициния быстро развелись со своими мужьями с помощью яда - два случая из многих, приведенных латинскими писателями.

Во всеобъемлющих положениях "Законов двенадцати таблиц", составленных дуумвирами в V веке до н. э., колдовство не обойдено вниманием.

Тот должен быть наказан, кто околдовывает кукурузу;
Не очаровывайте чужую кукурузу;
Не очаровывать,

таковы некоторые из его предписаний.

Римская мораль, основанная на социальных, а не религиозных принципах, запрещала колдовство только в той мере, в какой оно считалось пагубным влиянием в государстве. Даже в более поздние времена, когда различные виды магии были запрещены, магические обряды для лечения болезней и защиты урожая от града, снега или бури не только разрешались, но даже поощрялись. Lex Cornelia de Sicariis et Veneficis запрещал приносить жертвы, чтобы навредить соседу. Колдун-злодей мог быть сожжен заживо, а те, кто с ним советовался, подлежали распятию. Владение магическими книгами считалось уголовно наказуемым, а применение любовных фильтров каралось работой в рудниках или, в случае высокопоставленных лиц, штрафом. Это контрастирует с более ранними законами, которые трактовались в гораздо более либеральном духе и применялись только в крайних случаях.

Уже в первые дни действия Законов Двенадцати таблиц греческое влияние на римское колдовство было заметным - оно усиливалось по мере того, как греческая мысль распространялась на римский разум. Через Грецию, а также по независимым каналам восточная магия попала в Рим, где мудрость египтян была в таком же почете, как и в самой Греции. Ко времени Мариуса, когда римляне вступили в прямые отношения с Востоком, в городе положительно кишели халдеи, жертвоприношения и толкователи сивиллиных книг, а использование любовных фильтров и восковых изображений стало обычным явлением повседневной жизни.

Как рано Диана, чья тесная связь с луной ставит ее в один ряд с Гекатой, стала считаться королевой ведьм, можно сомневаться; более поздние итальянские легенды и обычаи единодушны в присвоении ей этой сомнительной чести. Это, по крайней мере, должно быть поздней концепцией, которая рассматривает ее как постоянную посетительницу Шабаша ведьм, вместе с ее дочерью Иродиадой! Многие подобные легенды до сих пор бытуют в Тоскане, где, как и в других частях Италии и Европы, Диане поклонялись еще долго после того, как христианство стало номинально верховным. Итальянские "strege" - прямые потомки латинских "striges", получивших свое название от птицы дурного толка, летающей по ночам, - совы-крикуны, а колдовство до сих пор известно его приверженцам как "la vecchia religione", в то время как реальная вера в старых богов все еще сохраняется в той или иной форме во многих частях Апеннинского полуострова.

Следует отметить, что отцом Иродиады, как иногда говорят, был не кто иной, как Люцифер. Она также фигурирует под именем Арадия. Диана посылает ее на время на землю: "Ты должна отправиться на землю ниже."

Ты должна отправиться на землю.
Чтобы быть учителем для женщин и мужчин.
Кто желает изучать колдовство.
И ты станешь первой из ведьм,
И будешь учить искусству отравления,
И научишь, как погубить урожай богатого крестьянина.
Как отомстить священнику.
Удвоить вред и сделать это во имя Дианы,
Королевы ведьм всех.

И Арадия научила смертных: -

Благословлять или проклинать силой друзей или врагов,
Общаться с духами,
находить спрятанные сокровища в древних руинах,
Вызывать духов жрецов, которые умерли, оставив сокровища,
Понимать голос ветра,
Превращать воду в вино,
Гадать на картах,
Показывать секреты руки,
Исцелять болезни,
Сделать уродливое красивым,
Укрощать диких зверей.

Маленькие лепешки из муки, соли, меда и воды до сих пор делают в форме рогатой луны Дианы и пекут после заклинания, обращенного к богине.

Есть, конечно, и более ранние свидетельства того, что Диана покровительствовала колдовству. Так, Гораций в своей "Оде к Канидии", написанной в I веке до нашей эры, вкладывает в уста ведьмы Канидии такие слова

О, ночь и Диана, кто с правдой
И дружелюбным взором на цель мою взирают,
И храните молчание, пока я
My secret orgies safely ply,
Помоги мне сейчас, сейчас на моих врагов
Со всем твоим гневом небесным рядом".

В той же оде Гораций подробно описывает множество ведьминских обычаев, которые служат зеркальным отражением ведьминских суеверий того времени:...

Канидия со взъерошенными волосами,
и короткими хрустящими гадюками, свернувшимися там
У колхозного костра стоит.
И приказывает своим спутницам - ведьмам.

Для огня она использует фиговые деревья, вырванные из могил мертвецов, кипарис, яйца, натертые ядовитой кровью "мерзких жаб", пух крикунов, дурные травы и кости без плоти, выхваченные ведьмой из пасти голодных собак. Запах от такого варева должен был быть достаточно смертоносным, чтобы убить любое количество жертв, хотя это и не объясняет, почему она кусает свой длинный, острый, не защищенный ноготь большого пальца, пока варит свое смертельное зелье.

Однако любовь, как бы ни была универсальна в своей привлекательности, была далеко не единственной болезнью, от которой колдовство давало свое лекарство. Согласно Катону, например, вывих сустава можно было вылечить, произнеся следующий амулет:.

Motas, danata, daries, dardaries, astataries.

К этому Плиний добавляет, что его нужно использовать в сочетании с расщепленным тростником, что является достаточно благоразумным предложением. От него же мы можем узнать и о других амулетах, которые были в обиходе. Любовные фильтры состояли из дикого пастернака или мандрагоры, а наружное применение жира ослицы, смешанного с жиром судака, было средством для большей уверенности. Садоводам-любителям, которым нравится рано вставать, будет интересно узнать о средстве от гусениц-вредителей: женщина (предположительно жена садовника) должна в определенное время года обойти вокруг пораженного дерева до восхода солнца, без юбки и босиком. И так далее, в результате чего было найдено средство от всех недугов, которым подвержена плоть.

Императоры придерживались самых разных взглядов на колдовство. Август, понимая, что колдовство может завладеть народным воображением, собрал стихи сивилл из Самоса, Трои, Африки и других мест и приказал представить их префектам города, чтобы пятнадцать очень ученых людей оценили их и представили свои доклады. В последние дни существования языческого Рима произошло заметное возрождение колдовства, Марк Аврелий и Юлиан подали пример своим покровительством. Ранние христианские императоры возродили старые законы против него, но направили их на борьбу со старой религией. Тайная магия, осужденная дуумвирами, была распространена ими на всю систему язычества. Почти сразу после своего обращения Константин издал указ о том, что любой харуспекс (прорицатель), входящий в дом гражданина с намерением совершить его обряд, должен быть сожжен заживо, а имущество его нанимателя должно быть конфисковано, а обвинитель вознагражден. Император показал, что настроен серьезно, приказав казнить одного из своих фаворитов за то, что тот вызвал плохую погоду и помешал кукурузному транспорту с Константинополем. Тем не менее, спустя два года было заявлено, что император не желает запрещать магические обряды, которые лечат болезни или предотвращают непогоду. В правление его преемника Констанция любой человек, обвиненный в колдовстве, подлежал пыткам. Зарекомендовавших себя колдунов приказывали бросать на съедение диким зверям или распинать на кресте, а если они упорно отрицали свою вину, то их плоть отрывали от костей железными крюками. В этом эдикте также проводилось различие между черной и белой магией; магические чары разрешалось использовать как средство от засухи, болезней, бурь и тому подобного.

Юлиан Отступник, возможно, не без основания, относился к колдовству более благосклонно, но последующие императоры проявляли все большую враждебность. Валентиан добавил к списку запрещенных вещей нечестивые молитвы и полуночные жертвоприношения; при Феодосии каждая деталь языческого культа была включена в категорию магии и строго

запрещена. В правление Гонория сивиллины, собранные Августом, были подавлены. Кодекс Юстиниана посвящает колдовству целый раздел.

История римской ведьмы, таким образом, является пророческой для ее христианской преемницы. Пока она подчинялась только гражданской власти, государство почти не вмешивалось в ее дела, но стоило ей привлечь ревнивое внимание ортодоксальных толкователей сверхъестественного, как ее судьба была предreshена. Мы склонны хвалиться ростом знаний в наше время и приводить в пример упадок суеверий, но, если бы внезапное религиозное возрождение произошло, сравнимое с зарождением раннего христианства или Реформации, сомнительно, чтобы мы не обнаружили, что вместе с ним возрождается вера в злую силу ведьмы, и, возможно, наши духовные пастыри и наставники одними из первых атакуют ее мирским оружием. Трудно представить, как они могли бы логически воздержаться.

ГЛАВА IX

ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

Видя, что это так сильно влияет на нас самих, мы привыкли провозглашать введение христианства величайшей революцией в истории - утверждение, которое будет более убедительным, когда пройдет еще несколько тысяч лет, и еще несколько религий сменят друг друга. По крайней мере, ум культурного "христианина" наших дней мало чем отличается по своим взглядам - за исключением той степени, в которой на него влияют современные материальные открытия, - от ума культурного "язычника" императорского Рима, гораздо меньше, чем у любого из них от искреннего раннего христианина. Яйцевидная тенденция человеческой природы делает неизбежным то, что несколько искренних верующих, какой бы ни была их вера, всегда будут достигать кометного хвоста последователей, загипнотизированных их искренностью и самих мало что понимающих в этом. Как бы ни обстояли дела с небольшой группой ранних христиан, чья вера обрела реальность благодаря их страданиям за веру, можно быть уверенным, что представления христианина шестого века на деревенской улице о рае, аде и их обитателях отличались от представлений его языческого предка за шесть веков до этого лишь изменением нескольких имен и добавлением некоторой нетерпимости. Его духовные наставники велели ему поклоняться именам Христа, святого Иоанна и святого Петра вместо Аполлона, Меркурия или Марса, и он, беспокоясь лишь о средствах к существованию, принял это изменение без возражений. Тем временем его разум - такой, каким он был, - работал по старинке. Как и во всех великих религиозных движениях, мы не видим внезапных или насильственных перемен - за исключением, конечно, отдельных случаев: от старых идей отказались, хотя и очень медленно, и переход от Дианы к Христу, насколько он затронул большую часть верующих, был незаметен для ума.

До Христа было много христиан, так же как и после гибели язычества было много язычников. Веками новые идеи, названные впоследствии христианскими, бродили в умах вдумчивых язычников. Дух эпохи требовал их кристаллизации в лидере, и призыв Запада вновь получил ответ с Востока. Но подобно тому, как Нааману, верующему в Бога Израиля, все же разрешили поклониться в доме Риммона, или как теория и практика современного социализма раз за разом прямо противоположны друг другу, - так, за исключением

мучеников и толстовцев - Толстых своей эпохи, - широкая публика приняла христианство как заполнение неловких пробелов в своих прежних убеждениях, а не как их полную замену.

Римское колдовство, постоянно подкрепляемое с Востока, приобретало все большее значение по мере того, как ослабевала вера в великих богов. Запрещенное полицией, как противоречащее общественному порядку, оно могло быть спутано с христианством, которое было запрещено по тем же причинам - и то и другое практиковалось тайно и наказывалось, если становилось слишком заметным для общественности. Христианство, как более агрессивное, подвергалось более суровым репрессиям и, соответственно, было обречено на большой успех. И успешному христианину полагалось доказать своим бывшим товарищам по несчастью полную бесполезность преследований. Как мы можем благодарить языческого гонителя за то, что живем в христианскую эпоху, так и средневековая и современная ведьма во многом обязана своим существованием настойчивым усилиям первых христиан по подавлению колдовства и ведьм. Вполне естественно и даже похвально, что выдающиеся черты язычества были низведены в царство тьмы преемниками языческой империи - бог одной религии неизбежно становится дьяволом ее вытеснителя. Но если сатира, фавна, кентавра и сирену было достаточно легко объединить как разновидности демона, то ведьма была на другой ступени. Она действительно существовала, во-первых, в той мере, в какой она была из плоти и крови, во всяком случае, и она выполняла больше личных функций, чем любое количество божеств. Каждый был готов одобрить реформы, которые не мешали его собственному комфорту, а ведьма была необходимостью у камина. Она была семейным врачом, адвокатом, духовным наставником и, кроме того, плательщиком по старым счетам - фактором в вашей жизни, потерю которого не могла компенсировать никакая религия. Кроме того, она выступала за традиции, "старые добрые времена", респектабельность неизменного консерватизма. Христианство - новаторское и иконоборческое - могло пробиться среди непостоянных горожан, всегда готовых к чему-то новому; провинция, деревня, одинокий фермерский дом или рыбацкая деревушка упорно держались за то, что было достаточно хорошо для их дедов - как, собственно, они и делали это с тех пор.

Тем не менее из больших городов вероучение Христа медленно распространилось по деревням, претерпев множество изменений, прежде чем дошло до них. Переданная прямо из уст отца Церкви, христианская доктрина может быть достаточно жесткой и прямой. Передаваемые из уст в уста, невежественные или понимающие, они могут прийти до отдаленной паствы настолько размытыми, что могут дать возможность компромисса с освященным временем прецедентом, а что может быть более опасным, чем колдовство. Если бы вы были непредвзятым человеком, то могли бы допустить, что вы ошиблись, увидев фавнов, танцующих в лучах солнца, пробивающихся сквозь листву, или услышав голоса нимф в журчании ручья; но ведьма, которую вы могли видеть, осязать, слышать, которая вылечила вашу зубную боль и отомстила вам за нечестного соседа, - она требовала много объяснений. Может быть, она и злая, получившая свою силу от нечестивого союза с Лукавым - сжигайте, убивайте, преследуйте ее всеми способами, если это угодно Небесам, но не верить в нее совсем - это слишком много для простого человека. Да и как можно было ожидать этого от него, когда сами императоры своими эдиктами доказывали открытость своих умов. Марк Аврелий не только изучал магию, но и преследовал христиан, убив, в частности, преподобного Поликарпа. Август мог счесть необходимым принять полицейские меры против ведьм; Аврелиан упрекал сенат за то, что тот не обратился к сивиллиным книгам, когда варвары угрожали воротам Рима. "Можно подумать, - говорил он, - что мы собрались в христианской церкви, а не в храме всех богов". Там, где Элагабал возобновлял старые суеверия и вводил новые, Константин казнил своего фаворита за попытку повлиять на погоду.

Личные пристрастия императоров лишь отражали многочисленные и разнообразные влияния, действовавшие на протяжении первых четырех веков после Рождества Христова. Помимо постоянного притока восточных практик и суеверий, неоплатонизм был ответственен за возрождение веры в сверхъестественное, как отличное от божественного. Александрийская школа, отбросив старые философские системы, переключилась на изучение магии. Варвары, опять же, были повсюду. Длительная война между Римом и германцами достигла кульминации на 9-м году новой эры, когда Герман Герман своей великой победой над Варом привел к окончательному освобождению своей страны. В 259 году император Галлиен женился на варварской принцессе, и к концу III века нашей эры империя была в значительной степени "варваризирована" готами и вандалами, которые несли в ней военную службу и, кстати, способствовали укреплению язычества и привнесению в него новых черт. Тевтонская ведьма встретила свою римскую сестру и познакомила ее с более темными, мрачными и энергичными представлениями о своем искусстве. Страшный мор, который в III веке опустошил империю, придал новую популярность черным искусствам, и римская ведьма никогда не была так востребована, как в годы, предшествовавшие последнему и самому жестокому гонению на христиан со стороны Диоклетиана.

Преследуемая или обожаемая, ведьма никогда не могла продвинуться в добром мнении христианина, чей протест против ее существования был устойчивым и постоянным, независимо от его собственной судьбы или состояния. Как только последний из его собственных гонителей откладывал меч, он тут же брался за него и начинал преследовать ведьму с заслуженной энергией, которая никогда не ослабевала.

Если язычник наказывал ведьму прутьями за то, что она причинила вред человеку, то христианин осыпал ее скорпионами как врага Божьего. Не хватало и возвышенных свидетельств святых отцов, чтобы вдохновить его энергию. Тертуллиан во втором веке объявил, что мир переполнен злыми духами, включая в их число всех языческих богов, как приятных, так и противоположных, от Гебы до Гекаты. Ориген в своей третьей книге об Иове упоминает, что чары иногда бывают от дьявола. Святой Августин в "De Civitate Dei" не сомневается, что демоны и злые духи имеют связь с женщинами. Самым ранним церковным постановлением, затрагивающим эту тему, является постановление Анцира в 315 году н. э., согласно которому прорицатели осуждены на пятилетнюю епитимью. В 525 году Осерский собор запретил прибегать к помощи прорицателей. Колдовство, взвалившее на свои плечи все беззакония язычества, приобрело такое значение, какого никогда прежде не имело. Простой человек начал понимать, что его семейная ведьма - более важная персона, чем он считал до сих пор. Если она сама не была полукровкой, то, по авторитетному мнению святого Августина, как уже говорилось выше, она, по всей вероятности, была хозяйкой сильвана, фавна или другой разновидности дьявола, и ее потомство было не менее дьявольским. Естественно, что они росли и множились, так что между телесными и духовными дьяволами мир был перенаселен. Мессалийцы, правда, дошли до того, что сделали плевков религиозным упражнением в надежде изгнать дьяволов, вдыхаемых при каждом вдохе; и распространенное суеверие относительно чихания имеет то же происхождение. Можно сказать, что в те ранние времена дьяволы заполняли, и к восхищению, ту роль, которую сейчас играет микроб в повседневной жизни.

Следует опасаться, что, за исключением тех, кто серьезно изучал этот вопрос, существование стольких дьяволов того или иного вида не вызвало такого всеобщего беспокойства, как хотелось бы духовенству - примерно так же, как это происходит сейчас, когда медицинский мир приходит в ужас от открытия какого-то нового микроба в клубнике,

телефонной трубке или манжете рубашки. Простой человек принял их и, обнаружив через несколько столетий, что они практически ничего не меняют в его жизни, перестал испытывать более чем вялый интерес даже к самым ужасающим новым разновидностям, открытым святыми специалистами. Можно предположить, что их постоянное настаивание на врожденной порочности человечества и почти непреодолимых опасностях, которые со всех сторон подстерегают христианина, со временем утратило свою свежесть и сменилось некоторой усталостью. Признавая, что христианство было единственным верным путем к спасению в следующем мире, следовать по нему, не спотыкаясь, было так трудно, что мало кто, если вообще кто-либо, мог надеяться прийти к цели, кроме как благодаря такой счастливой случайности, как мученическая смерть. Таким образом, на практике, если не в теории, христианство было вынуждено прийти к некоторому рабочему соглашению со старыми, удобными языческими обычаями, которые оно вытеснило. Некоторые из наиболее популярных языческих обычаев и праздников перешли в христианство, некоторые популярные божества были крещены и стали христианскими святыми. Знакомый пример - святая Вальпурга. В христианской агиологии она фигурирует как святая дева, а также как сопровождавшая святого Бонифация в его миссионерских путешествиях - все это свидетельствует о том, что в современных религиозных кругах было меньше благочестивых скандалов, чем в наши дни. В народных преданиях мы находим множество колодцев и источников, связанных с ней и приобретающих ценные целебные свойства. Масло, выделяемое из ее костей в Вальпургиеву ночь, ценилось как облегчающее зубную боль и родовые муки. Среди ее изобразительных атрибутов - собака, способная излечить от гидрофобии, а в руках она держит либо масло, либо колосья кукурузы - символы плодородия в сельском хозяйстве. Праздники и ликования, которые происходили в Вальпургиеву ночь, с их особой связью с колдовством, казалось бы, показывают, что Вальпурга, прежде чем стать христианской святой, имела долгую историю в качестве богини-матери. Точно так же в культе Девы можно обнаружить следы того поклонения Диане, которое в течение 600 лет существовало бок о бок с христианством и далеко не полностью исчезло в Италии даже сегодня.

Как можно легко понять, эти языческие тенденции не были благосклонно восприняты отцами. В 600 году нашей эры святой Элигий был вынужден запретить танцы, пляски, колядки и дьявольские песни в праздник святого Иоанна. Устав святого Бонифация запрещает хорам мирян и девиц петь и пировать в церквях. По мере усиления власти церкви многие подобные обычаи - например, танцы женщин вокруг священных деревьев и колодцев с факелами или свечами в руках, общая трапеза, хоровые песни и жертвоприношения - были категорически запрещены как колдовство, за искоренение которого церковь наконец-то сочла возможным взяться всерьез. Это действительно стало вопросом почти жизни и смерти, поскольку Церковь во многих отношениях оказалась в острой конкуренции с колдуньей, причем одна добивалась законными средствами тех же результатов, что и другая - с помощью сатаны. И как Адам, узнав, что яблоко для него запрещено, сразу же устремился за ним, исключив все остальные продукты, так и общество проявило большее желание получить запретные услуги ведьмы, чем услуги законного практикующего. Это было так часто, что церковь иногда была вынуждена прибегать к другим средствам, кроме гонений, чтобы показать, что она способна бороться с ведьмой ее же оружием. Иногда, надо признать, эти методы скорее напоминали американского магната-трастовика, чем честного конкурента, как, например, в случае с Блоксбергом. Этот холм имел большое значение для ведьм, предоставляя большой выбор магических трав, которые служили сырьем для их торговли погодными чарами. Однако собрать их можно было только в канун праздника Святого Иоанна и во время звона колоколов соседней церкви. Церковные власти, узнав об этом, отдали приказ, чтобы в этот день колокола звонили как можно дольше -

несправедливость такого решения можно было бы превзойти, только не звоня в колокола вообще.

Другая история такого рода, приведенная мистером Леки, показывает, что даже в честной и открытой конкуренции святая вода могла противостоять самой сильной черной магии. Некий христианин, по имени Италик, пристрастился к скачкам в Газе. Одним из самых опасных и постоянных его соперников был язычник Дуумвир. Этот последний, будучи сведущ в черных искусствах, с помощью "накачивал" своих лошадей так успешно, что неизменно побеждал. Италик, не имея возможности последовать его примеру, в конце концов обратился к святому Илариону, умоляя его поддержать честь Церкви каким-нибудь ярким проявлением сверхъестественной силы. Святой, после некоторых колебаний, согласился и подарил Италику чашу со святой водой, освященной особым образом. На старте следующего заезда Италик обильно окропил свою команду, после чего они со сверхъестественной быстротой притащили его колесницу к победному столбу. Лошади Дуумвира, напротив, шатались, словно их терзала невидимая рука, и, надо сказать, проиграли гонку. Обратился ли Дуумвир в современный Жокей-клуб с просьбой дисквалифицировать победившую команду, и если да, то с каким результатом, нам не известно.

Учитывая огромную и постоянно увеличивающуюся популяцию ведьм и демонов, их полное истребление представлялось почти безнадежной задачей. И действительно, только в тринадцатом веке церковь попыталась решить эту задачу во вселенском масштабе. Если отдельной ведьме не повезло попасть в руки священника, ее судьба, скорее всего, была несчастливой - но на заре веры священник считал себя способным одержать победу над ней менее материальным оружием. Только, поскольку священники не могли быть везде, а количество ведьм так сильно превышало их собственное, были предусмотрены средства, с помощью которых даже мирянин мог противостоять им. Так, горящая сера была очень эффективна для изгнания дьяволов, тонкий (!) запах которой обладал большой очистительной силой. Желчь черной собаки, добавленная в духи, была еще одним признанным рецептом, как и нанесение ее крови на стены зараженного дома.

Примечательно, и это факт, который сильно ручается за искренность ранней Церкви, что, хотя она практиковала то, что было ничем иным, как освященным колдовством, она никогда не пыталась прибегнуть к одной из самых распространенных и популярных колдовских практик - предсказанию будущего, во всяком случае, в этом мире. Правда, земное будущее христианина, являющееся лишь неприятным преддверием к посмертным радостям, можно было бы с большей радостью оставить без предсказаний. Тем не менее многие из них не презирали удовольствия этой жизни и были готовы заплатить за предвкушение тех, с которыми им предстоит столкнуться.

Знакомство в какой-то мере порождает презрение, поэтому в те ранние времена общество не относилось ни к ведьмам, ни к деймонам с тем ужасом и ненавистью, которые были столь заметны в XV веке и далее. С одной стороны, вера в силу церкви была более неявной. Баловство с запретным имело всю прелесть спорта с привкусом опасности, когда ты знал, что в любой момент сила, значительно превосходящая силы зла, готова вмешаться и защитить тебя от последствий твоей чрезмерной опрометчивости. Перед именем достаточно эффективного святого самый могущественный демон должен склонить голову, особенно если поблизости есть святая вода. Если вы попадали под власть ведьмы, то это могло произойти только из-за того, что вы не принимали должных мер предосторожности или нанимали для этого кого-то другого за умеренную плату. Наши англосаксонские предки проявляли очень хороший дух благоразумия в таких вопросах - как, например, в знаменитой встрече Этельберта, короля Кента, и святого Августина, которая по королевскому приказу

проходила под открытым небом, чтобы миссионер, находясь под крышей, не мог практиковать незаконные искусства на короле. Одним словом, ведьма была повсюду, как и необходимые противоядия - некоторые из них были самыми простыми. Так, в истории о Хереварде мы узнаем, как мудрая женщина из Брэндона, что близ Эли, предала героя анафеме с деревянного подмостка. Чтобы ее проклятия были действительно действенными, их нужно было трижды повторить, но прежде чем она успела это сделать, эшафот подожгли последователи Хереварда, и мудрая женщина несчастно погибла. Ведьма, как и ее сплетник Дьявол, всегда оказывается на втором месте в фольклоре, где ей противостоят по-настоящему добродетельные люди - утешительное размышление для всех, но зловещее для их друзей.

Она все еще оставалась в какой-то степени теневой сущностью, с переменчивыми и неопределенными атрибутами. Хотя в 696 году Беркхемпстедский собор постановил, что любой человек, приносящий жертву дьяволу, должен быть наказан, что достаточно ясно указывает на ведьм, только спустя несколько столетий концепция ведьмы окончательно выкристаллизовалась в ее современную форму женщины, заключившей фактический договор с сатаной, творящей чудеса его силой и часто перемещающейся по воздуху, чтобы воздать ему почести на субботних собраниях. Можно сказать, что до этого момента церковь занималась сбором и просеиванием доказательств, накапливая внушительную массу прецедентов и традиций, которые можно было использовать со смертельным эффектом, когда колдовство было окончательно заклеено как ересь.

Независимо от того, будут ли грехи ведьмы и колдуна определенно кодифицированы или нет, обязанность законотворца - предусмотреть все непредвиденные обстоятельства; как Юстиниан посвятил часть своего кодекса борьбе с колдовством, так и Карл Великий, два с половиной века спустя, принял новые и строгие законы для борьбы с колдовством - как в Капитулярии 789 года, где запрещается сверхъестественная метеорология. Более прямыми, хотя, возможно, и менее эффективными, были такие методы устрашения, как методы благочестивого епископа Барбатуса, который в седьмом веке срубил и выкорчевал некое ореховое дерево, известное как место встречи ведьм. Следует отметить, что деревья во все времена пользовались большой благосклонностью злых сестер, особенно в качестве метеорологических кабинетов. Многочисленные ведьмины дубы по всей Германии служили для этой цели - один из них, в Бакенхофене, использовался ведьмами, присутствующими на Вальпургиевой ночи, как качели. Парадокс в том, что если роща дубов - священное дерево тевтонов, как и липа славян, - защищает от магии, то отдельные деревья должны быть известны как места сбора ведьм.

По мере приближения 1000 года оптимистичный взгляд на вещи в целом стал ухудшаться. Голод и мор становились все более обыденными; цена на кукурузу беспрецедентно выросла; голод стал обычным состоянием миллионов людей по всей Европе; случалось, что детей убивали и пожирали их голодные родители; мертвые тела выкапывали и использовали в пищу. Старые пророчества предсказывали конец света в 1000 году, и к страданиям от голода и болезней добавились страдания от всеобщего ужаса. Движение вперед в Церкви, казалось, угасло, и христианский пыл уступил место настойчивому соблюдению форм и церемоний, которые воспринимались обывателями как утомительные, хотя и необходимые обязанности. Неудивительно, что они искали что-то, что, вместо безнадежного созерцания врожденного греха, должно было дать хоть какой-то луч настоящего утешения. Вот тут-то и открылись возможности для ведьмы, колдуна и алхимика - и тут же началось самое ожесточенное противостояние между священством и колдовством. До сих пор Церковь могла относиться к таким соперникам если не с терпимостью, то, по крайней мере, с

презрением. Теперь же ей пришлось сражаться с оружием, выкованным в ее собственных печах, взывая к тому бездонному невежеству, которое священник навязал своей пастве. Если монополия на знание - это сила, то ее применение обоюдоострое; Церковь была вынуждена искать новые средства внушить страх перед небесным гневом тем, кто не мог представить себе обстоятельств более ужасных, чем те, что они уже ежедневно терпели. Пришло время доказать, что тех, кто посягает на запретное, ожидает двойная доля наказания как в этом, так и в следующем мире, и что земного наказания следует бояться не меньше, чем лучших адских усилий.

В 1025 году Буркхард Вормсский вставляет в исповедальню важный вопрос: "Верил ли ты, что есть женщины, которые могут превратить любовь в ненависть, а ненависть в любовь, или могут причинять вред своим ближним и захватывать их имущество для себя? Верили ли вы, что безбожницы, ослепленные дьяволом, разъезжают по ночам с демоном Хольдой, повинуюсь ей как богине?" Вскоре последовал указ Этельреда об изгнании ведьм, прорицателей и колдунов, а - указ Канута, в котором любовное колдовство рассматривалось как разновидность язычества.

Хотя церковные анафемы могли на время остановить растущую волну популярности ведьм, по сути, они были лишь стимулом к культу, который не предусматривал ни анафем, ни преследований - за исключением, правда, тех, которые были подвластны самому скромному человеку. Кроме того, в двенадцатом веке - веке крестоносцев - действовало множество новых влияний. Чтобы противостоять общей вялости, в которую погружалась Церковь, папы воспользовались своим знанием человеческой природы. Эпидемическое безумие вызывали отпущение покаяния, отпущение всех грехов, прошлых, настоящих и грядущих, и заверения в вечном блаженстве для всех, кто примет крест. Притворные чудеса и пророчества стимулировали народный энтузиазм, и сильнее их было осознание миллионами людей того, что любые перемены, которые они могут пережить, должны быть к лучшему. Но каким бы многообещающим ни было в то время великое "возрождение", оно таило в себе опасность для церкви, которая его спровоцировала. Новые условия породили новые идеи. Азия предоставляла своим европейским захватчикам больше роскоши для тела и ума, чем любая другая, известная им до сих пор. Новый мир, открывшийся перед ними, мог быть греховным; по крайней мере, он был очень приятным. Будущее проклятие мало кого пугает, и открытие того, что существуют миллионы людей, причем в комфортных условиях, которые никогда в жизни не снимали шляпу перед священником, каким бы шокирующим оно ни казалось поначалу, должно было заставить задуматься.

Среди запрещенных институтов, в отношении которых крестоносец нашел повод пересмотреть свои взгляды, колдовство занимало видное место. Как бы ни было оно анафемно, оно имело множество восточных сторонников, которые, чего бы им ни стоило ожидать на том свете, имели мало оснований жаловаться на этом. Подобные мерзости вызвали к разумному исследованию, хотя бы для того, чтобы их можно было опровергнуть, и в результате крестоносец вернулся домой со знанием многих новых особенностей, которые можно было бы с пользой добавить в западный ритуал магии. Тем временем в его отсутствие его родные практики не сидели сложа руки. Верные жены стремились узнать что-нибудь о местонахождении своих господ, их безопасности или, возможно, верности. Те, кто не был верен, еще больше нуждались в известиях о его возможном возвращении и способах его отсрочить. В таких чрезвычайных ситуациях услуги ведьмы были незаменимы, а запреты священников только рекламировали ее силу и увеличивали число ее сторонников. Все эти причины, и особенно последняя, в совокупности придали колдовству значение в общественной жизни, которое до этого ему не придавалось, и обрушили на него все

большой гнев Матери-Церкви. У нее, конечно, были и другие, не менее насущные проблемы, требующие ее внимания. Длительная дремота ортодоксии подходила к концу; множество ересей будоражили умы верующих. Возрождение латинской литературы будоражило мысли и чувства, давно затуманенные церковным учением. Крестоносцы были не единственными импортерами восточных идей; греческие торговцы, а также наркотики и благовония Востока приносили новые доктрины, которые принимались с опасной терпимостью. Энергичный Иннокентий III быстро осознал опасность и начал систематическое преследование еретиков. В 1208 году Раймонд Тулузский убил папского легата, против которого у Церкви уже были серьезные претензии, Иннокентий сразу же объявил крестовый поход, и еретики-альбигойцы были вовлечены в гибель своего самого могущественного покровителя, подвергшись преследованиям почти беспрецедентной жестокости. Создание инквизиции стало логической необходимостью, если мы хотели спасти распространение ереси, и времени на ее создание было потрачено немного.

К этому времени Сатана принял определенную форму и личность в общественном сознании, и идея о том, что ведьма получает свои силы благодаря договору с ним, долгое время настойчиво прививавшаяся, укоренилась. Правда, до сих пор "шабаш" был всего лишь безобидным подневольным карнавалом, который не одобрялся и по возможности не поощрялся. Одновременно с началом всеобщей охоты на ересь Европу охватил ряд опустошительных эпидемий. Проказа, эпилепсия и всевозможные кожные заболевания свирепствовали почти бесконтрольно. Они объяснялись многими причинами, от недостатка веры до употребления различных восточных лекарств, завезенных крестоносцами, хотя недостаток пищи и чистота, несомненно, были самыми активными факторами в их распространении за границей. Грязь долгое время считалась чуть ли не признаком святости, причем настолько легко достижимым, что мало кто заботился о том, чтобы пренебрегать ею и вызывать подозрения в своей ортодоксальности слишком частыми омовениями. Медицинская наука находилась на самом низком уровне; священники, руководствуясь здравым смыслом, объявили кожные высыпания наказанием, наложенным Богом, а потому не поддающимся воздействию святой воды. В отчаянии несчастные обращались за помощью к ведьме, которая, благодаря знанию трав и снадобий, была способна если не вылечить, то облегчить состояние. Казалось, все сговорилось, чтобы выдвинуть ведьму на опасное видное место.

Церковные меры подавления становились все более суровыми. Каноническое право предписывало подвергать прорицателей отлучению от церкви и предписывало епископам не оставлять камня на камне для их пресечения. К XIV веку субботы под пронизательным оком инквизиции утратили свой безобидный характер и превратились в принудительную почву для Черной мессы. Женская медицинская практика, какой бы полезной она ни была, становилась все более нелюбимой, а год от года атрибуты ведьмы становились все более inferнальными, поскольку материальный Дьявол становился все более привычным в сознании людей. Несомненно, увеличение числа ведьм было как реальным, так и теоретическим. Любовь к дурной славе не терпит современности, и репутация обладательницы inferнальных сил вполне удовлетворительно заполнила место современного газетного абзаца. Причем не только в одном смысле - ведь можно было не только добиться дурной славы для себя, как это делает современный апач, убивающий ради славы, которую это ему принесет, но и без риска для себя удовлетворить обиду на соседку, анонимно обвинив ее перед местным духовенством. Колдовство, опять же, было открыто для всех, без лицензий, экзаменов и вступительных взносов. Бедность, желание уединиться, хороший вкус к ругательствам и черная кошка или около того - вот и все, что требовалось для начала бизнеса.

Удобство, с точки зрения церкви, поймать в одну сеть ведьму и еретика было слишком очевидным, чтобы им пренебречь. К четырнадцатому веку их связь была хорошо известна в глазах церкви и закона. Во Франции уже в XIII веке преследовали за "vauderie", многозначное слово, которое охватывало одновременно и колдовство, и еретические практики тех водеев, от имени которых оно произошло. В Ирландии в 1324 году разбирательство дела о колдовстве, возбужденное против дамы Алисы Кайтелер и других лиц в суде епископа Оссори, привело к конфликту между церковью и государством: согласно английским законам, такие дела рассматривались светским трибуналом.

Замена льна на шерсть в одежде была эффективным фактором в борьбе с кожными болезнями, но их место заняла более страшная Черная смерть, а в 1350 году эпилептические пляски, известные как пляски святого Ги, вспыхнули с особой силой в Германии и Фландрии. Эти и другие болезни, постоянные войны, неурожаи и прочие неприятности привели к ряду классовых войн, например, к Жакерии во Франции и восстанию Уота Тайлера в Англии; дьявол и ведьма разделили между собой вину в глазах респектабельной Европы. Сильные моры приписывались личному вмешательству дьявола, а мелкие болезни, особенно отравления, выпадали на долю ведьмы - последнее обвинение было, возможно, не совсем безосновательным. Общественность - или та часть людей, чья жизнь протекала в достаточно приятных местах, чтобы они не желали утешения, которое могла бы дать им магия, - теперь была полностью посвящена в их беззакония. Против агентов такого ужаса, как средневековый дьявол, никакие меры не могли быть слишком суровыми, никакие пытки - слишком ужасными. Схоластика вместе с Церковью сожалела о растущем зле; публикация Иоанном XXII первой буллы против колдовства была завершена Парижского университета, который в 1398 году изложил правила судебного преследования ведьм, выразив в то же время сожаление, что колдовство становится более распространенным преступлением, чем в любую другую эпоху. В Англии, начиная с Завоевания, время от времени издавались комиссии, уполномочивающие епископов искать колдунов. В 1406 году такая миссия была возложена на епископа Линкольна. Однако только в 1542 году церковные суды стали применять наказания более суровые, чем штраф и тюремное заключение.

Постоянно растущий престиж колдовства со временем довел его до такой степени, что оно стало подходящим оружием для политических интриг. В качестве примера можно привести сожжение Жанны д'Арк как ведьмы: ее мучители своим выбором обвинения на долгие века приглушили ореол, окружавший ее усилия по освобождению своей страны, и в то же время предоставили широкие возможности тем, кто, одним из первых приветствуя восходящую звезду популярности, первым же и радуется ее падению с высоты. Другим делом, еще более определенно политическим, было дело Элеоноры, герцогини Глостерской, в котором обвинение в колдовстве оказалось полезным оружием в руках кардинала Бофора. Герцогиня, хотя и обвинялась в не меньшем преступлении, чем приобретение воскового изображения Генриха VI, изготовленного ведьмой Око, с гнусными намерениями, избежала смертной казни, но была приговорена к публичному покаянию, за которым последовало пожизненное изгнание.

По мере приближения Реформации общественное мнение несколько изменилось в сторону снисхождения. Инквизиция сама становилась настолько непопулярной, что ее жертвы должны были вызывать тайное сочувствие. Ренессанс, распахнув двери для всего интеллекта классических времен, уже потряс господство церкви до основания. Настало время отчаянных мер, если православие хотело удержаться на плаву. В 1484 году "Ведьмин бык" Иннокентия VIII окончательно передал ведьм под опеку инквизиторов и тем самым дал

сигнал к череде беспримерных по ужасу преследований, продолжавшихся более двух столетий, последние отголоски которых едва утихли и по сей день.

ГЛАВА X

ВЕДЬМА-БЫК И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В других частях этого тома я пытался показать, что даже в наши дни в ведьме нет ничего особенно невероятного и что то пренебрежение, в которое она попала, объясняется скорее отсутствием чувства меры в наших верованиях, чем какой-либо ее виной. Конечно, у нас нет причин гордиться своим интеллектуальным превосходством над великими прорицателями и учеными прошлых веков, посвятившими себя разбору или осуждению колдовства, - скорее мы должны сожалеть о недостатке веры и воображения. Для них не существовало возможности сомневаться, не было относительных стандартов фактов или теорий. Предпосылки были абсолютными. Духовный мир основывался на Слове Божьем, выраженном в Библии и переведенном Церковью. Утверждать абсурдность или неприемлемость того или иного догмата христианской доктрины означало предполагать парадокс - ошибочность непогрешимого. Выдающиеся юристы, как Боден, или ученые врачи, как Виерус, оба писавшие к концу шестнадцатого века, споря с большой ловкостью ума с противоположными сторонами, одинаково принимали исходную аксиому, как бы она ни стесняла и ограничивала их. У них, по сути, не было альтернативы - так же как два современных астронома, споря о местонахождении неоткрытой планеты, могли бы отрицать существование солнца. Гуманный Виерус, кстати, друг сэра Филипа Сидни, читает проповедь по тому же тексту, что и судейский Боден, хотя читает он другую проповедь. Бодин, сторонник старых традиций, обрушивается на Виеруса со страшной силой - не за скептицизм в отношении существования ведьм - для такого обвинения у него не было оснований, - а за то, что он выступал против мнения церкви, согласно которому ведьмы были жертвами, а не учениками дьявола. Перед лицом очень четкого предписания: "Не позволяй ведьме жить" - и все еще муссируется предположение, что "ведьма" в оригинале означает "отравительница" - мы также не можем обвинить тех, кто подчинился ему, в том, что они действовали из каких-либо иных побуждений, чем искренние христиане. Правда, они довели свое рвение до энтузиазма - но ведь рвение всегда считалось признаком благодати.

Как мы уже видели, самый суровый период преследования ведьм начался с того момента, когда они были определенно причислены к еретикам буллой Иннокентия VIII, изданной в 1484 году. Сама булла не была лишена прямоты: "До наших ушей дошло, - начинается она, - что великое множество представителей обоих полов не боятся злоупотреблять своими телами с дьяволами, которые служат обоим полам. И своими чарами, обаяниями и колдовством досаждают и мучают людей и зверей внутренними и внешними болями и мучениями..... Поэтому апостольским авторитетом мы наделили инквизитора властью... осуждать, заключать в тюрьму и наказывать".

Инквизитор Шпренгер не терял времени, чтобы воспользоваться делегированными ему полномочиями, и таково было его рвение и так много возможностей для приобретения знаний, что в течение двух лет после издания буллы он подарил миру свой знаменитый "Молот ведьм" для руководства и наставления тех, на кого должна лечь обязанность истребления столь мерзкой ереси. Этот "Malleus Maleficarum" содержит подробные описания всех видов ведьм с предложениями по противодействию и уничтожению их

влияния. Как и большинство его предшественников и преемников, Шпренгер возлагает вину за существование колдовства на пресловутую слабость женщин. Само слово "fœmina", заявляет он с авторитетным видом, происходит от "fe" и "minus" - потому что у женщин меньше веры, чем у мужчин. Из этой несчастной конституции пола проистекают бесчисленные беды - среди них бесчисленные разновидности ведьмы. Тринадцать из них описаны исчерпывающе, чтобы все могли их узнать. Хуже всего те, кто убивает и пожирает детей. Другие вызывают град, бури, молнии и громы, вызывают бесплодие у мужчин, женщин и зверей, заставляют лошадей брыкаться, пока они не сбросят своих всадников, или переходят с места на место по воздуху, оставаясь невидимыми. Другие могут сделать себя молчаливыми и бесчувственными под пытками, могут находить спрятанные или потерянные вещи, предсказывать будущее и изменять сознание людей до неумеренной любви или ненависти. Они могут притягивать луну, уничтожать нерожденных детей, воскрешать духов - словом, нет ни одного отдела дьявольщины, главного или второстепенного, в котором бы они не были адептами, если верить их восторженному историку, чей труд сразу же стал авторитетом - почти готовым определителем колдовства, по которому любой человек со знанием латыни имел под рукой лучший из возможных методов распознавания, осуждения и уничтожения любой разновидности или варианта, какие бы они ни были.

Приятно думать, что столь тщательная и добросовестная работа заслужила для своего автора любовь и восхищение как современников, так и потомков. Позднейшие авторы основывали свои теории и аргументы на его открытиях, как на твердой скале, а при жизни он направлял общественное мнение на борьбу со злом, которую он поставил перед собой, настолько успешно, что ни одна старуха из пятидесяти не могла быть уверена, что умрет в своей постели в течение нескольких поколений. О неподдельном ужасе, в котором находились ведьмы, говорит тот факт, что на этих процессах были приостановлены все обычные юридические нормы. Вопреки обычной процедуре, свидетелями против них могли выступать отлученные от церкви, осужденные, младенцы, нечестные слуги и беглецы. Предположения и догадки принимались в качестве доказательств, двусмысленный или сомнительный ответ рассматривался как признание, а слухи или общие сведения были достаточны для вынесения приговора. Правда, такие улучшения в судопроизводстве нельзя полностью приписать усилиям инквизитора - многие из них датируются столетиями до публикации его *magnum opus*, - но, по крайней мере, он посвятил великолепный энтузиазм поставленной перед ним цели и на смертном одре мог с уверенным смирением ожидать награды, заслуженной хорошо проведенной жизнью.

Последствия "Ведьминого быка" были незамедлительными и во всех отношениях удовлетворительными для его авторов - в результате возникло совершенное неистовство в поисках ведьм. Сорок одна женщина была сожжена за один год - начиная с 1485 года - инквизитором Куманусом. Его коллега, не уступая, казнил сотню в Пьемонте и был совершенно готов продолжать это благое дело, если бы общественный энтузиазм не ослабел ввиду неизбежного однообразия этой формы развлечений. Немного позже буря опустошила окрестности Констанца. Жители, понимая, что перед лицом недавней буллы кощунственно приписывать такой шторм естественным причинам, схватили двух старух, добились признания обычным способом и сожгли их. Около 1515 года в Женеве казнили около пятисот человек как "протестантских ведьм" - пример союза между ересью и колдовством. В Лотарингии ученый и энтузиаст инквизитор Ремигиус за 15 лет предал смерти девятьсот человек. Хатчинсон, правда, писавший в 1718 году, называет цифру в восемнадцать сотен, но даже меньшая - и более правильная - цифра показывает, что Ремигиус благородно выполнил свой долг. Италия, естественно, была полна решимости не уступать иностранным холокостам, и, соответственно, мы узнаем, что в 1524 году в Комо было

совершено более тысячи казней, а в среднем в течение нескольких лет их число превышало сто.

Простое перечисление цифр, подобных этим, обычно удручает, особенно когда, как в данном случае, современному читателю почти невозможно осознать их реальный смысл, например, что каждый день в течение целого года три несчастные женщины, старые, бедные и беззащитные, должны подвергаться бесчеловечным пыткам, а затем публично убиваться самым мучительным способом, какой только можно себе представить, в одном районе, не только без единого слова протеста, но и с одобрением всей Европы. То, что это действительно имело место, свидетельствует о том, насколько серьезно наши предки относились к своей религии, если не о чем другом.

Не следует также думать, что протестанты относились к этой части своих религиозных обязанностей с меньшим вниманием, чем их соседи-католики. Они могли расходиться во мнениях по всем остальным пунктам, по крайней мере, в этом не было места для разногласий. Мартин Лютер со свойственной ему решительностью предельно ясно выражает свое отношение: "Я не испытываю сострадания к этим ведьмам. Я бы сжег их всех". Возможно, одной из причин такого бескомпромиссного отношения было его презрение к ловушкам сатаны, в которых он имел немалый опыт. Он настолько привык к нападкам дьявола, что однажды, как рассказывают, был разбужен глубокой ночью тревожным стуком, "он понял, что это был всего лишь дьявол, и снова заснул". Кальвин, опять же, говорит о Псалме v., 6: "Если бы не было колдовских чар, то это было бы просто детской и нелепой вещью, о которой здесь написано". Правда, протестанты и католики рассматривали вопрос о колдовстве с диаметрально противоположных позиций. В то время как Римская церковь считала еретиков разновидностью ведьм, реформаторы были склонны рассматривать католические обряды и формы как одно из самых яростных черных искусств. Несколько позже, во время гонений в Новой Англии, одной девушке было объявлено, что дьявол позволил ей читать "попские книги", такие как "Кембриджские и Оксфордские трактаты", в то время как хорошие протестантские произведения, такие как "Катехизис Библейских собраний" или "Молоко для младенцев" Колтона, отправили ее, находящуюся во власти дьявола, в жестокие конвульсии!

Каким бы стойким ни был энтузиазм судей, со временем простолюдины пресытились зрелищем того, как их собственных тетушек и бабушек, а также их друзей сжигают в пепел во славу Божью. Суды над ведьмами и сожжения ведьм, при всей их драматичности, не отличались разнообразием и были не только дорогими, но и зрелищными. В то время как энергию инквизиторов стимулировала конфискация - в их пользу - мирских благ ведьмы, общине приходилось лишаться их, таких, какими они были, а также страдать от полной дезорганизации повседневной деловой рутины. Были даже те - в это трудно поверить, - кто настолько рисковал своим шансом на рай, что испытывал тошноту от продолжения бесполезного кровопролития и скепсис по поводу единомыслия его сторонников. Таким человеком был гуманный и ученый доктор Виерус, который в 1563 году опубликовал в Базеле свой знаменитый том "De Præstigiis". В то время эта защита ведьмы как жертвы, а не союзницы сатаны, лишь раздула пламя преследований, вызвав ожесточенные споры, хотя впоследствии в немалой степени угасила его. Хотя Виерус, само собой разумеется, твердо верил в реальность черного искусства, он клеймил его как прямую, а не косвенную работу дьявола. Как беспомощные жертвы, *fore*, его агенты не должны быть наказаны за преступления, в которых виновата только их человеческая слабость. Одним словом, он принял по отношению к ведьме современное отношение к опасному сумасшедшему - ее

следует скорее сдерживать, чем наказывать. Он даже проявляет некоторое презрение к ее силе, понимая, в свете собственных медицинских знаний, что многие так называемые случаи околдовывания или одержимости демоном являются результатом чисто естественных причин. Как и его современники, Виерус приходит к выводу, что дьявол выбирает для исполнения своей воли женщин, а не мужчин, поскольку на них легче воздействовать. От природы злобные и нетерпеливые, они не способны контролировать свои привязанности и слишком доверчивы - качества, которыми пользуется сатана. Особенно он ценит глупых, слабых старух, чья шаткость ума делает их еще более уверенными в его власти. Виерус расходится со своими современниками в том, что именно эта слабость должна вызывать сострадание - их следует жалеть, а не относиться к ним как к упрямым еретикам, и что в случае наказания с ними следует обращаться менее сурово, чем с мужчинами, из-за этой немощи их пола.

Не довольствуясь тем, что возбудил сомнения в духовной природе колдовства, Виерус имеет смелость поставить под сомнение мотивы некоторых судей. Он приводит пример выгодной стороны колдовства, случившийся в Вюртембурге. Шкуры животных, погибших по несчастливой случайности, стали собственностью палача. Этот чиновник, очевидно, обладал духом, намного опережающим свой век, потому что одновременно с подъемом местной мании ведьм среди овец, свиней и волов в окрестностях разразилась смертельная эпидемия, которую, конечно же, приписали колдовству. Палач разбогател, и ему не хватило мудрости скрыть это. Вызвав завистливые подозрения соседей, он был подвергнут пыткам, признался, что отравил животных, и был приговорен к растерзанию клещами.

Виерус изучал естественную историю ведьмы не менее тщательно, чем его предшественник, инквизитор Шпренгер. И действительно, судя по некоторым обвинениям, выдвинутым против них на современных процессах, мы можем согласиться с ним, что они больше подходили для внимания врача, чем судьи. Так, среди самых распространенных их преступлений - что часто подтверждалось их собственными признаниями, - были поношение распятия и отрицание спасения, побег, несмотря на засовы и решетки, для участия в дьявольском шабаше и хоровые танцы вокруг ведьминого дерева для встреч. Ремигий рассказывает, что многие признавались в том, что превращались в кошек, били прутьями по проточной воде, чтобы вызвать плохую погоду, особенно град шторм, и в других делах, привычных для ведьм всех веков. Виерус, которого считали учеником князя колдунов Корнелия Агриппы, естественно, был столь же сведущ во всем, что касалось дьявола и его царства, как и его земных рабов. Ни один из современных возрожденцев не смог бы превзойти ни глубину его знаний, ни тщательность, с которой он их излагал. Он даже, кажется, провел перепись более официального населения подземного мира, перечислив семьдесят два князя зла, которые управляют семью миллионами четырьмястами пятью тысячами девятьюстами двадцатью шестью дьяволами низшего ранга.

Через пятнадцать лет после публикации "De Præstigiis" появился контрблест Жана Бодена. Выдающийся юрист обладал достаточной квалификацией, чтобы говорить об этом, поскольку сам занимался преследованиями и, таким образом, получил непосредственный опыт знакомства с путями и обычаями ведьм. Для него теории Виеруса выглядели как теории либо очень невежественного, либо очень злого человека. Предположение о том, что ведьм и колдунов следует жалеть, а не наказывать, казалось ему ударом по самой основе общества, человеческого и божественного, и он счел своим долгом опровергнуть Виеруса и все его труды, "не по ненависти, а прежде всего ради чести Божьей". Он также подробно описывает различные виды ведьм, но, в отличие от Виеруса, благоразумно воздерживается от изложения на сайте заклинаний и обращений к дьяволу, с которыми он знаком, чтобы они не

попали в руки злонамеренных людей и не были использованы не по назначению. Для таких преступлений, как те, что обычно совершают ведьмы, он не может найти достаточно сурового наказания, а в ответ на просьбу Виеруса сделать поправку на слабость женщин он с одобрением цитирует закон, согласно которому "наказание за колдовство не должно быть уменьшено для женщин, как это бывает во всех других преступлениях".

Англия ничем не отличалась от других стран Европы в своем подходе к этому вопросу, хотя ее преследования были менее масштабными. Закон 1541 года, согласно которому различные виды колдовства, такие как уничтожение имущества или личности соседа, изготовление изображений или рисунков мужчин, женщин, детей, ангелов, дьяволов, зверей и птиц для магических целей, объявлялись преступными без помощи духовенства, был отменен в правление Эдуарда VI. Другой закон, различающий различные виды колдовства, был принят в 1562 году. Согласно ему, колдовство, вызов злых духов, колдовство, чары, привороты и колдовство, приводящее к смерти, объявлялись преступлением без помощи духовенства и карались смертью. Если же причинялся только телесный вред, то за первое преступление полагался год тюремного заключения и выдержка в столбе, а за второе - смерть. Несмотря на такие законы, высшие чины страны были не прочь лично пообщаться с последователями черного искусства. Сама королева Елизавета настолько воспользовалась своей королевской прерогативой, что, если верить слухам, была в прекрасных отношениях с доктором Джоном Ди, выдающимся предсказателем кристаллов, чей "черный камень" сейчас хранится в Британском музее. В Шотландии основной закон был принят в 1563 году. В соответствии с ним колдовство, чародейство и некромантия, притворство в обладании магическими знаниями и обращение за помощью к ведьмам были объявлены смертными преступлениями.

Многое говорит о здравом смысле английской нации, что в такой период она должна была породить столь просвещенного писателя по этому вопросу, каким был Реджинальд Скот. В противовес своему современнику Холланду, который в 1590 году утверждал, что раз ведьмы были в Библии, то "неужели теперь сатана будет менее жесток?", Скот в "Открытии колдовства" высмеивает "басни Шпренгера и басни Бодена", что, должно быть, доставляло ему бесконечное удовольствие. "Я не отрицаю, - утверждает он, - что существуют ведьмы или образы, но я ненавижу идолопоклоннические мнения, созданные о них". И снова: "Я совершенно уверен, что если бы все старухи в мире были ведьмами, а все священники - колдунами, мы не получили бы ни капли дождя больше или меньше для них".

Предположение о священниках как о фокусниках, конечно же, является выпадом против "папистской практики", а другое описание ведьм как "папистов" выдает его религиозную позицию. Надо сказать, что англиканская церковь была склонна к терпимости - жестокие преследования ведьм на этих островах, о которых я рассказывал в другом месте, были вызваны главным образом пуританским духом, который с большим удовлетворением останавливался на грехах, чем на добродетелях человечества. Ибо как было сказано, что единственный противник на поле боя, более грозный, чем ругающийся ирландец, - это молящийся шотландец, так и пуританин был более смертоносным гонителем ведьм, чем самый ревностный инквизитор. И это с полным основанием, если вспомнить, что католик предлагал шанс попасть на небеса любому, кто не был упрямым еретиком; в то время как пуританин был примерно того же мнения, что и старая шотландка, которая, отделившись вместе с братом от местного кирка и будучи спрошена священником, серьезно ли она верит, что никто, кроме ее брата и ее самой, не будет спасен, ответила, что у нее есть серьезные сомнения насчет брата.

Яков I, хотя при вступлении на английский престол он нашел епископат вполне подходящим для своих теорий царствования, все же сохранил в своем сердце пуританское чувство

греховности других людей. Не в меньшей степени этому, чем стремлению к литературным лаврам, следует приписать его кропотливую - не сказать педантичную - "Dæmonologia", опубликованную в 1597 году, которую верный Хатчинсон оправдывает в своем "Историческом очерке о колдовстве", ссылаясь на молодость и неопытность. Джеймс, разумеется, не видел необходимости в извинениях за то благо, которое он приносил человечеству в целом и своим подданным в частности. В своей любви к полицейско-судебным подробностям он, если судить по вкусам их нынешних потомков, проявил полное единство со своими подданными. Кроме того, он имел полное право считать себя авторитетом в своем деле, как человек, который сам пострадал от магических махинаций. Король-протестант, ищущий невесту-протестантку, он испытал все ужасы и неудобства заманчивого перехода из Дании, вызванного через его земных агентов Сатаной, исполненным гнева и ужаса перед союзом двух столь могущественных врагов его королевства. Как он и ожидал, его планы были сведены к нулю, а его слуги, Агнес Симпсон и доктор Фиан, понесли соответствующее наказание, причем последний был подвергнут, возможно, самой изнурительной пытке из всех известных. Король Джеймс проявлял столь пристальный интерес к мельчайшим деталям черного искусства, что если бы он работал в менее возвышенной сфере, то вполне мог бы и сам попасть под подозрение. Так, однажды он послал за Греллис Дункан, исполнительницей на иудейской арфе, и заставил ее сыграть перед ним ту самую мелодию, под которую Сатана и его спутники устроили драку на субботнике в церковном дворе в Северном Бервике. Правда, в противовес этому многие ведьмы, казненные в его царствование, цитировали inferнальные высказывания о том, что король был "*_un homme de Dieu_*" и величайшим врагом Сатаны - форма почтения, которая так распаляла королевский пыл, что немногие присяжные решались, опасаясь его недовольства, оправдать кого-либо из своих несчастных жертв.

В "Dæmonologia" Джеймс демонстрирует все признаки острого наслаждения. Он пишет в манере самых выдающихся и утомительных божеств, с королевской расточительностью разделяя свой материал на первые, вторые и третьи части - разделы и подразделы, заголовки и подзаголовки. Он страшно и чудесно богословствует и время от времени предается прикосновениям слоновьей легкости, которые могли бы дать передышку самому упрямому колдуну. Его предисловие, весьма характерное для всей книги, начинается так:- "Страшное изобилие в это время в этой стране этих отвратительных рабов Дивила, ведьм или энхансеров, подвигло меня (возлюбленный читатель) отправить по почте этот мой следующий трактат, ни в коем случае (как я утверждаю) не для того, чтобы служить для демонстрации моей образованности и умения, но только (движимый совестью) для того, чтобы таким образом, насколько я могу, разрешить сомневающееся сердце человека; И что такие нападения на Сатана, несомненно, практикуются, и что орудия их заслуживают самого сурового наказания.... И чтобы сделать этот трактат более приятным и удобным, я облек его в форму диалога" - незаслуженная уступка общественному вкусу со стороны того, кто так твердо верил в божественное право королей.

Как и большинство догматиков, Джеймс утверждает, что подавляющее большинство ведьм - женщины. Женщина - более хрупкий сосуд, и поэтому, подобно Еве, ее легче заманить в ловушку дьявола, чем представителей своего пола. Он перечисляет многие из их общеизвестных злодеяний и рассказывает, как сатана учит их "делать изображения из воска или глины", которые, будучи обожженными, полностью уничтожают изображенного на них человека. Некоторым он дает порошки, излечивающие определенные болезни, другим - яды, и так далее, и тому подобное. За занятия подобными адскими искусствами английский Солон объявляет, что ведьмы и колдуны должны быть преданы смерти без различия пола, возраста и звания.

Такое благородное покровительство их усилиям послужило на пользу постоянно увеличивающемуся племени профессиональных охотников за ведьмами, и закон 1563 года соблюдался строже, чем когда-либо. Судебные процессы иногда проходили в обычных судах, чаще - в специальных трибуналах, созданных, как правило, по ходатайству пресвитерии или Великого собрания. Для большего удобства и защиты общественности во многих церквях были установлены ящики для приема анонимных обвинений, что давало великолепную возможность клеветникам и злопыхателям. К 1661 году дела дошли до такого уровня, что парламент распорядился, чтобы судьи дважды в неделю посещали Далкейт и Масселбург, два печально известных центра магического искусства, для рассмотрения дел обвиняемых. В этих процессах любые доказательства были уместны, особенно если их выдвигали профессиональные охотники за ведьмами или щипачи-колдуны, а обычные методы пыток усугублялись, когда требовались признания, учитывая склонность дьявола защищать своих.

В конце шестнадцатого века началась серия гонений, более жестоких и всеобщих, чем все предшествующие, которые окончательно угасли перед восходящим солнцем здравого смысла лишь во времена почти наших дедов, и которые в Новом Свете были доведены до почти больших крайностей, чем в Старом.

ГЛАВА XI

ПОЗДНИЕ ГОНЕНИЯ В АНГЛИИ

Закон - особенно в этой стране - наполовину наводит ужас своей помпезностью и обставленностью. Английский заключенный, приговоренный к смерти судьей без парика, вполне может считать себя убитым, и мало найдется англичан, которые не присутствовали на американском суде, но не испытывали скандала из-за отсутствия церемониальных приличий, даже если принимали его решения как справедливые. В самом деле, вряд ли стоит считать, что твердая вера в продажность американского судьи и односторонность американского правосудия, которую каждый англичанин лелеет как свое право по рождению, изначально была основана на его отвращении к этому отсутствию надлежащего церемониала.

Если это судейское достоинство необходимо даже для суда над простым смертным, то тем более оно должно быть необходимо, когда за решеткой находится сам сатана и его человеческие агенты. Соответственно, мы видим, что инквизитор или судья всегда очень пунктуален в соблюдении всех необходимых форм и церемоний во время суда над ведьмами. Ни одна деталь не имела особого значения, ни одно обстоятельство не было слишком незначительным для августейшего рассмотрения, тем более что по самой своей природе суд над ведьмами не мог в точности следовать обычной процедуре. Сила Сатаны - во всяком случае, в семнадцатом веке - была не под силу даже подготовленному юридическому интеллекту, и требовались особые меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность судьи и осуждение ведьмы. Эти меры предосторожности были настолько исчерпывающими, что мы не можем найти никаких следов того, что какой-либо судья в Англии или где-либо еще когда-либо пострадал от нападок дьявола, находясь в суде, и лишь очень немногим ведьмам, попавшим под суд, удалось избежать осуждения - обвинение было равносильно приговору.

Зафиксирован целый ряд мер предосторожности, которые должен был принять судья, когда ведьму приводили в суд. Он ни в коем случае не должен позволять ей прикасаться к себе, особенно, как пишет Реджинальд Скот, "на голое тело". Он должен носить на шее "наколдованную соль, пальмы, травы и полусгнивший воск". Заключенный должен подойти к судье задом наперед - так же, как она подходит к трону Сатаны в субботу, - и при этом он должен часто совершать крестное знамение. Как мы уже видели, против ведьмы могли быть даны любые показания, даже тех, кому запрещалось давать показания в обычных делах. Это, конечно, предоставляло прекрасную возможность для честного слуги, которому, украв имущество хозяйки и умыкнув его, достаточно было обвинить ее в колдовстве, чтобы избежать неприятных последствий для себя. Однако это было единственное средство, с помощью которого закон мог избежать серьезной дилеммы - ведь никто из честных людей не может обнаружить ведьму. И опять же, она должна быть лишена всякого шанса доказать свою невиновность - иначе дьявол непременно воспользуется этим в ее интересах, а после ареста ей ни в коем случае нельзя позволять покидать тюрьму или возвращаться домой. Народные подозрения, предположения и догадки достаточны для вынесения обвинительного приговора, ведь в таком случае *Vox populi* - это, несомненно, *Vox Dei*. Признание, однако, должно быть выбито любой ценой. Как сказал великий инквизитор Шпренгер, чьи авторитетные высказывания я уже свободно цитировал: "Если она ни в чем не признается, то должна быть уволена по закону; поэтому необходимо принять все меры, чтобы добиться признания".

Однако прежде чем сжечь ведьму, необходимо было ее поймать. Здесь - и особенно в Англии - в дополнение к государственным усилиям на помощь пришло частное предпринимательство. Поиск ведьм предлагал респектабельную и прибыльную карьеру для тех, кто обладал необходимым воображением, и обеспечивал надежное прикрытие для тех, кто потерпел неудачу в других сферах жизни. Предприимчивость, воображение, способность легко излагать свои мысли, инстинкт сенсационности и так далее - все это, несомненно, было необходимо для готового охотника за ведьмами. До нас дошли имена многих из них, но ни один не заслужил более пророческого титула Наполеона по поиску ведьм, чем Мэтью Хопкинс, который один своими выдающимися заслугами перед обществом получил "рукоятку к своему имени" - "Генерал по поиску ведьм". Хопкинс, процветавший в середине семнадцатого века, с точностью до мелочей оценил вкус публики к выслеживанию ведьм и возвел свое ремесло в ранг точной науки. Однако любопытно, что в эту профессию он попал лишь случайно, из-за эпидемии колдовства в его родном городе Мэннингтри. Общественный дух заставил его принять активное участие в раскрытии и наказании преступников, стало очевидно, в каком направлении лучше всего применить его таланты, и то, что было хобби, стало делом всей его жизни. Его должность была узаконена, и он принял манеру судьи, регулярно объезжая четыре графства, которые он взял под свою защиту, или предоставляя свои услуги любым городам, обращающимся за ними, за чрезвычайно скромную плату в двадцать шиллингов и расходы. Более сотни ведьм были привлечены к ответственности благодаря его кропотливым усилиям, но, пожалуй, самый большой триумф был достигнут в деле преподобного мистера Льюиса, "читающего" пастора из Фрамлингема. Мистер Льюис был прихожанином, и пуританское правительство, а также мистер Хопкинс, который сам был пуританином самого ортодоксального толка, считали его злодеем. Мистера Льюиса, которому было восемьдесят пять лет, пытали по рецепту мистера Хопкинса, и так довели до признания, что он заключил договор с Сатаной, держал двух импов и потопил несколько кораблей с помощью своих магических искусств. Он был должным образом повешен, хотя приятно осознавать, что после смерти он отказался от признания, которое вырвала у него человеческая слабость, и умер с достоинством, подобающим его возрасту и одежде.

Как и следовало ожидать в этом несовершенном мире, справедливая строгость мистера Хопкинса и его пренебрежение к болезненной сентиментальности нажили ему немало врагов, некоторые из которых, несомненно, завидовали его профессиональному успеху. Хотя его поддерживали понимающие симпатии высшего класса, среди которых был не менее известный человек, чем сэр Мэтью Хейл, лорд Верховный судья Англии, он постоянно подвергался нападкам, как публичным, так и частным, со стороны людей, которым следовало бы знать лучше. Одним из самых яростных из них был некий мистер Гоул, священник из Грейт-Стоутона в Хантингдоне, который не только писал и проповедовал против Хопкинса и его методов, но и отказал ему в разрешении провести охоту на ведьм в Стоутоне. Уязвленный до глубины души такой неблагодарностью, мистер Хопкинс изложил свою версию спора в письме, которое сам мистер Гоул последовательно передал миру. Оно достаточно характерно и заслуживает повторного цитирования:

"Представляю вашему почтению мои услуги. Сегодня я получил письмо с просьбой не приезжать в тун, называемый Грейт Стоутон, для поиска лиц со злыми наклонностями, называемых ведьмами (хотя, как я слышал, ваш министр настроен против нас далеко не по невежеству). Я намерен приехать тем скорее, чтобы услышать его необычное суждение в отношении таких сторон; я знал одного министра в Саффолке, который проповедовал столько же против этого открытия на кафедре, и был вынужден отказаться от него Комитетом в том же месте. Я очень удивляюсь, что среди таких злобных членов не найдется никого, тем более никого из духовенства, кто бы ежедневно проповедовал ужас, чтобы убедить таких преступников, встать на их сторону, против тех, кто жалуется на короля и страдает сам, со своими семьями и имуществом. Я намерен неожиданно нанести визит вашему Туну. Я должен приехать в Кимболтон на этой неделе, и будет десять дней до одного, но сначала я приеду в ваш Тун, но я хотел бы знать заранее, много ли в вашем Туне приверженцев для такого Каттелла, или они готовы оказать такой же хороший прием и развлечение, как и в других местах, где я бывал, иначе я отмахнусь от вашего Шира (сам я еще не начинал ни в одной его части) и отправлюсь в такие места, где я делаю, и могу, упорствовать без противоречий, но с благодарностью и вознаграждением. Итак, я смиренно удаляюсь и отдыхаю. Ваш слуга, Мэтью Хопкинс".

Мистер Гоул, как бы плохо он ни поступил, не оказался презренным антагонистом. Он обратил батареи насмешек против достойного искателя ведьм и его методов, которые он описывает следующим образом: "Взяв подозреваемую ведьму, ее сажают посреди комнаты на табурет или стол, скрестив ноги или в какой-нибудь другой неудобной позе, к которой, если она не подчиняется, ее привязывают веревками; там за ней наблюдают и держат без еды и сна в течение четырех и двадцати часов (ибо говорят, что за это время они увидят, как ее Бес придет и высосет). В двери также проделывают небольшое отверстие, чтобы Бес мог входить, если он не придет в какой-нибудь менее заметной форме. Тех, кто следит за ней, учат постоянно прочесывать комнату, и если они увидят пауков или мух, убивать их, а если они не смогут их убить, то могут быть уверены, что это ее импы".

Но как бы ни были искренни в своих заблуждениях мистер Гоул и те, кто его поддерживал, они еще долго не могли найти сторонников в своем крестовом походе против того, кто так поразил воображение публики. Методы пыток Хопкинса могли быть суровыми, но они давали результаты, как, например, следующие: - Одна кающаяся женщина призналась, что ее мать лежала больная, и она, глядя на нее, что-то вроде крота забежало в кровать, чтобы ее, и, испугавшись, мать велела ей не бояться этого, но дала ей это, сказав: "Держи это в горшке у огня, и ты никогда не будешь нуждаться". И так далее, и так далее.

Однако в конце концов, как это часто бывает, зависть взяла верх над скромными заслугами, и Хопкинсу пришлось понести наказание, которое обычно ожидает народного кумира. То ли его суровость превзошла благоразумие, то ли он слишком открыто продемонстрировал свою убежденность в том, что главная цель профессии - обеспечить хороший доход, а может быть, его изобретательские способности не поспевали за желаниями публики. Как бы то ни было, его падение, когда оно наступило, было тяжелым. Говорят даже, что Хопкинс был сам обвинен в колдовстве, что его судили по одному из его собственных методов - "плаванию", и что, как и многие старухи, которых он судил, он "поплыл", был признан виновным и казнен. Можно согласиться, что, подобно истории о Фаларисе, уничтоженном в раскаленном бронзовом быке его собственного изобретения, или о докторе Гильотене, первым пострадавшем на изобретенной им гильотине, в этой концовке Хопкинса слишком много поэтической справедливости, чтобы быть полностью достоверной. Но во всем, что связано с колдовством, вера - это вопрос мнения, поэтому мы можем его оставить.

То, что Мэтью Хопкинс инициировал новые методы поиска ведьм, ни в коем случае не означает, что их не было до его времени. Там, где простыми пытками не удавалось добиться необходимого признания, в ход шли другие методы, более тонкие и изысканные. Ни одна ведьма не могла произнести молитву "Отче наш" - достаточно вероятная случайность при большом нервном напряжении даже для доброго христианина. Так, Фэрфакс рассказывает, как жена Торпа, обвиненная в околдовывании его детей, будучи подвергнута этому испытанию, не смогла произнести "Прости нам наши прегрешения" и тем самым убедила судей в своей виновности. Еще один метод, который часто практиковал Хопкинс, - поиск дьявольских знаков. Эти метки, как мы уже говорили, были телесными доказательствами договора с Сатаной, которые каждая ведьма носила на какой-либо части своего тела, а также местами, куда приходили бесы, чтобы сосать ее кровь. Лишь немногие ведьмы, то есть подозреваемые, могли удовлетворительно пройти это испытание - факт тем более удивительный, что любое пятно, родимое пятно или даже укус насекомого принимались специальным юридическим предписанием как достаточное доказательство. Считалось, что ведьмин знак нечувствителен к боли, откуда и возникла популярная и прибыльная профессия "колдовства". Завязав ведьме глаза, колдун укалывал ее в предполагаемых местах трехдюймовой булавкой, после чего просил ее указать ему места, где она чувствует боль. Если подозреваемая, полубезумная от стыда и ужаса, не могла сделать это с достаточной точностью, место объявлялось нечувствительным, после чего ее осуждали. Перед укалыванием, когда с ведьмы снимали одежду, ее брили, чтобы она не спрятала в волосах какой-нибудь амулет против признания под пытками. Одновременно с этим принимались меры, чтобы дьявол, высосав кровь из ее мизинца или левой ноги, не сделал так, чтобы она не смогла признаться. Кроме того, поскольку ведьма, как известно, не способна проливать слезы, еще одной проверкой ее вины было призвать ее плакать по приказу - совсем как мисс Хавершем в "Больших ожиданиях" приказала маленькому Пипу: "А теперь играй!".

Самым популярным испытанием из всех, поскольку оно проводилось на открытом воздухе и, таким образом, обеспечивало всеобщий праздник, было утка-ведьма или "купание". Оно было так близко к сердцу британской публики, что его празднование неофициально продолжалось вплоть до XIX века. В Монмуте в 1829 году несколько человек были привлечены к суду за то, что укусили предполагаемую ведьму; а в 1857 году викарий Ист-Торпа в Эссексе - возможно, самого известного оплота ведьм в Англии - был вынужден лично караулить у дверей подозреваемой ведьмы, чтобы предотвратить ее от подобной участи. Процедура была самой простой. Большие пальцы рук и ног подозреваемой связывали поперек, и так ее тащили в простыне к пруду или ручью. Если она всплывала, ее объявляли ведьмой, если тонула, то, скорее всего, топили. Даже если по счастливой случайности она

избегала обеих этих опасностей, нервное потрясение, не говоря уже о том, что это была, вероятно, первая холодная ванна в ее жизни, и влияние преклонного возраста давали ей мало шансов на окончательный триумф над своими обвинителями. Другим известным и популярным испытанием было взвешивание подозреваемой ведьмы на церковной Библии. Если власти предоставляли Библию более чем обычного веса, которая перевешивала ее кожу и кости, горе ей! Ведь ее вина была доказана без лишних сомнений.

Однако такие виды посторонних доказательств ценились меньше, чем получение определенного признания, которое имело двойное преимущество - как полное оправдание судей, так и осуждение обвиняемого. Реджинальд Скот приводит яркий пример того, как его можно получить. "Семь слов Креста, - говорит он, - должны быть повешены на шею ведьмы, а восковое изображение Христа должно быть повязано на ее голое тело вместе с мощами святых". Если пытки и другие средства убеждения не могут добиться признания, тюремщик должен сделать вид, что покидает ее, а некоторые из ее друзей должны посетить ее, обещая, что если она признается, то они помогут ей бежать из тюрьмы". Пятница, по словам того же автора, была самым благоприятным днем для этой цели. Что касается собственно пыток, то сначала заключенную должны раздеть, чтобы в ее одежду не были вшиты колдовские средства, причем орудия пыток располагаются таким образом, чтобы она могла видеть их беспрепятственно. Затем судья увещевает ее, что если она будет упрямиться, то он велит слугам приковать ее к straponу или другому выбранному инструменту. После пыток ее отводят в сторону и снова побуждают исповедаться, обещая таким образом избежать смертной казни. Так как церковь удобно освобождала верующих от необходимости хранить веру с еретиками или колдунами, это обещание никогда не выполнялось. Короче говоря, обвиняемому отказывали во всех возможных путях к спасению. Даже алиби, каким бы полным оно ни было, оказывалось бесполезным, поскольку в ее отсутствие ее место всегда занимал демон.

Как бы мы ни сочувствовали жертвам подобных судебных процессов, было бы несправедливо винить общественность за ее отношение к ним, когда такие люди, как Блэкстон или сэр Мэтью Хейл, были убеждены в их разумности. Блэкстоун, один из величайших английских юристов, зашел так далеко, что заявил: "Отрицать возможность, а может быть, и фактическое существование колдовства - значит сразу же категорически противоречить богооткровенному Слову". О позиции сэра Мэтью Хейла, лорда Верховного судьи, просвещенного и богобоязненного человека, лучше всего можно судить по рассказу об одном из судебных процессов, в котором он принимал участие. В 1664 году в Сент-Эдмундсбери перед ним предстали две женщины, Эми Дьюни и Роуз Каллендер, по обычным обвинениям. Первой свидетельницей была Дороти Дюрент, чей ребенок находился под присмотром Роуз Каллендер. Дороти некоторое время подозревала Роуз в околдовывании своего ребенка - факт, который ставит под сомнение материнскую заботу свидетельницы, доверившей своего отпрыска такой няне. В конце концов свидетельница обратилась к врачу-колдуну, что, если бы она знала об этом, повлекло бы за собой осуждение ее, как и Роуз, по закону Якова I.^[1] Врач посоветовал ей повесить одеяло ребенка в дымоход, что она и сделала. Сняв его через некоторое время, она с ужасом обнаружила в нем жабу. Эту жабу она "положила в огонь и держала ее там, хотя она издала большой и ужасный шум, вспыхнула, как порох, и выстрелила, как пистолет, а затем стала невидимой, и от этого заключенный был опален и сгорел ужасно". Другие остроумцы, мистер Пэйси и Эдмунд Дюрент, заявили, что Роуз Каллендер и Эми Дьюни пришли к ним купить селедки и, получив отказ, ушли, ворча. Далее выяснилось, что Эми Дьюни сказала жене Корнелиуса Сэндвелла, что если она не принесет своих гусей домой, то они будут уничтожены. Она также сказала Корнелиусу, что если он не позаботится о шатком дымоходе в своем доме, то он

упадет. Джон Соан рассказал, что у него было три телеги, на которых он возил кукурузу. Одна из них "зацепила дом Эми Дуни, за что она его отругала. В тот же день его телега перевернулась два или три раза, и у его детей начались припадки". Вероятно, таких уничтожающих свидетельств хватило бы и самих по себе. Но его добились показания сэра Томаса Брауна, который с опасной умеренностью заявил, что "припадки были естественными, но усиливались дьяволом, сотрудничавшим со злобой ведьм, по чьей инициативе он творил злодеяния". Для лорда Верховного судьи это было слишком. Он "был в таком страхе и действовал с такой осторожностью, что не стал даже подводить итог доказательствам, а предоставил это присяжным, молясь, чтобы великий Бог Небесный направил их сердца в этом важном деле". Нет нужды говорить, что присяжные вынесли вердикт "Виновен". Эми Дьюни и Роуз Каллендер были повешены в Кембридже, упорно отказываясь признаться, и не успели они умереть, как страдающие дети излечились от своих припадков и вернулись к крепкому здоровью. Это не оставило никаких сомнений в справедливости приговора у сэра Мэтью Хейла, главного барона суда казначейства, даже если бы у него и были какие-либо сомнения до этого.

Было бы утомительно и невыгодно описывать всю долгую историю преследований ведьм в XVI и XVII веках. Их подробности неизменно вызывают тошноту и отличаются лишь в малейшей степени; выслушав одну, пересказ остальных может представлять интерес только для моралиста. Однако некоторые из наиболее известных примеров можно вкратце рассмотреть как типичные для остальных. Я уже упоминал о деле ведьм из Кнаресборо, обвиненных в околдовывании детей ученого Эдварда Фэрфакса, - дело тем более примечательное, что шесть обвиняемых женщин, хотя и предстали перед двумя последовательными присяжными, были в конце концов оправданы. Одинокое болото и мрачные пустоши северных графств, естественно, рассматривались с подозрением как очень подходящие места для агентов Сатаны, и, соответственно, большинство ранних преследований касалось именно этой части графства. За десять лет до суда в Кнаресборо - в 1612 году - двадцать ведьм были преданы суду "на суде присяжных и общем приговоре, состоявшемся в Ланкастере перед сэром Эдвардом Бромли и сэром Джеймсом Элтхэмом". Они были родом из Пендлского леса, дикого района на востоке графства, и самой выдающейся среди них была Элизабет Саузернс, более известная как Мать Демдайк, которая, по ее собственному признанию, была практикующей ведьмой почти полвека, будучи сбита с пути неким Тиббом, духом или дьяволом в виде мальчика в коричнево-черном плаще, которого она встретила на шоссе. Она и ее товарищи по заключению были обвинены в убийствах, заговорах и других проклятых действиях на основании доказательств, полностью подтвержденных их собственными признаниями. Тем не менее, из двадцати человек только двенадцать были повешены, причем одна, сама матушка Демдайк, избежала виселицы, умерев в тюрьме, а остальные семь были оправданы - до поры до времени. То, что столь значительная часть из них избежала наказания, говорит о способностях обвинения, ведь пример был крайне необходим. "В этой отдаленной стране, - пишет Скот, - было полно папистов-отступников, странствующих священников и так далее, и некоторые из их заклинаний, в которых упоминаются святые имена и вещи, составляют странный контраст с целью, для которой они были применены, чтобы обеспечить хорошее пивоварение эля или что-то подобное". Одно из таких заклинаний, процитированное на суде, было использовано Энн Уиттл, _псевдоним_ Чаттокс, одной из двадцати, чтобы снять проклятие, наложенное ранее на пивоварню жены Джона Мура, и выглядело следующим образом:-

Три битера ты укусил,
Хозяин, дурной глаз, дурной язык;
Три горьких будут твоим бутом,

Отец, Сын и Святой Дух,
Божье имя.
Пять заклятий, пять птиц,
И вертеп,
Для поклонения пяти ранам
Нашего Господа.

Из этого следует, что независимо от того, была ли Анна Уиттл ведьмой или нет, она определенно была паписткой, поэтому мы не должны испытывать особого удивления по поводу того, что она была в числе двенадцати казненных.

Второе великое гонение в Ланкашире в 1633 году почти полностью основывалось на показаниях одиннадцатилетнего мальчика. Его звали Эдмунд Робинсон, и он жил со своим отцом, очень бедным человеком, в Пендлском лесу, где, несомненно, слышал множество легенд о несокрушимой матушке Демдаик и ее коллегах. В День всех святых, собирая в поле "буллоу", он увидел двух борзых, одну черную, другую коричневую, на каждой из которых был ошейник, сверкающий как золото. Они ластились к нему, после чего, "не видя никого, он взял их, думая идти с ними в ногу". Вскоре перед ним поднялся заяц. Тогда он закричал: "Лоо, лоо, лоо", но собаки не убегали. Тогда он, очень рассердившись, взял их, привязал веревками, которые были у них на ошейниках, к маленькому кустику у соседней изгороди и стал бить их клюкой, которая была у него в руке. А вместо черной борзой встала жена одного Дикенсона, соседа, которого этот информатор знает. А вместо коричневой - маленький мальчик, которого этот информатор не знает". Жена Дикенсона предложила ему шиллинг за молчание, но он ответил: "Нет, ты ведьма". Тогда она сунула руку в карман, вытащила что-то вроде уздечки, "которая звенела", и надела ее на голову маленького мальчика, после чего он превратился в белую лошадь. Затем миссис Дикенсон схватила Информатора, посадила его перед собой на белую лошадь и повезла к новому дому под названием Хоарстоунз, расположенному примерно в четверти мили от дома. Здесь он увидел около шестидесяти человек, одни стояли у дверей, другие ехали к дому на лошадях разных цветов. В доме горел огонь, на котором жарилось мясо. Молодая женщина предложила ему "плоть с хлебом на траншее и напиток в стакане", но после первого же вкуса он не захотел больше ничего пить. Зайдя в соседний амбар, он увидел там шесть человек, которые стояли на коленях и тянули за веревки, привязанные к верху амбара. После этого "в поле зрения информатора попали дымящаяся плоть, масло в кусках и молоко, как бы струившееся с указанных веревок. Все это падало в тазы, поставленные под упомянутыми веревками. И когда эти шестеро сделали это, пришли другие шестеро, которые сделали то же самое, и в течение всего времени, пока они тянули, они делали такие уродливые лица, что напугали Информатора, так что он был рад выбежать и украсть домой". Они преследовали его, но он встретил двух всадников, после чего они оставили его. Главной из его преследователей была жена одного Лоинда.

На этом неприятности Информатора не закончились. "После того как он пришел из вышеупомянутой компании, отец велел ему пойти и пригнать домой двух коней, и он наткнулся на мальчика, который с ним сразился". В этой схватке информатор измазал уши и лицо кровью, а приглядевшись, увидел, что у мальчика сросшиеся ноги. С похвальным благоразумием он бросился бежать, но тут увидел свет, похожий на фонарь, и побежал за ним, думая, что его может нести сосед. Но он только нашел женщину - жену Лоинда, стоявшую на мосту, и, убегая от нее, снова встретил косолапого Мальчика, который ударил его и заставил плакать.

Такова страшная история, рассказанная в суде и частично подтвержденная отцом мальчика. Жены Дикенсона и Лойнда, а также еще около восемнадцати человек были немедленно арестованы, а информатор и его отец заработали небольшую сумму денег, обойдя соседние церкви и обнаружив там других. Суд состоялся в Ланкастерском суде, где семнадцать обвиняемых были признаны виновными, но судья, не удовлетворившись доказательствами, добился отсрочки. Четверо из обвиняемых были отправлены в Лондон и помещены в тюрьму Флит, где "за их показ были получены большие суммы денег". Епископ Честерский провел специальный допрос, и доносчик, будучи разлученным со своим отцом, вскоре признался, что его уважаемый родитель выдумал всю эту историю как средство достижения цели. Так суд закончился плачевным фиаско, с точки зрения публики, которая с нетерпением ждала публичных казней как праздника.

Хотя деятельность Мэтью Хопкинса достигла кульминации в суде над ведьмами из Мэннингтри, состоявшемся в 1645 году в Ипсвиче перед сэром Мэтью Хейлом, это была лишь часть его дел в том году, как мы можем понять из сообщения в "Трактате о духах" Бомонта, что "тридцать шесть человек одновременно предстали перед судьей Конирсом, ан. 1645 года, и четырнадцать из них были повешены, а еще сто содержались в нескольких тюрьмах в Саффолке и Эссексе". Почти двадцать лет спустя, в 1664 году, мы видим генерала-колдуна за работой в Грейт-Ярмуте, где он обвинил шестнадцать старух, все из которых были осуждены и казнены; в том же году состоялись уже упоминавшиеся процессы в Сент-Эдмунсбери. Тем не менее в отношении Мэтью Хопкинса, джентльмена, следует сказать, что сам энтузиазм, с которым он взялся за дело, помог ему хоть немного сдержать волну преследований. Хотя широкая публика не подавала признаков пресыщения, власть имущие и более образованные слои населения в целом все больше уставали от бесполезного кровопролития. Суды над ведьмами продолжались без остановки, но к концу века указания судьи присяжным часто были такими, что обеспечивали оправдание; и даже если обвиняемых признавали виновными, они часто получали освобождение благодаря усилиям судьи. Среди этих справедливых судей имя лорда верховного судьи Холта заслуживает высокого места, как человека, более чем обычно опережающего свой возраст.

В 1694 году перед тем же лордом-главным судьей в Бэри-Сент-Эдмундс судили мать Маннингс из Хартиса в Саффолке. Было дано много показаний о том, что она портила сусло и вредила скоту, а также о том, что несколько человек на смертном одре приписали свою гибель ее искусствам. Так, под присягой было установлено, что Томас Паннел, хозяин дома, не зная, как выгнать ее из своего дома, забрал дверь и оставил ее без двери. Через некоторое время, когда он проходил мимо, она сказала ему: "Иди своей дорогой; твой нос будет лежать на церковном дворе до следующей субботы". В следующий понедельник Паннел заболел, во вторник умер и, по ее словам, был похоронен в течение недели. В подтверждение этого другой свидетель добавил, что врач, консультируясь с другим больным и упомянув матушку Маннингс, сказал, что она опасная женщина, так как может затронуть линию жизни. В обвинительном заключении она обвинялась в том, что у нее есть имп, похожий на хорька, и один свидетель поклялся, что, придя с из пивной около девяти часов вечера, он заглянул в ее окно и увидел, как она вынимает из корзины двух импов, черного и белого. Кроме того, было заявлено, что Сара Уэгер после ссоры с обвиняемой была поражена немотой и хромотой и в таком состоянии находилась дома во время суда. Было выдвинуто множество других, не менее страшных обвинений, и все могло бы закончиться для матери Маннингс очень тяжело, если бы на скамье подсудимых не оказался лорд Верховный судья. Однако он велел присяжным вынести вердикт "невиновна", что они послушно и сделали. "По результатам опроса, - пишет Хатчинсон, - нескольких жителей города или его окрестностей, я пришел к выводу, что большинство из них считает, что это было очень

правильное решение. Она прожила около двух лет после этого, не причинив никому никакого вреда, и умерла, заявив о своей невиновности. Ее хозяин был издерганным человеком, и слова были не совсем такими, как они поклялись, и все это произошло за семнадцать лет до того... Белый Бес, как полагают, был локоном шерсти, вынутым из ее корзины для прядения, а его тень, как предполагают, была черной."

В том же году Маргарет Элмор предстала перед тем же судьей в Ипсвичском суде. "Она была арестована, - пишет Хатчинсон, - по обвинению некой миссис Радж, которая три года находилась в томительном состоянии, как полагали колдовские чары заключенной, находившейся тогда в суде, потому что мистер Радж, муж страдающей, отказался предоставить ей дом. Некоторые свидетели говорили, что миссис Радж стало лучше после заключения женщины в тюрьму, и снова стало хуже, когда с нее сняли цепи. Другие свидетели рассказывали, что ее бабушку и тетю раньше повесили за ведьм, и что бабушка говорила, что у нее было 8-9 импов и что она дала по два-три своим детям". Кроме того, по свидетельству акушерки, которая осматривала ее бабушку, у заключенной были более яркие ведьмины знаки, чем у нее; несколько женщин, которые были с ней в плохих отношениях, поклялись, что их тела были заражены вшами и другими паразитами, предположительно от нее. Но даже паразиты не смогли повлиять на лорда Верховного судью, и Маргарет Элмор была признана невиновной.

Еще одно дело, рассмотренное Холтом, касалось Элизабет Хорнер в Эксетере в 1696 году. Трое детей некоего Уильяма Борча, как утверждали, были околдованы ею. Один из них умер, у другого была вывернута нога, все они извергали булавки, были укушены, уколоты и ущипнуты. Их мать утверждала, "что одна из них ходила по гладкой стене, покрытой плитами, пока ее ноги не стали высотой в девять футов, а голова не отделилась от нее. Она проделала это пять или шесть раз, смеялась и говорила, что Бесс Хорнер держит ее". У бедной Элизабет была бородавка на плече, которая, по словам детей, была ведьминым знаком, и ее сосала жаба. Но лорд-главный судья, похоже, был другого мнения, поскольку велел присяжным оправдать ее. И действительно, из всех многочисленных дел о колдовстве, представленных на его рассмотрение, ни одна заключенная не была осуждена - если бы это произошло в наше время, в парламенте непременно был бы задан соответствующий вопрос. Последней женщиной, признанной виновной в колдовстве в этой стране, была Джейн Уэнхем, ведьма из Уокерна в Хартфордшире, которую судили в 1712 году. Был вызван "искатель ведьм", и ее подвергли обычным бессмысленным и унижительным испытаниям. "Они либо сами, либо заставляли других, кто был рядом, царапать и рвать ее лицо и втыкать булавки в ее плоть. Они... превратили молитву "Отче наш" в заклинание" (за эту часть представления, кстати, отвечал викарий Ардели). "Они обратились к призрачным уликам, они так отвлекли ее, что наводящими вопросами вырвали у нее то, что они называли признанием. Они отправили ее в тюрьму. Свидетели поклялись, что их рвет булавками. Присяжные признали ее виновной, судья осудил ее, а эти священнослужители написали рассказ о суде, который был принят и прочитан с таким удовольствием, что через месяц вышло четвертое издание". Но Джейн Уэнхем повезло с судьей. Будучи человеком образованным и опытным, "он не ценил эти уловки и попытки, и хотя он был вынужден осудить ее, потому что глупые присяжные признали бы ее виновной, он спас ей жизнь. А чтобы ее потом не разорвали на куски в невежественном городе, благоразумный джентльмен, который навсегда останется в чести за свой поступок, полковник Пламмер из Гилстона в том же графстве, взял ее под свою защиту и поселил в маленьком домике рядом со своим, где она теперь живет трезво и непринужденно, и держит свою церковь, и вся округа теперь полностью уверена, что она была невиновна, и что дева, которую считали заколдованной, была праздной шлюхой....и поправилась, как только ее возлюбленный пришел и женился на ней".

С тех пор закон Англии больше не испытывал ужаса перед ведьмой, хотя она еще не была полностью избавлена от опасности. Статут Якова I был отменен только в 1736 году, и еще долго после этого толпа привыкла брать закон в свои руки. Так, в 1751 году мужчина и его жена по фамилии Осборн были убиты в Тринге, когда толпа вытащила их из рабочего дома, куда они были помещены приходскими служащими для безопасности. Женщина при этом погибла. Однако она не осталась безнаказанной: главарю толпы, трубочисту по имени Колли, был вынесен вердикт "Умышленное убийство", и его повесили, к большому негодованию его самого и других людей. В самом деле, что можно было сказать в пользу пострадавшего Колли, когда такой человек, как Уэсли, приверженец своей веры Библии, не мог найти способа уклониться от прямого указания: "Не позволяй ведьме жить". Последний случай, когда в этой стране действительно пролилась кровь ведьмы, насколько мне удалось выяснить, произошел в 1875 году, когда некая Энн Тернер, считавшаяся ведьмой, была убита человеком, которого, однако, признали сумасшедшим.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[1] "Если кто-либо или кто-либо будет использовать, практиковать или осуществлять любое вызывание или колдовство любого злого и нечестивого духа, или будет советоваться, договариваться с ним, развлекать, нанимать, находить или вознаграждать любого злого и нечестивого духа, с любым намерением или целью, или забирать любого мертвого мужчину, женщину или ребенка из его, ее или их могилы, или любого другого места, где покоится мертвое тело, или кожу, или кости, или любую часть любого мертвого человека для использования в любом виде колдовства, чародейства, обаяния или околдовывания, или использует, практикует или осуществляет любое колдовство, чародейство, обаяние или колдовство, посредством которого любой человек будет убит, уничтожен, растрачен, поглощен, изможден или изранен в его или ее теле или любой его части, каждый такой преступник является преступником без права на помощь духовенства." (Этот закон был отменен только в 1736 году).

ГЛАВА XII

ГОНЕНИЯ В ШОТЛАНДИИ

Влияние долготы на национальные тенденции в суевериях - слишком обширная тема, чтобы обсуждать ее подробно, но, говоря в целом, можно сказать, что суеверия народа, как и его религия, во многом зависят от климата: более мягкие и гениальные в районах с умеренным климатом, они становятся более свирепыми и ужасными в экстремальных условиях жары и холода. Человек, чьи боги основаны на представлениях о грозе, мрачной северной зиме или тропическом солнце, вызывает более суровые и страшные образы, чем тот, чей жребий брошен среди мягкого неба и ласкового бриза. Как велика разница между мрачными богами, правившими негостеприимными небесами скандинавов и тевтонов, и терпимыми богемиями, обитавшими на классическом Олимпе. Нежные дриады и легкомысленные фавны Италии погибли бы в первых снегах балтийской зимы, так же как голодные вороны Водена за одно поколение итальянцев превратились бы в голубей Венеры.

Нигде влияние климата на национальный темперамент не проявляется так ярко, как на острове Великобритания. Викинги, поселившись среди пышных лугов и приятных лесов Англии, без особого сожаления отложили свои языческие жертвоприношения ради более

подходящей по климату религии Христа. Тор и Воден долго удерживали свои позиции в голых северных горах, но не были окончательно изгнаны, пока не привнесли в христианство, пришедшее им на смену, что-то от своей безнадежности и мрачности. Как боги Валгаллы всегда с нетерпением ждали дня своей гибели, так и ад, а не рай, всегда занимал главное место в воображении шотландцев. Так и получилось, что суеверия шотландца были более мрачными, чем у его соседа за границей. Убежденность в собственной греховности всегда была с ним, но насколько глубже и увереннее она была у его соседей. А так как у него было более неотвратимое чувство греха, его вера в ведьм и их злодеяния была более интимной и более обидной. Англичанин, опять же, боялся ведьм в основном по личным мотивам; шотландец же брался за дубину от имени своего Создателя. Дьявол казался гораздо более могущественным жителям мрачных горных лесов, чем крепким йоменам, гуляющим среди роскошных английских пастбищ. В Шотландии он был почти на равных с Богом; не слишком сказать, что для большинства он был еще более могущественным, а его земных агентов следовало бояться и ненавидеть.

Как и в Риме и Греции, ведьма прочно обосновалась в Шотландии за много веков до прихода христианства. Но она была другой породы, как и подобает ее суровому происхождению. Она и ее демонические соратники держали всю землю в тисках крови и железа. В духах того или иного рода, властвовавших среди туманов и вереска, не было ничего милого, ничего причудливого, ничего человеческого. Даже феи имели больше общего с Логги, чем с Обероном, а Эльфама, их обитель, напоминала скорее Ад, чем Сказочную страну. Вместо Лоб-ли за огнем, который находил высшее удовольствие в том, чтобы безвозмездно помогать добрым хозяйкам, или королевы Маб, которая не мучила никого, кроме праздных или злых, у вас был келпи, скрывающийся в одиноких местах, намереваясь убить вас, или банши, пророчащий вашу грядущую смерть или гибель. Когда, наконец, пришло христианство, ему пришлось долго и упорно бороться с подобными антагонистами, но оно так и не смогло их победить, хотя и заставило их принять новые имена и новые обличья. Святые миссионеры считали, что их задача по обращению в веру удесятерится из-за упорного противодействия ведьм и других злых духов. Святой Патрик, в частности, так разгневал их и их хозяина дьявола своей настойчивостью, что был вынужден на время бежать от их нападков обратно в Ирландию. Одним из самых известных их подвигов стала бомбардировка с вершины горы судна, на котором он находился. Правда, их цель, как и цель Полифема, члена их собственной семьи, была неудачной, и вершина горы упала в море, а не утопила святого. Но именно этим несчастьем они обеспечили постоянное доказательство своего подвига, ведь вершина горы и по сей день свидетельствует об этом, являясь тем местом, на котором впоследствии был построен замок Думбартон.

Среди множества легенд, связанных с этими самыми ранними шотландскими ведьмами, я склонен процитировать одну, дословно записанную из уст старой горской женщины покойным доктором Норманом Маклеодом и рассказанную им в его "Воспоминаниях о горском приходе". В современном виде она была сплетена вокруг воображаемых злоключений испанского принца и реального кораблекрушения _Флориды_, одного из кораблей испанской армады, затонувшего возле Тобермори, в Малле, в 1588 году. На самом деле, однако, магические отрывки имеют гораздо более древнюю историю, возможно, как мы можем судить по случайным ссылкам на друидизм, с дохристианских времен. Первая часть легенды повествует о том, как испанская принцесса приехала на Малл, завела любовную связь с Маклином из Дуарта и была убита его ревнивой женой. Король Испании, узнав о судьбе своей дочери, снарядил военное судно и отправил его в Тобермори, чтобы отомстить. Маклин и его люди, чувствуя, что не в силах противостоять ему обычными средствами, обратились за помощью к магии (по сути, друидизму) и с помощью мощных

заклинаний и чар собрали всех ведьм Мулла, *_Doideagan Muileach_*, вместе. Он объяснил ситуацию и попросил их поднять бурю и потопить испанское судно, указав при этом, что его командир, некий капитан Форрест, сам был магом. Главная ведьма спросила, не сказал ли испанец, заявляя о своих недружественных намерениях, "С Божьей помощью!". Узнав, что он опустил эту предосторожность, она призналась, что готова взяться за дело. Этот отрывок настолько не соответствует обычному поведению языческой ведьмы, что я считаю его благочестивой интерпретацией более позднего времени.

В свое время ведьмы приступили к работе с *_ŭbag_*, *_obag_* и *_gisreag_* (чары, заклинания и песнопения), но первоначальный эффект был невелик. Когда потребовались более решительные меры, главная ведьма привязала соломенную веревку к каменоломне, перекинула ее через стропило и подняла камень так высоко, как только смогла. Когда камень поднялся, вместе с ним поднялся и ветер, но она не смогла поднять его очень высоко из-за контрзаклинаний испанского капитана с английским именем. Тогда она позвала на помощь своих сестер-ведьм - ведьм с гораздо более красивыми именами, чем могли похвастаться их английские коллеги. Всего их было девять, а звали пятерых Луидеаг (то есть "Тряпичница"), Агус Доидеаг (или "Волосы фризл"), Агус Корраг Нигин Джайн Бхаин ("Палец дочери Белого Джона"), Кас а'мхоейн Риабхаич а Глеанкомхэм ("Хогганфут из Гленко") и Агус Гормшуил мхòр бхарр на Майге ("Большой Синий Глаз из Мой"). Все вместе потянули за веревку, но не смогли поднять камень. Тогда некоторые из них взлетели в воздух и стали карабкаться по корабельному такелажу в виде кошек, плюясь и ругаясь. Но капитан Форрест только смеялся над ними. Так же он поступил, когда их число увеличилось до пятнадцати. Наконец Дойдеаг нашла очень сильного человека, *_Домнулла Дубха Лаидира_*, чтобы тот держал веревку и не давал камню снова соскользнуть вниз, а сама улетела в Лохабер просить помощи у Великой Гармал из Мой, главной колдуньи Шотландии, чьи силы были развиты больше, чем у всех остальных, вместе взятых. Гармал принял лестное приглашение и отправился к месту действия. Не успела она подняться в воздух, как начался шторм, и к тому времени, как она достигла Тобермори, капитан Форрест понял, что ему лучше удалиться. Но прежде чем его трос успели перерезать, Великий Гармал добрался до корабля, взобрался на верхушку мачты в виде самой большой черной кошки, которую когда-либо видели, и произнес одно заклинание, после чего испанский корабль со всей командой погрузился на дно моря.

Против колдунов такого мастерства должен быть могущественный человек - святой или король, - который смог бы им противостоять. Многие - если не большинство - ранних шотландских королей сталкивались с колдовством, в основном себе во вред. Оставив в стороне Макбета, столь же достоверного исторического персонажа, как и остальные, мы имеем короля Даффа, который в конце десятого века едва избежал томительной смерти от рук ведьм - они использовали старомодный даже в те времена, но очень надежный "восковой образ". Лишь благодаря удаче ему удалось обнаружить ведьм и, сжегши их и разрушив магию, пока она не расплавилась в огне, вернуть себе обычное здоровье и бодрость духа.

Не только благодаря длинной череде выдающихся ведьм Шотландия занимает важное место в анналах магических искусств. В лице Майкла Скота она родила одного из самых знаменитых волшебников, известных истории, намного превосходящего в мастерстве большую часть своих преемников, если верить традиции, и ничуть не менее выдающегося, хотя и гораздо более вероятного, чем британский Мерлин из артурианской легенды. Еще одним известным волшебником был Томас Рифмач, он же Эскильдонн, избранный любовник королевы фей.

Косвенным свидетельством высокого, пусть и злого, места, занимаемого магией в Шотландии, является то, что среди ее последователей и практиков было так много мужчин и женщин из первых рядов жизни. У нас есть страшная фигура Уильяма, лорда Соулиса, сваренного до смерти как единственное подходящее наказание за преступления, совершенные в его феодальной крепости, которые ставили его в один ряд с маршалом де Рецем, французской Синею Бородой. Или же в 1479 году, когда мы уже находимся на твердой почве, граф Мар с целой группой мужчин и женщин, пособников более низкого ранга, был сожжен в Эдинбурге за покушение на жизнь короля с помощью восковых изображений и заклинаний. В ходе расследования оказалось, что все семейство этого развратного дворянина было замазано той же магической кистью. Леди Глэммис, сожженная в 1536 году как ведьма, была одной из гордых Дугласов, внучкой Арчибальда Белл-Кэта, вдовой "Чистого Козуэя" лорда Глэммиса, которого, помимо прочего, обвиняли в убийстве, - молодой, красивой и богатой. Правда, ее смерть была очень необходима одной из современных политических партий, хотя это могло быть лишь совпадением. Другой аристократической ведьмой была леди Кэтрин Фулисс, которую вместе с пасынком судили в 1590 году за "колдовство, заклинания, чародейство и отравление". Несмотря на то что она, похоже, занималась своим сомнительным делом с открытым сердцем, вызывающим наше восхищение, она была оправдана благодаря влиянию семьи, а вместе с ней и ее пасынок, хотя несколько их более скромных сообщников понесли наказание обычным способом.

В следующем году произошло интересное само по себе судебное разбирательство по делу ведьм, ставшее причиной великой вспышки преследований, которая в течение следующего столетия заставила летопись шотландского правосудия окраситься невинной кровью - дело доктора Фейна, или Фиана, как его по-разному пишут. История "секретаря и регистратора дьявола" уже не раз рассказывалась, но ее стоит пересказать. Фиан был школьным учителем в Солтпансе, Лотиан; кроме того, по словам его обвинителей, он был волшебником. Точнее, возможно, его следовало бы назвать мужчиной-колдуном, поскольку он не контролировал Сатану, но, с другой стороны, присягнул ему на верность, получил ведьмины знаки - под язык - и в остальном соответствовал этикету низшего класса в этой профессии. Похоже, так было принято в Шотландии, где различие, которое я попытался провести между колдуном и ведьмой, часто трудно проследить. Его магия, однако, приобретает главный интерес благодаря своему объекту - не менее известной личности, чем Яков I и VI. Этот ученый и протестантский монарх, направлявшийся навестить свою датскую невесту в ее родных краях, подговорил дьявола и его секретаря утопить его. Они вышли в море на судне вместе с целым полком ведьм и бросили в море заколдованную кошку, подняв сильнейшую бурю, которая не смогла помешать божественно защищенному Якову добраться до Дании в целости и сохранности. На обратном пути заговорщики попытались осуществить другой план - вызвать туман, чтобы королевский корабль выбросило на берег у английского побережья. С этой целью Сатана бросил в море футбольный мяч или его туманное подобие, и ему удалось вызвать то, что можно с точностью назвать туманом самого Дьявола. Но ангелы направили корабль по нужному курсу, и король снова спасся от нападков своих врагов. За эти и другие преступления доктора Фиана вместе с несколькими женщинами-колдуньями судили, пытали, заставили признаться и сожгли на Касл-Хилле, хотя он отказался от признания и умер как джентльмен и ученый. Этот процесс интересен тем, что в нем впервые в Шотландии упоминается метка дьявола.

Последствия этого злодеяния против Помазанника Господня не ограничились смертью его предполагаемых создателей. Если племя ведьм стало таким дерзким, их давно пора было истребить, и король и его советники галантно принялись за дело. Именно в 1563 году преследование ведьм было оформлено как отдельная отрасль преступлений

постановлением эстафеты, согласно которому "ни один человек не должен браться за использование любого колдовства, чародейства или некромантии и не должен давать себе волю, чтобы иметь любое подобное ремесло или знание о нем, злоупотребляя при этом людьми", и "ни один человек не должен обращаться за помощью, советом или консультацией к любым подобным пользователям или злоумышленникам колдовства... под страхом смерти".

В дальнейшем, вплоть до последнего сожжения ведьм в 1727 году, костры редко гасли, а быть старой и уродливой женщиной было, пожалуй, самым "опасным ремеслом" в шотландской промышленности. Правда, у сожжения ведьм было одно сопутствующее обстоятельство, которое, по крайней мере, можно надеяться, иногда двигало экономных шотландцев в сторону терпимости, - это расходы. Вот, к примеру, статьи расходов на казнь одной партии ведьм в Файфе в 1633 году:...

	£	s.	d.
На десять кусков угля для их сожжения	3	6	8
За бочку дегтя		14	0
Для буксиров		6	0
За то, чтобы закалить их прыжками		3	10
Для изготовления из них			8

Итого 4 фунта 11 шиллингов. 2d., не такая уж маленькая сумма, если смотреть на нее экономными глазами, особенно если принять во внимание большую ценность денег в те дни.

Для национального отношения к этой теме характерно, пожалуй, лишь то, что "белая", или милая, ведьма вызывала такое же сильное отвращение, как и ее "черная", или злобная, сестра. Попытки и наказания были одинаковыми для всех. Так, в 1597 году в Эдинбурге были осуждены четыре женщины за то, что они вылечили или пытались вылечить колдовством некоторые болезни своих соседей, и впоследствии были задушены и сожжены. Правда, они не понесли более сурового наказания - сожжения заживо, которое полагалось ведьмам необычайной злобы. Неприязнь и страх перед "белой" ведьмой, надо заметить, объяснялись не только неблагодарностью, а скорее тем, что она влекла за собой увечье пациента при воскрешении. В то время как все остальное тело больного было обязано сохранением в этом мире Самому Богу, любая конечность или орган, исцеленные дьяволом - действующим через "белую" ведьму, - принадлежали ему, и, следовательно, не могли воскреснуть в Судный день вместе с остальными. Пытаясь понять ментальный настрой, который привел к великим гонениям семнадцатого века, нельзя упускать из виду такие моменты веры, как этот. Страх и инстинкт самосохранения, а не жестокость, были движущей силой убийцы ведьм. У нас, которые не считают зазорным стрелять куропаток ради развлечения, нет причин осуждать христианина XVII века, который убивал ведьм, чтобы они не погубили его тело и душу.

Различные процессы над шотландскими ведьмами настолько похожи друг на друга, что их подробное изложение было бы утомительным и невыгодным. Однако некоторые из них выделяются на фоне остальных своим гротескным ужасом и преувеличением. Таков судебный процесс над Изобель Гриерсон, "супругой Джонна Булла, человека-варка в Паннисе" (Престон Пэнс), который проходил в Эдинбурге в марте 1607 года. Гриерсон, кстати, был очень известным именем в кругах ведьм того времени. Некий Роберт Гриерсон играл ведущую роль в качестве сообщника доктора Фиана, о котором говорилось выше:

именно его рука бросила заколдованную кошку в море при попытке утопить короля Якова. Кроме того, как следует из признания другого обвиняемого на том же процессе, он был причиной больших беспорядков на субботнике, проходившем на церковном дворе в Северном Бервике. Сатана, по досадной оплошности, обратился к нему по его настоящему имени. Поскольку этикет строго требовал игнорировать христианские имена и использовать вместо них прозвища - в данном случае "Рэб Гребец", - ошибка выглядела намеренным оскорблением со стороны Сатаны и была воспринята собравшимися ведьмами, которые выражали свое недовольство с бескомпромиссной энергией, вплоть до того, что бегали "хирди-хирди" по церковному двору. Но вернемся к жене Джона Булла. Ее обвиняли, в частности, в том, что она питала жестокую ненависть и злобу к некоему Адаму Кларку и в течение года использовала все дьявольские и нечестивые средства, чтобы отомстить ему. Ноябрьской ночью 1606 года, между одиннадцатью и полночью, когда Адам и его жена лежали в постели, Изабель вошла в дом в образе черной кошки, сопровождаемая несколькими другими кошками, и произвела большой и страшный шум, отчего Адам, его жена и служанка испугались так, что чуть не сошли с ума. Сразу же после этого появился дьявол в облике черного человека, схватил ночной колпак служанки и бросил его в огонь, а затем потащил ее по дому. В результате она заболела сильной болезнью и пролежала в постели, рискуя жизнью, целых шесть недель. Изабел также обвинили в том, что она подстроила смерть Уильяма Бернета и наслала на него страшную и несносную болезнь, подбросив к его двери кусок сырой заколдованной плоти. После этого в течение полугода дьявол по ночам являлся в дом бедного Уильяма в облике голого младенца. Иногда он варьировал представление, появляясь в облике самой Изабел, но когда ее звали по имени, тут же исчезал. В результате всего этого Адам промучился в болезни три года, не в силах добиться исцеления, и наконец, в великом "douleur and peine", покинул эту жизнь. Другой ее жертвой стал Роберт Педдан, который проболел один год и шесть месяцев, а потом вдруг вспомнил, что должен Изабел девять шиллингов и четыре пенса, и что до его болезни, когда он отказался платить, она передала ему некоторые записи, которые хранила в MS, а затем, с разными богохульными речами, сказала ему, что он должен раскаяться в этом. Помня об этом, он разыскал Изабель и выплатил ей указанную сумму, одновременно попросив у нее здоровья ради Бога, говоря: "Если вы причинили мне какое-либо зло или вред, воздержитесь от этого и верните мне здоровье". И уже через двадцать четыре часа он был здоров как никогда. И снова, когда Маргарет, жена Роберта Педдана, лежала в постели, Изабель или дух в ее облике вошла в его дом, схватила Маргарет за плечо и швырнула ее на пол, так что она упала в обморок от испуга, и тут же была охвачена страшной и несносной болезнью. Изабел, узнав, что слухи о ее злодеяниях ходят по всему миру, заставила миссис Педдан выпить с ней, после чего болезнь оставила ее на восемь или десять дней. Но так как госпожа Педдан, не наученная опытом, заявила, что Изабель - злая ведьма, она тут же наложила на нее другие чары, и болезнь вернулась. Изабель, признанную виновной во всех этих и других преступлениях, судьи приказали "отвести на Эдинбургский замковый холм и там задушить на костре до смерти, а тело ее сжечь в пепле, как осужденную за указанные преступления; а все ее движимое имущество выморочить и отдать в пользование нашего государя, как осужденную за указанные преступления". Что и было сделано соответствующим образом.

В 1622 году Маргарет Уоллес была казнена по обвинению в нанесении и причинении болезней. Главным обвинением против нее было то, что она советовалась с Кристианой Грэхем, которую сожгли как ведьму за некоторое время до суда над Маргарет, как вылечить Маргарет Мьюир, "девочку", от расстройства, "для чего они отправились около двенадцати ночи во двор и там использовали свои дьявольские чары, благодаря чему болезнь была удалена от девочки".

Следующие двадцать лет заполнены монотонной записью судебных процессов над ведьмами, по сути схожих с теми, что уже были процитированы. Возможно, самым выдающимся является дело Катарины Освальд, которая много раз встречалась с Сатаной и прокляла двор Джона Клерка так эффективно, что в течение четырех лет там не росли ни "конопля, ни пенька, ни другие злаки". Алиса Нисбет, также знаменитая в свое время, была осуждена за то, что "сняла боль с женщины в путешествии, используя некоторые чары и ужасные слова; среди которых были такие: "Кости в огонь, а душу в провал"".

В 1633 году были казнены двадцать ведьм, самым рьяным преследователем был сэр Джордж Хоум из Мандерстона, главным образом, как утверждалось, чтобы насолить своей жене, с которой он был не в лучших отношениях, и которая имела пристрастие к черной магии. Десять лет спустя разразилось еще одно жестокое преследование, так что только в одном Файфшире было казнено тридцать женщин - местное министерство взяло на себя инициативу обвинения. Две из обвиняемых были домашними служанками, служившими в Эдинбурге, и отличались той любовью к нарядам, которая и сейчас присуща их роду. По их собственному признанию, с дьяволом их познакомила Джанет Крэнстон, известная ведьма, и пообещала, что, если они отдадут свои тела и души в его верность, "они будут так же опрятно одеты, как лучшие служанки Эдинбурга". Джанет Баркер, одна из них, призналась, что у нее между плечами есть дьявольская метка, и когда в нее воткнули булавку, она оставалась там в течение часа, прежде чем она заметила ее. Излишне говорить, что обе были "wirriet" (задушены) на костре и сожжены. Агнес Финни была осуждена не менее чем по двадцати пунктам различных преступлений, в основном за нанесение вреда здоровью личных врагов. Ее защита была более энергичной, чем обычно, но, хотя она утверждала, что из всех уже сожженных ведьм ни одна не упоминала ее имени, ее признали виновной и казнили.

Не следует думать, что Сатана не предпринимал время от времени попыток подружиться со своими. Так, из книги Синклера "Невидимый мир раскрыт" мы можем узнать, что он напрямую вмешался в ситуацию, пытаясь спасти жену некоего Гудейла, "прекраснейшую и милейшую особу", к которой он питал особую привязанность, к зависти менее благосклонных ведьм. Он даже посетил ее тюрьму и попытался унести ее по воздуху, так что "она сделала несколько взмахов вверх, постепенно увеличивая высоту, пока ее ноги не оказались на уровне его груди". Но Джеймс Флеминг, тюремщик, был человеком сильным. Он схватил ее за ноги, так, что получилось что-то вроде "тяни дьявола, тяни тюремщика", и победил тот, кто был сильнее, то есть мистер Флеминг, а заключенная была спасена для последующей казни. В другой раз Сатана действительно освободил ведьму с церковного столба в Кулроссе, где она была заточена. К несчастью для нее, прежде чем они далеко улетели в своем воздушном полете, она случайно в разговоре упомянула имя божества, после чего он сбросил ее.

Политические взлеты и падения, на кого бы они ни влияли, ничего не изменили в нелегкой судьбе ведьмы, если не считать того, что власть имущие считали ее членом противоположной партии. Это, однако, не снискало ей симпатий побежденных. Так, смерть Карла I, по мнению многих, могла быть подстроена только самими Силами Тьмы. Похоже, это понимали даже представители животного мира, если судить по тому, что некоторые львы в лондонском Тауэре умерли от запаха носового платка, смоченного в крови монарха-мученика. Роялисты, желающие объяснить свои поражения, объявили "старика Нолла" прямым агентом Сатаны, если не воплощением Дьявола, то Содружеством, представляющим его царство на Земле. Таким образом, хотя республиканцы и делали все возможное для преследования ведьм, их усилия были ничтожны по сравнению с усилиями роялистов,

радеющих о славной Реставрации. Очевидно, что ведьма должна быть другом круглоголовых, и она страшно за это поплатилась. В 1661 году, сразу после вступления короля в свои права, было казнено около 120 человек - большинство из них были арестованы благодаря усилиям Джона Кинкейда и Джона Дика, охотников за ведьмами, столь же выдающихся, хотя и менее известных, чем сам Мэтью Хопкинс. И вот настал черед победоносных кавалеров, которых пресвитериане и парламентарии считали обязанными своим успехом помощи Сатаны и его агентов. Сообщалось, что их епископы имеют когтистые ноги и лишены тени, их военачальники защищены от пуль с помощью чар и обладают лошадьми, которые могут лазать по неприступным скалам, как лисы; судей, которые судили беглецов за измену, видели в знакомых беседах с Чудовищем, а один из них, как известно, принес в жертву Сатане своего первенца.

Показательным примером судебных процессов, проводившихся во второй половине семнадцатого века, является дело о смерти сэра Джорджа Максвелла из Поллока, убитого, как предполагалось, по злему умыслу "нескольких хаггов и одного чародея". Полный рассказ об этом приводится в "Мемориальных записках" писателя Роберта Лоу, отредактированных Чарльзом Киркпатриком Шарпом из его рукописи. Если вкратце, то сэр Джордж, проболев некоторое время, испытывал сильную боль в боку и плече, в дом пришла немая девушка и знаками объяснила, что его восковая "картина" плавится на огне в доме некой женщины, которая на него обиделась. В результате поисков его изображение было найдено в дымоходе. Две булавки, воткнутые в плечо фигуры, были извлечены, после чего сэр Джордж пришел в себя, а женщину уложили за пятки и обнаружили на ней несколько ведьминых знаков. Но очень скоро баронет снова заболел. Дом ведьмы, котором теперь обитал ее сын, снова обыскали и нашли второй "портретник", на этот раз глиняный, под болстером мужчины. Арестованный, он признался, что дьявол посетил его в компании четырех ведьм, сам сделал изображение и воткнул булавки в соответствующие конечности. Четыре ведьмы были задержаны и вместе с молодым человеком сожжены в Пейсли, но это не помешало их жертве умереть. Через несколько месяцев он умер, "превратившись в тень", благодаря, по словам немой девушки, существованию еще одной "картины", которой "пренебрегли" его друзья.

Последняя шотландская казнь ведьмы состоялась в 1722 году. Заключенную обвинили в том, что она превратила свою дочь в пони, которую обул дьявол и так ездил на ней, отчего девочка с тех пор хромала. Признанная виновной, эта последняя из длинной череды мучеников была сожжена в Дорнохе и, напугав зрителей - погода была прохладной, - с наслаждением грела руки на огне, который должен был ее поглотить.

В 1735 году английские и шотландские законы против колдовства были одинаково отменены, к ужасу отделившихся от "Установленного Кирка", которые в своем ежегодном исповедании национальных и личных грехов отводили видное место "Уголовным статутам против ведьм, отмененным парламентом вопреки явному закону Божьему".

ГЛАВА XIII

ДРУГИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Универсальность веры в колдовство несла в себе международную веру в эффективность преследований как лекарства. Если одна нация вела за собой другую, то и другие должны

были последовать за ней, и, соответственно, мы видим, что каждая европейская страна, не говоря уже о нехристианских народах, энергично прибегала к этой форме узаконенного убийства. Но детали этих процессов настолько схожи, что колдовство может претендовать на то, чтобы предшествовать волапюку или эсперанто в качестве международной связи. Повсюду преследование шло по одной и той же или параллельной линии, отличаясь лишь незначительными национальными особенностями. В католических странах это было вполне естественно, поскольку все они черпали вдохновение из одного и того же источника - буллы Иннокентия VIII; протестанты же, как бы они ни возражали против папских преследований их особых догматов, от души соглашались и с целью, и с методом, направленными против общего для всех врага.

Во Франции, как и в других странах, в XVII веке лихорадка ведьм достигла своего самого экстравагантного размаха. И хотя трудно сравнивать их по степени - там, где все одинаково поднялись на высшую ступень кровожадности, - можно сказать, что французы превзошли своих древних соперников в тщательности. Так, направление кампании находилось под прямым контролем церкви или государства, а не подчинялось обычному процессу закона; они были официальными, а не местными, а колдовство - религиозным и политическим, а не просто уголовным преступлением. Так, в 1634 году Урбен Грандье, сатирик Ришелье, был обвинен по прямому указанию кардинала в том, что он практиковал черное искусство на некоторых монахинях в Лудуне, и впоследствии был сожжен на костре; зафиксировано множество подобных случаев. Французская практика отличалась от английской в вопросе поиска ведьм тем, что если в Англии это дело обычно поручалось таким сравнительно скромным людям, как Мэтью Хопкинс, то французский комиссар был важным чиновником, и обычно, как в случае с Пьером де Ланкром, с образованием. Этот джентльмен, отправленный, как мы видели, по распоряжению короля, согласно его собственному рассказу, парламентом Бордо для расследования обвинений в массовом колдовстве, выдвинутых против жителей района Лабурт в 1608 году, сам дал нам возможность понять, как устроен ум такого чиновника. В его вступительном слове это показано еще более отчетливо, чем в его книге - на которую уже часто ссылались - написанной с целью доказать непостоянство дьяволов и плохих ангелов. С этой целью он доказывает непостоянство уроженцев Лабурта и их особую подверженность ловушкам Сатаны. Затем он утверждает, что Лабурат, на первый взгляд, должен быть порождением неустроенной и непостоянной расы, поскольку он горист и расположен на границе трех королевств - Франции, Испании и Наварры. Разнообразный язык - смесь французского, испанского и баскского - сам по себе является еще одним весомым аргументом. Его жители, опять же, в большинстве своем моряки, хотя с большим основанием могли бы быть фермерами, поскольку предпочитают непостоянное море твердой и неизменной земле. Длительные отлучки, по его мнению, делают их жен неверными - еще один мощный стимул к колдовству. Хотя комиссар - человек непредвзятый - признает, что их одежда не является непристойной, он испытывает серьезные сомнения по поводу их танцев: они не тихие и респектабельные, а крайне шумные и сопровождаются игрой на бубне - инструменте, имеющем дурное значение. Они питаются в основном яблоками, что также может объяснить их склонность к запретным вещам: власть дьявола над яблоком признана еще со времен Евы. Де Ланкр даже приводит утверждения еретических шотландских и английских купцов, которые посещали Бордо, чтобы купить вина, и там уверяли его, что часто видели большие отряды деймонов, направлявшихся через море прямо к Лабурту. Из всего этого комиссар делает вывод, что в округе нет почти ни одной семьи, которая не была бы более или менее глубоко вовлечена или связана с колдовством и его практиками.

Те же причины, которые сделали французские гонения более суровыми, пока они продолжались, привели к тому, что любое ослабление правительственной позиции уменьшало их в большей степени, чем это было в Англии, где колдовство имело более личный аспект. Вооруженный крестьянин, который с мушкетом в руках доказал, что обладает сверхъестественными способностями, разгромив лучшие войска короля под командованием маршала Франции среди голых вершин Севенн в защиту своей отвратительной ереси, мог рассчитывать только на безжалостное уничтожение как волшебник; но даже у правительств есть человеческая память, и скромную старушку, бормочущую заклинания в безвестных уголках королевства, склонны были не замечать. Иногда, с годами, королевская особа вмешивалась, чтобы оградить обвиняемого от менее официальных преследований. Так, когда в 1672 году в Нормандии было арестовано несколько пастухов, а парламент Руана готовился к расследованию, аналогичному тому, которое ранее проводилось в Лабурте, король приказал отпустить всех обвиняемых на свободу, что оказало благотворное влияние на распространение ведьмовской лихорадки. Однако примерно десять лет спустя королевский эдикт возродил все прежние постановления против колдовства и гаданий. Многие подобные дела рассматривались в "Chambre Ardente", последним из которых стало дело женщины по имени Вуазен, осужденной за колдовство и отравление в 1680 году. Законы против колдовства действовали до середины восемнадцатого века, а в качестве доказательства живучести суеверия можно снова привести уже упоминавшийся случай с Суберви в 1850 году.

Германия - страна не только здравого смысла, но и сентиментальности - не отличалась от своих соседей в отношении к ведьме. Немец, хотя и протестовал против методов инквизиции, применяемых к себе, не мог возражать против ее отношения к вопросу о ведьмах. Иногда дела рассматривались в гражданском суде, но гораздо чаще оставались на милость церкви. В конце XV века инквизиторы Шпренгер и Крамер преподали все обязанности инквизитора в "Malleus Maleficarum" и нашли много способных учеников по всей империи. Во многих районах вспыхнули гонения невиданной жестокости, один из самых ярких примеров - гонения в Трире во второй половине XVI века. В течение многих лет по всей земле наблюдались неурожаи и растущее бесплодие, которые многие объясняли ростом колдовства и злобой дьявола. Со временем народная антипатия стала настолько свирепой, что почти никто из попавших под подозрение не имел ни малейшего шанса спастись. Это было, пожалуй, самое демократичное преследование, зафиксированное в истории; ни звание, ни богатство не имели ни малейшего значения перед лицом обвинения. Каноник Линден, очевидец, рассказывает, что среди жертв были два бургомистра, несколько советников и помощников судей, каноники различных коллежских церквей, приходские священники и сельские деканы. Доктор Дитрих Фладе, судья светского суда и заместитель губернатора города, пытался остановить гонения и за свои старания стал их жертвой. Его обвинили, под пытками заставили признаться в различных преступлениях, связанных с колдовством, и сожгли на костре в 1589 году. Один голландский ученый, Корнелиус Лоос, известный ученик Виеруса, занимавший профессорскую кафедру в Трирском университете, также решился выступить с протестом против распространенного безумия. Не добившись успеха в обращении к властям, он написал книгу, в которой подробно изложил свои взгляды. Она была издана в типографии, а ее автор брошен в тюрьму. Однако весной 1593 года он был освобожден после торжественного отречения, опубликованного в виде книги шесть лет спустя Дель Рио. Преследования не смогли излечить бесплодие земли, а только усилили его - и тем самым сами излечили его, когда всеобщая бедность не позволила выделить необходимые средства на его содержание.

В 1628 году в Бамберге произошел жалкий инцидент, связанный с еще одной грозной вспышкой мании ведьм. Бургомистр Йоханнес Юниус был одним из тех, кто предстал перед судом. Вначале он отрицал все выдвинутые против него обвинения, но под пытками признался, что присутствовал на сбирке ведьм, танце ведьм и осквернил Святыню. Такое признание, хотя и избавило его от дальнейших пыток, но, разумеется, не отменило казни. Спустя некоторое время, частично оправившись от первых мучений, он был в большом смятении по поводу того, какого мнения о нем после смерти должна придерживаться его любимая дочь. Сильно искалеченными руками он все же сумел нацарапать письмо и обеспечить его доставку к ней. В нем он в душевной муке призывает ее не верить его вынужденному признанию: "Невинно я попал в тюрьму, невинно меня пытали, и невинно я должен умереть..... Я признался только для того, чтобы избежать великих мук и горьких пыток, таких, которые я не мог больше выносить". К сожалению, мучителей никогда не удовлетворяло признание, если оно не касалось и других людей, и случай Юния и некоторых его друзей и соседей, которые также пострадали, не стал исключением из правил.

За преследованием в Бамберге последовало преследование в Вюрцбурге в следующем году. К счастью, благородный иезуитский священник и поэт Фридрих фон Шпее был назначен духовником приговоренных к смерти и вдохновился на написание в 1631 году "Cautio Criminalis", которая, будучи опубликованной анонимно, во многом помогла остановить волну преследований. "Невероятны среди нас, немцев, - начинает он, - и особенно (мне неловко говорить об этом) среди католиков, народные суеверия, зависть, клевета, наговоры, инсинуации и тому подобное, которые, не будучи наказаны магистратами и не опровергнуты с кафедры, сначала возбуждают подозрение в колдовстве. Все божественные суды, которыми Бог угрожал в Священном писании, теперь приписываются ведьмам. Ни Бог, ни природа больше ничего не делают, а ведьмы - все".

Однако прошло немало времени, прежде чем такие просвещенные взгляды получили всеобщее признание, и именно в Германии состоялась последняя европейская казнь за колдовство, состоявшаяся в 1793 году.

Международная эпидемия не распространялась на Швецию до конца века, когда она вспыхнула в более чем обычно эксцентричной форме в деревне Мохра. Она была примечательна прежде всего количеством детей. "Четыре десятка пять человек, пятнадцать из которых были детьми, были осуждены, и большинство из них, если не все, были сожжены и казнены. Кроме того, шесть с половиной тридцати детей были осуждены на казнь, и двадцать из них били плетью по рукам у дверей церкви каждое воскресенье в течение трех недель подряд". Все это было почти детской драмой, и не было плодом детского воображения, а было с радостью воспринято обычно трезвым и здравомыслящим обществом. Скорее всего, в основе всей этой истории лежал какой-то миф или народная сказка, более или менее популярная во всех местных детских садах. В самом деле, если бы мы, нынешнее поколение, вернулись к прежней вере в ликантропию и непрекращающуюся злобу вездесущих волков-людоедов, то вполне возможно, что "Красная шапочка", история, которая вполне может быть обязана своим происхождением тому же суевию, вызвала бы похожую панику. Воображающий ребенок может легко перепутать бабушку из этой истории с волком, который ее пожирает: может прийти к выводу, что его собственная бабушка иногда маскируется под волка: может со временем убедить себя, что он действительно видел ее в таком обличье, и таким образом со временем подвести не только свою почтенную родственницу, но и половину других детей в школе, которую он посещает, под неприятные подозрения и, не исключено, к еще более неприятной смерти.

Основой паники в Мохре стала внезапно распространившаяся среди детей вера в то, что несколько сотен из них попали под власть дьявола благодаря местным ведьмам. Вся община забила тревогу, к правительству обратились, и была создана Королевская комиссия для расследования обвинений - с кровавыми результатами. Было объявлено, что ведьмы велели детям пойти на перекресток и там обратиться к дьяволу, умоляя его перенести их в Блокулу, любимое место встречи местных горцев по субботам. Сатана, отвечая на их молитвы, являлся в разных обликах, самым оригинальным из которых был человек с рыжей бородой, в сером пальто, красных и синих чулках, в шляпе с высоким венцом, украшенной разноцветными лентами и нелепыми подвязками. В таком наряде ему, должно быть, не хватало только волшебной дудочки, чтобы служить двойником Гамельнского Крысолова, тевтонской легенды, о которой больше всего напоминает все это обстоятельство. Он снабдил детей креплениями и помазал их благовониями, сделанными из обрезков алтарей и опилок церковных часов. В другом рассказе говорится, что ведьмы сопровождали детей и ехали с ними в Блокулу на спинах мужчин, которые, приехав туда, прижимались к стене и крепко спали. Иногда они предпочитали ездить на столбах или козах, насаженных на вертела, и пролетали сквозь стены, дымоходы и окна, не причиняя себе вреда и не разбивая стекла и кирпичи.

Сама перевозка детей вызвала множество весомых аргументов. Все время, пока они утверждали, что находились в Блокуле, их родители заявляли, что держали их на руках спящими. В итоге пришли к выводу, что их ночные путешествия могут быть как во плоти, так и в духе, в зависимости от обстоятельств. Многие родители настолько верили утверждениям своих детей, что один местный священник решил наблюдать за своим маленьким сыном всю ночь, крепко держа его на руках; но даже эта наглядная демонстрация не убедила мать.

По словам Блокулы, это был прекрасный дом, ворота которого были расписаны в очень ярких тонах. Внутри него находился большой пиршественный зал и другие помещения. Пища, подаваемая на пирах, состояла из таких сытных яств, как сардельки, бекон и хлеб, масло, молоко и сыр - все они, надо заметить, знакомы детскому вкусу, как и пир ланкаширских ведьм, о котором упоминалось в другом месте "Информатора". У тех, кто посещал Блокулу, рождались сыновья и дочери, которые, в свою очередь, женились друг на друге, а их дети были жабами и змеями. Они строили дома, но так плохо, что стены обрушивались на них, делая их черными и синими; их били, издевались над ними и смеялись над ними, а когда однажды они решили, что дьявол умер, все вокруг наполнилось стенаниями и причитаниями. Как обычно случалось при подобных казнях, кровопролитие в конце концов привело людей в чувство - возможно, казнь пятнадцати детей заставила их родителей задуматься. Как бы то ни было, со временем комиссия была распущена, и гонения прекратились, хотя в церкви продолжали еженедельно возносить молитвы против любого другого такого ужасного визита - как, собственно, и должно быть!

В мои намерения не входит дать более чем общее представление о наиболее выдающихся исторических гонениях, поскольку, как я уже сказал, в разные времена и в разных местах они различаются лишь в незначительной степени. Однако есть еще одна группа, слишком поразительная, чтобы ее игнорировать, - те, что бушевали в колониях Новой Англии. Незнающий человеческой природы человек мог бы предположить, что память о собственных страданиях смягчит сердца колонистов, когда они сами окажутся у власти. Все произошло наоборот: их вражда к прежним угнетателям была перенаправлена в новое русло, набирая

силу в процессе. Их ментальному настрою действительно можно найти некоторое оправдание. В большинстве случаев они происходили из более скромного класса, им пришлось пережить много лишений и страданий, прежде чем они смогли получить хоть какую-то передышку в своей новопоселенной стране, чтобы задуматься о прогрессивном образовании. Война с индейцами вполне могла дать обеим сторонам повод думать, что дьявол действительно выступает на стороне их врагов - , а со временем мрачные суеверия туземцев стали подкреплять привнесенные из Европы верования.

С начала семнадцатого века и до конца поселенцы были вынуждены посвящать большую часть своих мыслей только средствам существования, и у спекулятивной мысли не было возможности изменить идеи, которые, оставаясь неподвижными, становились все более стереотипными. Шаткое существование младенческого государства также давало его лидерам все основания для принятия самых жестких мер в отношении всего, что считалось опасным для его благополучия. Уже в 1648 году Маргарет Джонс из Чарльстоуна была обвинена в колдовстве. Обвинение заключалось в том, что "она обладала таким зловредным прикосновением, что многие люди, мужчины, женщины и дети, которых она гладила или трогала во время какого-либо несчастья или неудовольствия, были лишены слуха или рвоты, или других сильных болей или болезней". Губернатор Уинтроп, в чьих дневниках содержится этот рассказ, также добавляет, что "в тюрьме у нее на руках видели маленького ребенка, который убежал от нее в другую комнату; офицер последовал за ним, и он исчез".

Маргарет Джонс была признана виновной в преступлении колдовства и повешена в соответствии с законом. Вскоре после казни ее муж пожелал отправиться на Барбадос на судне, стоявшем в Бостонской гавани. Ему отказали в проезде как мужу ведьмы, и тогда судно начало крениться, как будто собиралось перевернуться. Вместо того чтобы объяснить это явление отказом взять на борт невинного человека, о нем сообщили в магистрат, и был послан офицер для ареста Джонса. Когда он предъявил ордер на арест, судно мгновенно перестало качаться. Джонса бросили в тюрьму, но нет никаких свидетельств того, что его когда-либо судили.

В 1655 году в Бостоне за колдовство была повешена Энн Хиббинс; казни ведьм происходили в разных местах с постоянно уменьшающимся интервалом. Одним из самых интересных случаев колдовства было дело семьи Гудвин в 1688 году. Полный отчет об этом случае приводится Коттоном Мазером, "служителем Евангелия", в книге, которая якобы содержит "верный отчет о многих чудесных и удивительных вещах, постигших нескольких заколдованных и одержимых людей в Новой Англии". По его собственным словам, в 1689 году "в это время в южной части Бостона живет трезвый и благочестивый человек, которого зовут Джон Гудвин, его профессия - масон, и его жена (которой хороший отчет дает долю с ним во всех символах добродетели) сделала его отцом шести (ныне живущих) детей. Из этих детей все, кроме старшего, который работает вместе с отцом по его призванию, и младшего, который еще живет на груди своей матери, страдали от ужасных последствий (не менее ощутимых, чем) потрясающего колдовского ремесла". Объяснив благочестивые и добродетельные наклонности детей, а также совершенство их воспитания и религиозного образования, Мазер говорит: "Таков был весь нрав и мужество детей, что не может быть ничего более неразумного, чем представить, что замысел разврата мог заставить их впасть в какую-либо из их странных причуд".

В 1688 году старшая дочь, осмотрев белье, обнаружила, что часть его пропала, и расспросила об этом дочь прачки. Прачка, как это могло случиться и в более поздние времена, использовала очень плохие слова в защиту своей дочери, после чего бедная мисс Гудвин "стала испытывать различные недомогания, и ее стали посещать странные приступы,

превосходящие те, что бывают при эпилепсии или катаlepsии, или те, которые называют болезнями удивления". Вскоре после этого одна из ее сестер и два брата были схвачены подобным образом и "все четверо подвергались повсеместным пыткам, столь ужасным, что каменное сердце разбилось бы при виде их агонии". "Лекари были бесполезны. Иногда они глохли, иногда немели, а иногда слепли, и часто все это одновременно. В одно время их языки втягивались в горло, в другое - вытягивались на подбородке на огромную длину. Их рты раскрывались так широко, что челюсти выходили из суставов; а затем они смыкались с силой, подобной сильной пружинной защелке. То же самое происходило с лопатками, локтями, запястьями и несколькими суставами. Временами они находились в сгорбленном состоянии и были притянуты друг к другу, как те, что связывают шею и пятки, а затем вытягивались, да, вытягивались назад до такой степени, что можно было опасаться, как бы кожа на их животах не треснула". Было и много других симптомов, о которых Мазер рассказывает с ревностным удовлетворением. Наконец растерянный отец рассказал магистрату о своих подозрениях в отношении прачки Гловер. Когда ее допросили, она так плохо рассказала о себе, что ее отправили в тюрьму. Выяснилось, что она не может произнести молитву "Отче наш", даже когда ей повторяли ее пункт за пунктом, а когда ее посадили в тюрьму, оказалось, что все дети "имеют некоторое облегчение". Предполагаемая ведьма предстала перед судом, но, будучи ирландкой, она с трудом понимала вопросы, что свидетельствовало против нее. Было приказано обыскать ее дом, и в нем нашли несколько маленьких образов-кукол, возможно, сделанных из тряпок и набитых козым волосом. Старуха призналась, что "мучила объекты своей злобы тем, что натирала палец слюной и гладила эти маленькие образы". Когда к ней поднесли один из образов, она взяла его в руку, и тут же один из детей упал в судорогах на глазах у всего собрания. Против нее легко нашлись свидетели, один из которых сказал, что Гловер иногда спускался в ее дымоход. После осуждения достойный Мазер посетил ее в тюрьме, "но она не развлекала меня ничем, кроме ирландского языка, который я не настолько изучил, чтобы понимать без переводчика". По дороге на казнь она заявила, что ее смерть не положит конец страданиям детей, поскольку кроме нее самой в них есть и другие; так оно и оказалось. Дети лаяли, как собаки, мурлыкали, как кошки, и летали, как гуси. "Такова сатанинская извращенность, что если им приказывали протереть чистый стол, они могли сделать это без всяких помех; если же нужно было протереть грязный стол, то, предположительно, от многих мучений они становились неспособными". Мазер рассказывает, что из-за их околдованности священные книги причиняли им ужасные муки. Одна девушка рассказала ему, что если она пойдет читать Библию, то ее глаза будут странно вывернуты и ослеплены, а шея, предположительно, сломана; кроме того, если кто-то другой будет читать Библию в комнате, хотя это будет полностью вне ее поля зрения и без малейшего голоса или шума, она будет подвергнута очень страшным мучениям. "Поповские книги, - говорит Мазер, - она переносила очень хорошо, а также книги, такие как "Оксфордские тесты"", - Мазеру можно простить пристрастие, но "катехизис моего деда Коттона под названием "Молоко для младенцев" и катехизис Ассембли привели бы ребенка к ужасным конвульсиям, если бы он в них заглянул". С некоторой неосознанной шутливостью Мазер надеется, что "не испортил репутацию книг, рассказав, как сильно дьявол их ненавидел".

В конце концов Коттон Мазер и несколько благочестивых соседей провели день молитвы за пострадавших детей, и постепенно "свобода детей с каждым днем становилась все больше и больше, а их досада постепенно уменьшалась", хотя демоны и духи продолжали беспокоить Бостон еще некоторое время.

В 1692 году в деревне Салем произошла жестокая вспышка борьбы с колдовством, которая продолжалась около 16 месяцев. Коттон Мазер приписывает это индейцам "Paw-Maws", но

Хатчинсон, со свойственным ему здравым смыслом, вероятно, уловил по крайней мере одну из реальных причин. В 1689 году Мазер опубликовал книгу о колдовстве. В Англии ее настоятельно рекомендовал Ричард Бакстер, который через некоторое время опубликовал свою собственную "Уверенность в мире духов". В ней содержалось свидетельство о Мазере, а он, в свою очередь, способствовал ее широкому распространению в Новой Англии. Эпидемия ведьм в Салеме произошла через некоторое время после этого, и Хатчинсон приписывает ее "книге мистера Бакстера" и "его и его отца" (то есть книге Матера и его отца), а также ложным принципам и страшным историям, которые "наполнили разум людей большими страхами и опасными представлениями".

Страшилки о колдовстве в Салеме начались в доме мистера Пэрриса, священника этого места, и вскоре несколько других людей начали вести себя необычным образом. "Они пробирались в норы, под стулья и табуреты. Они использовали непристойные жесты, произносили нелепые речи и впадали в припадки. Через некоторое время и день молитв страдальцы назвали нескольких человек, которые, по их словам, видели их в припадках, и в частности индианку". Индианка, так звали Тихубу, утверждала, что в начале вспышки использовала чары для обнаружения ведьм, но того факта, что она была индианкой, вероятно, было бы достаточно, чтобы вызвать подозрения. После того как хозяин избил ее и пригрозил, она призналась, что была ведьмой, и сказала, что дьявол побудил ее подписать книгу. Две другие женщины, Осборн и Гуд, были обвинены детьми Парриса в том, что околдовали их, и были выданы ордера на их арест. Все трое были отправлены в тюрьму в Бостоне. Маленькая дочь Гуд, пятилетняя Доркас, была призвана свидетельствовать против своей матери, и ее показания сводились лишь к следующему: "Что у ее матери было две птицы, одна черная, другая зеленая, и эти птицы вредили детям и больным". Сару Гуд приговорили к повешению. Преподобный мистер Войс сказал ей, когда она стояла на эшафоте: "Ты ведьма, и ты знаешь, что ты ведьма". Она ответила: "Вы лжец. Я не больше ведьма, чем вы волшебник, и если вы лишите меня жизни, Бог даст вам крови, чтобы выпить ее". Сара Осборн умерла в тюрьме, а счет бостонского тюремщика за расходы обеих женщин выглядит следующим образом

	£	s.	d.
На цепи для Сары Гуд и Сары Осборн		14	0
На содержание Сары Осборн с 7 марта по 10 мая, когда она умерла, то есть девять недель и два дня	1	3	5

Тихубу продержали в тюрьме 13 месяцев, а затем продали, чтобы оплатить ее содержание в тюрьме.

За арестом этих трех женщин почти сразу же последовало множество других обвинений. Прибытие губернатора Фипса в мае, вооруженного хартией, которая давала право общему суду возводить и учреждать судебные палаты и суды записи, или другие суды, судей которых должен был назначать губернатор, дало большой толчок преследованиям. Обнаружив, что тюрьма переполнена ведьмами, он отдал приказ о немедленном суде над ними. Весь июнь и июль дела теснились одно за другим, и до такой степени суеверный ужас охватил жителей Салема, что две собаки были преданы смерти за колдовство. Дела Марты и Джайлса Кэри, а также Ребекки Нерс настолько хорошо известны, что мы лучше обратимся к процессу над Сюзанной Мартин, который состоялся в суде Ойера и завершился в Салеме 29 июня 1692 года.

Коттон Мазер рассказывает о ней так: "Сусанна Мартин, заявив о своей невиновности в предъявленном ей обвинении в колдовстве, представила свидетельства многих людей, очень чувствительно и сильно околдованных, которые все жаловались на заключенную в суде как на человека, которого они считали причиной своих страданий".

На экзамене предполагалось, что взгляд Сусанны поразит страдальцев до глубины души, независимо от того, видели они его или нет.

Магистрат. Что с этими людьми?

Мартин. Я не знаю.

Маг._ Но что, по-твоему, с ними?

Мартин. Я не хочу тратить на это свое мнение.

Маг. А вы не думаете, что они околдованы?

Мартин. Нет, я так не думаю.

Тогда расскажите нам, что вы о них думаете.

Нет, когда они в доме, я думаю о них сам, а когда их нет, они принадлежат другому. Их хозяин...

Маг. Их хозяин? Кто, по-вашему, их хозяин?

Если они занимаются черным искусством, вы знаете об этом не хуже меня.

Маг. Хорошо. Что ты сделал для этого?

Мартин. Совсем ничего.

Маг. А что, дело в вас или в вашей внешности.

Мартин. Я ничего не могу с этим поделать.

Разве это не ваш хозяин? Как же твой вид может причинить им боль?

Мартин. Откуда мне знать? Тот, кто явился в облике Самуила, прославленного святого, может явиться в любом облике.

Джон Аллен из Солсбери засвидетельствовал, что, когда он отказался из-за слабости своих волов везти несколько шестов по просьбе Сюзанны Мартин, она рассердилась и сказала: "Хорошо, что он это сделал, потому что его волы никогда больше не будут ему помогать". Свидетель ответил ей: "Ты угрожаешь мне, старая ведьма? Я брошу тебя в ручей!", на что она перелетела через мост и скрылась. С тех пор с его волами случались разные несчастья, и закончилось все тем, что они уплыли в море. Из четырнадцати хороших волов спасся только один, остальные были брошены утопленниками в разных местах.

Джон Аткинсон также свидетельствовал о том, что Мартин околдовывал скот, а Бернард Пич рассказал, "что, лежа в постели в ночь на День Господень, он услышал скрежет у окна, после чего увидел, как вошла Сюзанна Мартин и прыгнула на пол". Она ухватила за ноги свидетеля и повалила его тело на пол. В течение двух часов он не мог ни говорить, ни шевелиться, но в конце концов поймал ее за руку и прокусил три пальца до кости. После этого она спустилась по лестнице и вышла за дверь. На земле лежал снег, и на нем были обнаружены капли крови, а также в ведре слева от двери. Следы двух ее ног были найдены сразу за порогом, но дальше следов не было. Еще одним обвинением в адрес Сюзанны было то, что после долгой прогулки ее ноги оставались сухими, в то время как у других людей они

были бы мокрыми. Джон Кембал хотел купить у Мартин щенка, но так как она не позволила ему выбрать того, кого он хотел, он купил щенка в другом месте. На что Сюзанна Мартин ответила: "Если я буду жива, я дам ему достаточно щенков". Через несколько дней после этого, когда Кембал вышел из леса, на северо-западе появилось небольшое облако, и Кембал сразу же почувствовал на себе силу, которая не позволила ему избежать столкновения с пнями деревьев, которые были перед ним, хотя перед ним была широкая равнинная дорога; но хотя он и держал свой топор на плече, чтобы не подвергать его опасности при падении, он не мог удержаться от того, чтобы не перепрыгнуть через них. Когда он спустился к дому собраний, перед ним появилась маленькая тварь, похожая на щенка темного цвета, и она проскочила между его ног. Он отважился приложить все возможные усилия, чтобы разрубить его топором, но не смог; щенок отпрыгнул от него и ушел, как ему показалось, в землю. Пройдя еще немного, он увидел черного щенка, несколько крупнее первого, но такого же черного, как коул. Его движения были быстрее, чем движения его топора; он летел к его животу и прочь, затем к горлу и через плечо в одну сторону, затем через плечо в другую. Сердце его стало отказывать, и он подумал, что собака вот-вот вырвет ему горло. Но он пришел в себя и воззвал к Богу в своем бедствии; и, назвав имя Иисуса Христа, все сразу исчезло. Депонент ни словом не обмолвился об этих происшествиях, боясь испугать жену. Но на следующее утро Эдмунд Элиот, войдя в дом Мартина, спросил его, где Кембал? Он ответил: "Дома в постели, если он не знает". Она ответила: "Говорят, он был напуган прошлой ночью". Элиот спросил: "Чем? Она ответила: "Щенками". Элиот спросил, когда она об этом узнала, потому что он ничего об этом не слышал; она ответила: "В городе", хотя Кембал не упоминал об этом ни с кем из живых".

Сюзанна ничего не могла сделать против таких доказательств. Ее признали "виновной" и казнили 19 июля.

За шестнадцать месяцев было повешено девятнадцать человек, один (Джайлс Корри) был приговорен к смерти, а еще восемь - осуждены. Более пятидесяти человек признали себя ведьмами, сто пятьдесят находились в тюрьме, а еще двести были обвинены. Но люди уставали; и было решено прекратить преследования. Примерно к апрелю 1693 года все заключенные были отпущены на свободу, а тем, кто бежал из страны, разрешили вернуться домой. Примечательно, что мистер Пэррис, в доме которого якобы начались колдовства, был обвинен своими прихожанами в том, что "он был зачинщиком и поставщиком самых тяжелых бедствий не только для этой деревни, но и для всей страны, которые когда-либо постигали их", и был уволен.

ГЛАВА XIV

ФИЛТРЫ, ЧАРЫ И СНАДОБЬЯ

Если бы не тот факт, что собаки и лошади часто выражают свой страх перед призраками, то для человека было бы подходящим определением "суеверное животное". Безусловно, ни одно человеческое чувство не является более универсальным или более устойчивым. Если, как я пытаюсь доказать, первая мать была первой ведьмой, то она должна была принести суеверие с собой как наследие из неизвестного мира. Оно не только универсально для человечества, но и необходимо ему, хотя бы потому, что является единственным барьером между ним и тиранией фактов. Многоголовая, как гидра, она в той или иной форме присутствует в каждом человеческом существе, от мудреца до дикаря. Идиосинкразия

доктора Джонсона касаться каждого столба, мимо которого он проходил во время своих заграничных прогулок, вера Наполеона в свою звезду, вера грабителя в свой кусок угля как в надежную защиту от разоблачения, связка колокольчиков, которую каждый итальянский извозчик вешает на свою упряжку, чтобы отпугнуть заблудших демонов, - все это вариации на одну тему - вольт человечества против тирании знания. Наше хваленое образование ничего не дает против камня, на котором надежно зиждется суеверие. Девочка из Гиртона, которая носит браслет, увешанный счастливыми свинками, или радуется, когда находит белый вереск, растущий на склоне косы, возможно, не осознанно принимает их как способные повлиять на ее судьбу, так же как карточный игрок верит головой, что если он выигрывает, когда не играет на деньги, то его следующая игра приведет к проигрышу, или игрок на ипподроме, что лошадь, имя которой включает какое-то определенное слово, например золото, любовь или черный, будет по этой причине выигрывать скачки. Но все они одинаково хранят в душе эту невысказанную веру, и, хотя они могут не признаваться в этом, если с ними случается неожиданная удача, их талисман получает часть их благодарности. Мало кто из нас не считает, что определенный цвет, как, например, зеленый, или определенный камень, как опал, не приносит удачи. Многие из нас не прошли бы под лестницей, если бы могли это сделать, даже если знают, что таким образом поддерживают суеверие, основанное на бывшей связи между лестницей и виселицей. В Париже модники носят с собой маленькие изображения своих особых друзей и в случае их болезни произносят молитвы или заклинания над больным местом. В самом деле, те, кто наиболее решительно протестует против своей свободы от такой унижительной слабости, тем самым показывают себя более верующими - тот, кто решительно проходит под каждой лестницей, мимо которой проходит, немой протест, всего лишь признает веру, которую он стремится возмутить.

Все эти современные формы цивилизованных суеверий, конечно же, являются пережитками прошлой эпохи. Некоторые из них, как, например, просыпать соль или сидеть тринадцатым за столом, можно отнести к религиозным или другим источникам. Другие, опять же, существуют с самых ранних дней человеческой расы. Многие напрямую проистекают из колдовского искусства. У полноценной ведьмы должны быть свои рецепты и заготовки - как у первой ведьмы, так и у последней. С помощью гения, который сделал ее ведьмой, она должна уловить и сформулировать теневые концепции, которые составляют столь большую часть верований ее клиентов; с помощью своей организаторской способности она должна разработать и адаптировать их к индивидуальным потребностям; в ответ на примитивный призыв она должна вернуть полноценное заклинание или чары. Как мы уже видели, ее магические способности использовались в различных направлениях; соответственно, и методы были разнообразны. В качестве целительницы и, наоборот, в качестве возбудителя болезней, ее различные заклинания должны были охватывать все недуги, которым подвержена плоть. Она должна уметь лечить болезни, которые причиняет; более того, у тех, кто с ней борется, должна быть своя амуниция подобного рода. Греческой абракадабре Церковь должна противопоставить крестное знамение или упоминание о Троице. Так со временем возникло огромное количество подобных ранних методов лечения веры - , которое с тех пор накопилось в таких огромных размерах, что перечислять некоторые из них, собранные из разных эпох и стран в качестве примеров остального, не представляется возможным.

Большое количество этих чар приводится Виерусом, которого Боден сурово порицает за распространение подобных беззаконий. Зубная боль - распространенная и отвлекающая жалоба, поэтому существовали различные рецепты ее лечения. Следующие рецепты были признаны очень эффективными:...

Гальбес, Гальбат, Гальдес, Гальдат.

Или же было не менее полезно написать следующее на листке бумаги, а затем повесить его на шею:-

Strigiles, falcesque, dentatae.

Dentium, dolorem persanate.

Другим, более религиозным средством было цитирование Иоанна, гл. ix, о проклятии слепого, и Исхода, гл. xii, где сказано, что ни одна кость Пасхи не должна быть сломана; а затем касаться зубов во время мессы, и тогда боли прекращались с большой вероятностью. От аге, еще одной распространенной жалобы, было несколько средств. Можно было либо написать треугольную абракадабру и повесить ее на шею, либо посетить в темное время суток ближайший перекресток дорог пять раз и закопать там только что снесенное яйцо (этот способ еще ни разу не подводил), либо подражать астрологу Эшмолу, который писал в 1661 году: "Я принимал рано утром хорошее лекарство.

Я принял рано утром хорошую дозу эликсира и повесил на шею трех пауков; они прогнали мою агею.

Против укуса бешеной собаки существовали более сложные методы, чем простая пастеризация, и, более того, у вас был большой выбор. Лекарство можно было получить, написав на куске хлеба следующие слова

Irioni Khiriori effera Kuder fere.

затем проглатывали его; или писали на куске бумаги или хлеба слова: "О, Царь!

О, Царь славы, Иисус Христос, приди с миром во имя Отца + max во имя Сына + max во имя Святого Духа, прах, Гаспар, Мельхиор, Бальтасар + prax + max + Бог imax +.

Известно, что некоторые люди были исцелены человеком, который написал

Нах, рах, max, Deus adimax

на яблоке, которое он давал больному съесть; но это, говорит Виерус, было очень нечестиво.

Согласно Катону, кости, вышедшие из суставов, можно было вправить на место с помощью следующих чар:...

Danata, daries, dardaries, astataries.

Водолазы мало чем отличались друг от друга, и мы находим целый ряд лекарств от лихорадки, объединенных одной общей формой. Несколько способов лечения приводит Виерус:-.

Вымойте руки больному и произнесите Псалом 144. "Exaltabo te, Deus meus Rex".

Или:.

Возьмите руку больного и скажите: "Acque facilis tibi febris haec fit, atque Mariae Virgini Christi partus."

Или:-

Возьмите три святые облатки и напишите на первой: "Как Отец, так и Жизнь"; на второй: "Как Сын, так и Святой"; на третьей: "Как Святой Дух, так и лекарство". Отнесите эти три облатки больному лихорадкой и скажите ему, чтобы он ел их три дня подряд, ничего больше не ел и не пил; также произносите по пятнадцать раз в день Pater и Ave.

Аналогичный рецепт можно найти в следующем:.

Разрежьте яблоко в трех местах и напишите на первом: "Increatus Pater", на втором: "Immensus Pater", на третьем: "Aeternus Pater"; затем пусть пациент ест их, постясь, в три разных дня.

Следующее не менее похоже на религию:.

Для лихорадки вычитай слова твои на лорелле + Ysmael + Ysmael + adjuro vos per angelum ut soporetur iste Homo. И подложите лев ваш под голову его, чтобы он не мешал его, и пусть он ест часто и сушит семя Ип'е, смолотое в ступке, и закалите его элем".

Лекарство от эпилепсии содержалось в следующих словах:...

Gaspere fert myrrham, thus Melchior, Balthasar aurum
Haec tria cui secum portabit nomina regum
Soluitur a morbo Christi pietate caduco.

Другим средством было взять руку больного и сказать ему на ухо: - Я заклинаю тебя Солнцем.

Я заклинаю тебя Солнцем, Луной, Евангелием дня, данным от Бога святым Юберу, Жилю, Корнелю и Жене, чтобы ты встал и больше не падал, во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Для лечения головной боли Плиний рекомендует растение, растущее на голове статуи (т. е. никогда не касавшееся земли), собранное в ворсинки любого из одеяний и прикрепленное к шее красной ниткой.

Против королевского зла считалась действенной вербена, вырванная с корнем, завернутая в лист и нагретая под золой. На первый взгляд, это мало чем отличается от медицинского рецепта, бесполезного или нет, но для того, чтобы он был эффективным, необходимо соблюсти некоторые условия. Его должна наносить, то есть применять, молодая и постящаяся девственница, а пациент должен принимать его в пост. Прикасаясь к его руке, девственница должна сказать: "Аполлон, пусть не усиливается чума, от которой избавила девственница". После этого она должна трижды сплунуть.

Плиний также дает нам рецепт против несчастных случаев в целом, изначально заимствованный у друидов Галлии: "Носи при себе растение "селаго", собранное без использования железа и пропущенное правой рукой через левый рукав туники, как будто совершаешь кражу. Когда вы собираете его, ваша одежда должна быть белой, ноги - голыми и чистыми, а перед этим должна быть принесена жертва из хлеба и вина".

Кроме того, существовало множество специфических лекарств от различных несчастных случаев. Заклинание от укулов колючками можно найти в истории болезни некоего мистера

Смердона: "Когда наш Спаситель Христос был на земле, он уколол свой указательный палец на правой руке черным шипом, или как его там, и кровь поднялась к небу, ни моль, ни ржавчина, ни язва не испортили ее, и если мистер Смердон доверится Богу, то он сделает то же самое. Во имя Отца и Сына и Святого Духа". Это нужно повторить три раза, а в конце произнести "Аминь" и молитву "Отче наш".

Некогда популярная "молитва" для "скальтов" выглядит следующим образом

Два ангела пришли с Востока. Один нес Огонь, другой - Мороз. Вышел Огонь.
Входит Мороз. Отец, Сын и Святой Дух.

Более современная версия гласит: "И пришли три ангела с востока и запада.

С востока и запада пришли три Ангела,
Один принес огонь, другой - мороз,
А третий был Святой Дух.
Вышел Огонь. В мороз, и т. д., и т. п.

Простой способ извлечения стрелы заключается в следующем.

Произнесите три раза, стоя на коленях, Pater и Ave, а затем + добавьте следующие слова: - Иудейский солдат со злым умыслом поразил Иисуса Христа + Господи Иисусе Христе, молю Тебя + этим железом + этим копьем + этой кровью + и этой водой, извлеки это железо + во имя, &c., &c., &c.

Существует несколько амулетов, полезных для остановки крови. Один из них гласит:.

Иисус, который в Вифлееме родился и крестился, был в водоеме Иордан, как застоялась вода при его приходе, так застоялась и кровь человека твоего Н., раба твоего, брось верту Святого Имени Твоего - Иесу и Святого Иона, косину Твою. И пусть ты очаруешь его пятью таймами, с пятью патерностерами в поклонении пяти ранам".

Другой текст гласит

In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, carat, Cara, sarite, confirma consana imabolite.

И еще: -

Сепа + сепага + сепагога + кровь перестает течь. Все совершается во имя Отца + rodendi + и Сына + pandera + и Святого Духа + pandorica + да пребудет с вами мир.
Аминь.

Следующий простой амулет может оказаться эффективным против нападения жалящих крапивников:...

Крапива - внутрь, док - наружу,
Док вошел, крапива вышла,
Крапива внутри, крапива снаружи,
Потрите док, выньте крапиву.

Знаменитый нотхемд, или "шемиз де нецессите", обладал такими магическими свойствами, что его носили как мужчины для защиты от стрел и другого оружия в бою, так и женщины для помощи в родах. Его пряли девственницы в ночь на рождественскую неделю. На груди были изображены две головы: справа - бородатый мужчина в морионе, слева - отвратительно уродливая, с короной, как у Вельзевула. По странному стечению обстоятельств по обе стороны от этих голов помещался крест.

От заклинаний и чар против болезней и несчастных случаев мы можем перейти к тем, которые предназначены для защиты от вреда, наносимого внешними силами, например, гусеницами, змеями и особенно ворами.

Если ваша капуста или розы страдали от слишком внимательной гусеницы, вам не нужно было обращаться к аптекарю за средством. В Тюрингии, например, могли изгнать с капустного участка, если в день ежегодной ярмарки в поле или саду до восхода солнца бегала голая женщина. В Клеве достаточно было сказать: "Возлюбленная гусеница, это мясо, которое ты ешь осенью, приносит тебе так же мало пользы, как и Деве Марии, если во время еды и питья люди не говорят об Иисусе Христе. Во имя Господа. Аминь."

Еще одним безошибочным средством было выбрать рубильник по соседству с домом прелюбодея или, на худой конец, с домом праведного судьи и ударить им по зараженным капустам. Если идти прямо по грядке, гусеницы ослабеют и отвалятся, но если повернуться, то шансов избавиться от них не останется.

Хороший способ истребления змей, жаб, ящериц и других паразитов - запастись травой под названием "серпентин". Используя его, нужно начертить на земле три кольца и сказать: "In nomine Patris an + et Filii elion + et Spiritus sancti tedion + Pater Noster". Затем скажите три раза: "Super aspidem et basilicum ambulabis et conculcabis leonem et draconem".

Многочисленные способы обнаружения воров, похоже, указывают на то, что трудность различения *meum* и *tuum* возникла не в наше время. Многие религиозные формулы, конечно же, использовались в сыском деле, самой известной из них, пожалуй, является проклятие святого Адальберта. Ему придавалось такое значение, что церковь разрешала использовать его только с разрешения епископа под страхом отлучения. Оно бесконечно длинное и начинается следующим образом: - "Во власти всемогущего Бога, Отца, Сына и Святого Духа, и Святой Девы Марии, матери Господа нашего Иисуса Христа, и святых ангелов и архангелов, и Святого Михаила, и Иоанна Крестителя, во имя апостола Святого Петра и других апостолов, Святого Сильвестра, Святого Адальберта, и всех исповедников, Святой Альдегонды, святых девственниц, всех святых, которые есть на небе и на земле, которым дана власть связывать и развязывать, мы отлучаем, проклиная, анафематствуем и запрещаем вход в Святую Мать-Церковь этим вора, святотатцам, насильникам, их товарищам, соучастникам и соученикам, совершившим эту кражу или принявшим в ней какое-либо участие", ис., &c.

Другой метод сочетает в себе заклинание и использование кристалла:.

Повернитесь на восток, сделайте крест над кристаллом с оливковым маслом и напишите имя Святой Елены под этим крестом. Затем юноша законного происхождения должен взять кристалл в правую руку, а вы опуститесь на колени позади него и трижды благочестиво произнесите: "Молю тебя, святая Елена, мать царя Константина, нашедшая крест Господа нашего Иисуса Христа, чтобы во имя и благосклонность этой очень святой преданности и изобретения креста; во имя этого святого креста; во имя этой радости, которую ты испытала, когда нашла этот святой крест; во внимание к великой любви, которую ты питала к своему сыну, царю

Константину; короче говоря, во имя всех благ, которыми ты наслаждаешься вовеки, да будет тебе угодно показать в этом кристалле то, о чем я прошу и что жажду узнать." Тогда мальчик увидит ангела в кристалле, а вы спросите, чего вы хотите, и ангел ответит. Делать это следует на рассвете и когда солнце уже взошло.

Более простой и домашний способ выглядит следующим образом.

Пойдите к проточной реке и возьмите столько маленьких камешков, сколько в ней подозреваемых. Отнесите их в дом и раскалите докрасна; закопайте под порогом, через который вы чаще всего проходите в дом, и оставьте там на три дня. Затем выкопайте их, когда взойдет солнце, и поставьте чашу с водой в середину круга, в котором находится крест, написав на нем: "Christus vicit, Christus regnat, Christus imperat". Поставив чашу и подписав ее крестом, с заклинанием страстей Христовых, его смерти и воскресения и т. д., бросайте в воду камешки один за другим, каждый во имя подозреваемых, и когда вы дойдете до камешка вора, он заставит воду закипеть".

Виерус мудрено добавляет, что "дьяволу не составит труда заставить воду закипеть, чтобы осудить невиновного".

Отомстить вору или ведьме, даже если вред, который они вам причинили, уже прекратился, можно следующим образом.

Срежьте в субботу утром, до восхода солнца, ветку орехового дерева годичной давности, сказав: "Срезаю тебя, ветка этого лета, во имя того, кого я хочу поразить или изувечить". Сделав это, положите скатерть на стол со словами: "In nomine Patris + et Filii + et spiritus sancti". Повторите это трижды, добавив: "Et incute droch, myrroch, esenaroth, + betu + baroch + ass + maarot". Затем скажите: "Святая Троица накажи того, кто причинил мне вред, и отними вред по своей великой справедливости + eson elion + emaris ales age"; затем ударьте по ткани.

Многочисленные пословицы, посвященные нежной страсти, говорят о том, что она склонна к противоположностям, что, возможно, объясняет особую мерзость ингредиентов, составляющих любовные фильтры. Еще одна неизменная черта - все они обоюдоострые, так что малейшее отклонение от предписанного курса может превратить любовь в ненависть или *_vice versâ_*, и таким образом привести к катастрофе, на которой, несомненно, висит несколько моралей. Луппа" жеребенка - мощный фильтр. Его нужно измельчить в порошок и выпить с кровью возлюбленной. Другие специфические средства - волосы на конце волчьего хвоста, мозг кошки и ящерицы, некоторые виды змей и рыб, а также кости зеленых лягушек, которые были съедены в муравейнике. С костями лягушек нужно поступить так: "Бросьте кости в воду, чтобы одна часть плавала над водой, а другая опустилась на дно. Заверните их в шелк и повесьте на шею, и вас будут любить; но если вы прикоснетесь ими к человеку, его возненавидят".

Другой рецепт, с которым трудно сравниться, звучит так: "Возьмите всех молодых ласточек из дома.

Возьмите всех молодых ласточек из одного гнезда, положите их в горшок и хороните, пока они не умрут от голода. Те, кого найдут мертвыми с открытыми клювами, вызовут любовь, а те, что с закрытыми клювами, - ненависть.

Если два человека ненавидят друг друга, напишите следующие слова: "Abrac, amon, filon" на вафле с сечкой, и если ее дать им съесть, они всегда будут друзьями.

Об использовании образов для наведения смерти и разрушения на врагов рассказывают с незапамятных времен. Конечно, некоторые виды изображений гораздо более смертоносны, чем другие, в зависимости от их конструкции; и если одни могут лишь причинить жертве сильный дискомфорт, то другие приводят к гораздо более ужасным последствиям. В любом случае, жертва должна принять все меры, чтобы обнаружить своего врага, если он испытывает такие боли, за которые не может ничего сказать. Еще более счастлив тот, кто не дает повода для применения этого смертоносного и тайного средства мести.

Изображения иногда делали из латуни или праха мертвеца, а также из воска. Конечности часто менялись местами и переворачивались: вместо ноги ставилась рука, и так далее. Голова также поворачивалась назад. Худшему виду придавали форму человека с определенным именем - Виерус не решается назвать его - написанным над головой, и магическими словами: "Alif, lafeil, Zazahit mel meltat leuatam leutare", после чего его следовало похоронить в усыпальнице.

Реджинальд Скот дает следующий вариант: "Сделайте изображение во имя того, кого вы хотите убить.

Сделайте изображение того, кого вы хотите ранить или убить, из нового девственного воска; под правую руку воткните ласточкино сердце, а под левую - печень; затем повесьте на шею новую нить в новой игле, воткнув ее в тот член, который вы хотели бы ранить, с произнесением определенных слов (которые во избежание суеверия опущены).

Эта книга, вероятно, была взята прямо из книги Виеруса, с которой она почти полностью совпадает, и следующие инструкции, с некоторыми изменениями в магических словах, идентичны приведенным выше. Однако это отнюдь не исчерпывает список Виеруса, как видно из следующего:-.

Возьмите два изображения, одно из воска, а другое из праха мертвеца. Вложите в руку одной из фигур железо, способное вызвать смерть человека, чтобы оно пронзило голову изображения, изображающего человека, смерти которого вы желаете.

Очевидно, что чары, позволяющие молчать под пытками или не чувствовать самих мучений, сатана очень свободно дарил своим слугам. Как просвещенный и продвинутый мыслитель Виерус замечает, что достоинство заклинаний заключается не в словах, из которых они состоят, а в том, что это всего лишь часть работы дьявола. Одно из таких заклинаний против пыток звучит так

К трем неравным ветвям подвешены три тела: Дисмас, Гестас и Божественная потенция, которая находится в середине. Дисмас осужден, а Гестас улетел на небеса.

Версия Скота такова:...

Три тела на ветке висят,
За заслуги неравные.
Дисмас и Гестас, в середине
Божественная сила.
Дисмас проклят, а Гестас вознесен
Над звездами на небе.

Поль Грильянд, юрист, рассказывает историю о воре, спрятавшем в волосах маленькую бумажку, на которой он написал: "+ Jesus autem + transiens + per medium illorum ibat + os non comminuitis ex eo +". Он был отмечен крестом и таким образом получил иммунитет от пыток.

Многое из этого, конечно, просто тарабарщина, в которой может прослеживаться, а может и не прослеживаться первоначальная идея. Отрыв смысла от слов постепенно привел к тому, что люди стали считать, что слова сами по себе обладают особым достоинством, а абсурдное повторение бессмысленных звуков - достаточное условие для исполнения их желания. Этим, разумеется, объясняется множество заклинаний, напоминающих по характеру песни скороговорки. Их главная особенность заключается в повторении или рифмовке определенных слогов, как в заклинании от зубной боли: "Галбас галбат, галдес, галдат"; или от укуса бешеной собаки: "Ириони хириори эффера кудер фере". Эта особенность, несомненно, делала их легко запоминающимися, а путаница в смыслах, несомненно, повышала их ценность в глазах верующих. Ведьмы, вероятно, были так же восприимчивы к очарованию бубенцов и аллитераций, как и современные поэты.

Следует заметить, что во многих заклинаниях религия и магия удивительным образом смешаны - Виерус, правда, особо отмечает, что некоторые из приведенных им заклинаний были тайно взяты из книги священника. Однако со временем они настолько вошли в обиход и видоизменились, что сама ведьма часто могла использовать заклинания, которые изначально были сформулированы церковью. Разумеется, существуют и заклинания против самой ведьмы. В качестве профилактики колдовства необходимо носить с собой Библию или молитвенник; очень эффективными считаются омега, четырехлистный клевер и рябина, растущая из верхушки другого дерева. В Мекленбурге травы, которые защищают людей от ведьм, собирают в середине летней ночи. "Если вы хотите повесить ведьму за волосы, - говорит Виерус, - возьмите чучело, сделанное из пыли головы мертвеца, окрестите его именем той, кого вы хотите повесить, надушите его дурно пахнущей костью и прочитайте задом наперед такие слова: "Domine, dominus noster; dominus illuminatio mea; domine exaudi orationem meam; Deus laudem meam ne tacueris". Затем закопайте его в двух разных местах". Если вы встретите ведьму, то в городе или на улице возьмитесь за ее стену, а в переулке или в поле - за правую руку, и, проходя мимо, сожмите обе руки, удвоив большие пальцы под пальцами. Приветствуйте ее вежливо, прежде чем она заговорит с вами, и ни в коем случае не принимайте от нее никаких подарков. Наконец, высушенная морда волка рекомендована Плинием как средство против чар.

Некоторые камни и овощи входили в арсенал ведьмы или волшебника. Сила мандрагора как фильтра была непревзойденной; сабельник использовался для очищения, а оливковые ветви настолько чисты, что если их посадить на грабли, то они станут бесплодными или умрут. Яшма помогает от наваждений, а коралл, который носят младенцы или вставляют в браслеты, защищает от чар. Духи из перьев пичуг отгоняют фантомы; антирринум в браслете защищает от яда; лимон, утыканный булавками ярких цветов, среди которых нет ни одной

черной, приносит удачу; подкова издавна использовалась для той же цели. Против натирания бедра во время верховой езды Плиний рекомендует носить в руке веточку тополя.

В целом, средства зачарования было очень легко достать, и, как правило, они были наиболее эффективны, когда были наиболее неприятны. Хотя некоторые из них, например, чемерица, обеспечивающая благотворный отдых, имели реальную лекарственную ценность, другие были приняты по каким-то тривиальным причинам, связанным с ростом, формой или временем года. Словам, которыми они сопровождались, придавалось такое же значение, как и рецепту врача, а сила обращения к воображению была равна только открытости воображения к этому обращению.

Прежде чем завершить главу, следует напомнить еще об одном моменте: эти чары и фильтры очень часто служили своей цели. Хотя, возможно, и не было большой пользы для вора в монотонном повторении бессмысленной мелодии, из этого отнюдь не следует, что она была бы столь же бесполезна при лечении, скажем, зубной боли. Только заставьте пациента поверить в то, что боль вот-вот исчезнет, или поверить самому себе, что боль вот-вот исчезнет... Но разве в наше время целители веры и христианские ученые не являются силой в стране. И если молодая женщина узнает, что молодой человек настолько впечатлен ее очарованием, что ищет дьявольской помощи в завоевании ее улыбки, он, скорее всего, займет в ее мыслях более видное место, чем те, которые занимают его соперники, с возможным продолжением в браке. Давайте смеяться над глупостью наших предков - несомненно, они подавали нам пример, - но из этого не следует, что наши средства достижения цели всегда более эффективны, если они предположительно более разумны.

ГЛАВА XV

ВЕДЬМА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тем, кто отрицает существование ведьмы в реальности, упоминание ведьмы в вымысле как отдельной сущности может показаться излишним. Тем не менее даже просвещенные люди должны признать различие между ведьмой, какой она предстала перед Боденом или Пьером де Ланкром, и "очень отталкивающей на вид старой ведьмой, чья подкладка свисала до подбородка" из "Золушки" Ганса Андерсена. В самом деле, эту последнюю едва ли можно считать ведьмой в истинном смысле этого слова, поскольку, несмотря на подгузник, она, похоже, не обладала никакими оккультными способностями, за исключением, правда, того, что ее клетчатый фартук обладал способностью успокаивать диких собак. В остальном же она, похоже, полностью зависела от старого ящика для золы, оставленного бабушкой под землей, за которым она отправила солдата на поиски. Единственная деталь, в которой она напоминала более ортодоксальную ведьму из истории, заключалась в том, что когда солдат отрубил ей голову без всякой провокации, он не только не понес никакой вины, но даже тем самым проложил себе путь к женитьбе на королевской дочери - мораль, которая наверняка понравилась бы Мэтью Хопкинсу. Злая мачеха Белоснежки из одноименной сказки братьев Гримм, хотя и считалась ведьмой и в конце концов понесла соответствующее наказание за свои преступления, не более претендует на то, чтобы занять место рядом с Цирцеей или Проклятой Матерью на страницах истории, чем это обусловлено, по-видимому, случайным обладанием волшебным зазеркальем и некоторыми знаниями в области токсикологии.

Ведьма в художественной литературе может служить более серьезным целям, чем героиня проблемного романа, ведь знакомство с ее невероятными проделками не только просветит многие усталые часы, но и послужит весомым доказательством благонадежности реальной личности, на которой она основана. Как в художественной литературе, имеющей дело с менее необычными персонажами, мы обнаруживаем, что их поступки по большей части являются преувеличенными карикатурами на события повседневной жизни в реальном мире, и что их возможности действия ограничены не твердыми фактами, а лишь самыми дальними пределами воображения романиста, так и ведьма из художественной литературы карикатурно изображает свой исторический прототип, доходя до невероятности. Ведь настоящая ведьма, будь то Диана или Мать Демдаик, Жанна д'Арк или Эндорская ведьма, всегда, как и менее одаренные человеческие существа, соответствовала одному из нескольких типов, отличаясь от них лишь в той степени, в какой это свойственно человеческой природе. Будь то юная и прекрасная, или старая и отталкивающая, карга или героиня, богиня или жена, она остается неизменной в своем типе, и так было с начала времен. Ведьма из фантастики, с другой стороны, как и проблематичная героиня, поступает так, как хочет ее создатель, вопреки всем законам возможности. Как скажет вам любой инквизитор в суде, раз ведьма, то всегда ведьма; на страницах Гримм ведьма вполне может быть крестной феей или благосклонной старушкой с волшебным золотым яблоком, или, если уж на то пошло, просто благосклонной старушкой. Иногда, правда, как и в случае с персонажами реалистического романа, вымышленная ведьма может сойти за импрессионистическое исследование реальной ведьмы. Так, в знаменитой истории о Гензеле и Гретель она настолько реалистична, что желает схватить маленьких детей. Но вместо того, чтобы действовать таким образом на службе и ради чести своего хозяина Дьявола, она движима не более благородным порывом, чем желание съесть их, и таким образом показывает себя вовсе не ведьмой, ибо настоящая ведьма всегда альтруистична - не лучше, в самом деле, чем жадный старый каннибал. Ее методы, как бы ни были достойны их изобретательницы, отнюдь не соответствуют экономным вкусам ее сатанинского работодателя. Настоящая ведьма никогда не была обеспечена капиталом, необходимым для того, чтобы построить себе дома из "сахара, специй и всего такого приятного", как в качестве резиденции, так и в качестве приманки. Она, как известно, жила в лачугах - если, конечно, у нее не было личных средств, - а доходов от ее inferнальной сделки, даже если она их получала, никогда не хватало на то, чтобы обеспечить ей более чем скудное существование. Гриммская каннибалка с ее крышей из шоколада и стенами из марципана, возможно, и была колдуньей, но уж точно не ведьмой.

Более реалистичными и тем более вводящими в заблуждение являются странные сестры в "Макбете". Если мы примем их за репрезентативные типы ведьм, то окажемся в таком же обмане, как и тот, кто, не читая ничего, кроме газет, полагал, что английская жизнь состоит из убийств, разводов, политических речей и судебных острот. Они, действительно, дают нам прекрасное импрессионистское представление о ведьме, какой она предстает перед обществом, несколько ценных рецептов зелий, меткие иллюстрации гадательных методов и т. д., но ни малейшего намека на ту тихую домашнюю жизнь, в которой ведьма, как и британская публика, проводила большую часть своего существования. Несомненно, она иногда принимала участие в общественных собраниях, в пещерах или на взрытых пустошах, с Гекатой в качестве гостьи вечера; несомненно, там она обменивалась идеями о самых надежных средствах утопить моряков или разрушить королевства. Но это были лишь параграфы в истории ее жизни, точно так же, как суд за убийство или представление ко двору - выдающиеся происшествия в истории жизни среднестатистического британца. По большей части она проводила время в тихом уединении своей лачуги, пополняя запас повседневных ядов или давая интервью местным крестьянам. Об этом Шекспир ничего не

рассказывает; судя по ведьмам из "Макбета", они, возможно, проводили все свое время, слоняясь по шотландским болотам в надежде войти в историю.

Гораздо ближе к истине жизнь матушки Демдаик, матушки Чаттокс и остальных "ланкаширских ведьм", как их изобразил Гаррисон Эйнсворт. Правда, в целях драматического эффекта автор преувеличивает их характеристики; но такова привилегия исторического романиста. Никто не предполагает, да и не должен предполагать, что королева Елизавета из "Королевы Фейри" или Ришелье из "Трех мушкетеров" во всех отношениях соответствуют историческим личностям, которых они изображают. В реальной жизни королева Елизавета, вероятно, была невыносимой, тщеславной, некрасивой, с дурным характером, который возникает из-за черствости, основанной на _режиме_ пива и бифштекса на завтрак; Ришелье - внушительной фигурой только потому, что он был успешен. Но никому не придет в голову обвинять Спенсера или Дюма в том, что они возвели героическое здание на посредственном фундаменте; если бы они рассказали нам не более чем чистую правду, их наверняка обвинили бы в фальсификации истории и, что более справедливо, в отсутствии литературного мастерства. Миссия исторического романиста, во всяком случае, в том виде, в котором он обычно представлен на сайте, подобна миссии художника-сценографа - предоставить нам соответствующую обстановку для фигур, купающихся в условном свете. Если он рисует вещи такими, какими они были, он не выполняет свой долг по отношению к людям, какими они являются. Так и с матушкой Демдаик в воображении Эйнсворта. Она все время находится в центре внимания. Она обречена быть театральной, если хочет быть настоящей; ее судьбы должны переплетаться с судьбами лишенных собственности аббатов, героев-аристократов и прекрасных героинь, подвергшихся жестокому обращению. Сочиняя проклятия, она никогда не должна забывать о том, чего ждет от нее мир за пределами софитов; когда она беседует со своим хозяином Дьяволом, эта беседа всегда должна быть мелодраматичной. На самом деле мы знаем, что когда Дьяволу случалось посетить Ланкашир, чтобы обсудить с матушкой Демдаик деловые проекты, он делал это кратко и без лишних слов, ведь Дьявол - прежде всего деловой человек. Мы также знаем, что реальная матушка Демдаик никогда не была способна творить зло в таких героических масштабах, как ее биоскопическое отражение в романе. По крайней мере, если мы в полной мере учтем потребности ее создателя, мы можем признать, что он дал нам достаточно справедливое представление если не о матушке Демдаик, какой она была, то, по крайней мере, о том, какой она должна была быть.

Совсем другой реалистичностью отличается мир ведьм, описанный нам Гете. И здесь, , если бы мы не знали о колдовстве больше, мы бы, к сожалению, сбились с пути, хотя это естественно и неизбежно. Ведь Гете, хотя и дает нам несколько ярких зарисовок жизни ведьм, использует их лишь попутно. Его ведьмы не преследуют никакой цели, кроме как создать фон, на котором фигуры Мефистофеля и Фауста могут быть лучше показаны - более того, его ведьмы являются лишь частью этого фона, фантазмагорически смешиваясь с Менелаем, Парисом, Обероном, Ариэлем, Титанией и сотней других фигур из мифологии или сказок. Правда, в некоторых моментах он дает нам возможность изучить ведьму как личность, как, например, когда Фауст и его наставник посещают Кухню ведьм, где беседуют не только с самой ведьмой, но и с разнообразной коллекцией ее знакомых, кошек, котят и тому подобных существ. В качестве тонкого реалистического штриха можно отметить, что ведьма поначалу не узнает своего хозяина из-за временного отсутствия у него перепончатого копыта и сопровождающих его ворон, и, прежде чем осознать ошибку, громко проклинает его. Но в этом поэт перебарщивает с реализмом, поскольку в реальной жизни ведьма имела

столько возможностей встретить Сатану в неожиданных обликах, таких как ствол дерева, наглый бык или борзая, что любое незначительное изменение его анатомии, конечно, не вызвало бы такой мистики. Таким образом, даже в оригинале мы должны сделать большие скидки на поэтическую или иную вольность, прежде чем признать, что ведьмы в "Фаусте" полностью соответствуют жизни. Когда мы переходим к актерским редакциям пьесы, исполняемым в Англии амбициозными актерами-менеджерами, мы обнаруживаем, что несчастная ведьма становится не более чем карикатурой. В "Брокене" она оттеснена на задний план различными мифологемами, так что зритель получает не более верное представление об обычном субботнем дне, чем лондонский гость, который видит его только в банковский праздник. В сцене на кухне ведьма не только теряется в мире красного огня и сценических эффектов, но и представляется скорее как панталон в пантомиме, чем как младший партнер дьявола. По крайней мере, ведьма имеет столько поводов для благодарности поэту, что он и его подражатели подарили ей новую, пусть и довольно меркантильную, популярность в тот период, когда она была крайне необходима.

Чтобы правильно оценить разницу между ведьмой из вымысла и ее прототипом в реальной жизни, мы должны искать ее в том, что, в конце концов, является ее оплотом - сказке. Кажется, что, будучи вынужденной укрыться в детской, она уловила там нечто от жизненной силы ее более привычных обитателей. Ведь как у реальной ведьмы есть несколько обликов, так и ведьма из вымысла может принадлежать к любому из множества типов - а то и к нескольким сразу. Как уже было замечено, она имеет привычку выходить за границы возможного; кроме того, так же часто бывает раздвоенной личностью. В реальной жизни ведьма всегда в первую очередь ведьма, а королева, герцогиня или жена-прачка - лишь случайно. Если бы не ее оккультные способности, она перестала бы существовать, была бы низведена, по сути, до уровня королевы или бельдамы. Но в художественной литературе, и особенно в сказочной, это не так; то есть существуют определенные ранги и должности, которые почти по праву подразумевают, что ее считают ведьмой. Так, если вы случайно выйдете замуж за короля, у которого есть красавица-дочь или особенно подходящий сын, то почти с уверенностью можно сказать, что вы - ведьма; и не потому, что овдовевшие монархи особенно склонны к неудачным бракам, а, скорее всего, по какому-то принципу, подобному тому, по которому жена египетского фараона становилась богиней в браке. Правда, чтобы стать ведьмой в стране фей, не нужно ни заключать договор с дьяволом, ни обладать какой-либо сверхъестественной силой. Как и в уже цитировавшейся истории со шкатулкой, обладание любым волшебным предметом, достаточно заколдованным, чтобы причинить зло, - это все, что вам нужно. Не обязательно самому заколдовывать его: во многих случаях он достается вам по наследству, в других - покупается, в третьих - навязывается вам. Вам не обязательно быть уродливой - в большинстве случаев это невозможно, ведь никто не может предположить, что королевский вдовец сочтет себя обязанным спариваться с каргами. Иногда, конечно, вы можете принять привлекательную внешность только для того, чтобы поймать своего монарха, но это бывает редко. Например, мачеха-ведьма из "Белоснежки", как мы знаем, была прекрасна благодаря своему волшебному зеркалу, ведь не оно ли в ответ на ее расспросы сказало ей перед появлением Белоснежки, что она самая прекрасная женщина на свете? Нет причин сомневаться и в том, что зеркало было правдивым, ведь оно пожертвовало целесообразностью и вежливостью ради правдивости, заявив позже, что "Белоснежка теперь самая прекрасная, я думаю".

Невозможно не сочувствовать этой несчастной королевской особе в ее последующей судьбе - быть приговоренной танцевать до смерти в раскаленных железных башмаках; ведь грех зависти, за который она страдала, был вменен ей в обязанность всеми условностями мачехи, и если бы она не справилась с ним, сказка никогда не была бы написана.

О том, что мачеха-ведьма может и часто обладает магической силой сама по себе, можно узнать из сказки "Дикие лебеди", рассказанной Хансом Андерсеном. В ней злая королева, сделав всего лишь пасс в воздухе, способна превратить одиннадцать своих пасынков в диких лебедей так же легко, как сама Цирцея превратила спутников Улисса в свиней. Строго следуя земным прецедентам, мы обнаруживаем, что ее заклинания иногда терпят неудачу, как, например, когда она просит своих знакомых, трех жаб, поместить себя на голову, лоб и сердце Элизы, чтобы она стала такой же глупой, такой же уродливой и такой же злобной, как она сама. В этом они терпят полное фиаско, не в силах одолеть добродетельную невинность Элизы, подобно тому, как на земле все злые чары оказываются бессильны перед святыми словами или крестным знаменем. При этом, надо заметить, она не пренебрегает и такими более банальными способами досады, как помазать лицо падчерицы ореховым соком и выгнать ее из дома. Еще один момент, в котором история "Диких лебедей" проявляется в соответствии с традициями реального колдовского мира, - когда добрая принцесса, ставшая теперь королевой, будучи обвиненной в общении с ведьмами на церковном дворе, сама обвиняется в колдовстве местным архиепископом и неизбежно была бы сожжена, если бы не своевременное вмешательство ее братьев. Ей повезло, что она жила в стране фей, а не под юрисдикцией Иннокентия VIII или Якова I, когда, надо полагать, целой армии братьев не хватило бы для ее спасения - более того, они наверняка оказались бы в числе ее самых горячих обвинителей. Тем более что в тюрьме ее сопровождали три знакомых в виде мышей, которые, несомненно, послужили бы убедительными доказательствами в глазах любого уважающего себя инквизитора.

В поисках ведьмы в стране фей нам часто приходится искать ее под другим именем - например, как фею, и особенно как фею-богатыря. Один из самых постыдных атрибутов феи-богини заключается в том, что если вы ее обидите, она тут же превратится в ведьму, не предупредив вас ни о чем. Она может быть крестной матерью полудюжины ваших детей и всегда относиться к ним так, как должна относиться настоящая фея. Но стоит вам хоть раз обидеть ее, а особенно если вы забудете пригласить ее на крестины, она тут же превращается в ведьму самой злобной направленности. Это любопытное извращение по сравнению с привычками настоящей ведьмы, чьи интересы полностью направлены против крещения детей при любых обстоятельствах. Можно предположить, что, отбросив на время свое злодейство и приняв цивилизованный облик феи, она быстро обижается на любое подразумеваемое непризнание этого, подобно тому, как обиделся бы негр, если бы ему сказали: "Полагаю, вы не носите дома брюк?" Известный пример благодетельной феи-крестной, конечно, встречается в "Золушке"; циник может, правда, утверждать, что ее благосклонность к Золушке, предоставление прекрасных платьев, карет на шести лошадях и стеклянных туфель были вызваны скорее желанием насолить уродливым сестрам, чем действительной любовью к самой Золушке. Другой распространенный тип обоюдоострой крестной встречается в истории о принце Хейзле и принце Фэре. С характерной извращенностью, притворяясь, что у каждого принца будет равный шанс, она все же делает все гладко для одного, в то время как ставит непреодолимый соблазн на пути другого, основывая свои действия на своем предвзятом представлении об их склонностях.

Фея-колдунья не обязательно должна быть крестной матерью. В "Спящей красавице", например, единственной причиной ее раздражения является неполучение приглашения на крестины. В результате, как известно каждому ребенку, она обрекает будущую красавицу уколоть палец в пятнадцать лет и после этого уснуть - она и все ее окружение, - пока случайный принц не проявит достаточно любопытства, чтобы проложить себе путь через

окрестные терновые камыши. В связи с этим можно отметить, что обычные обитатели страны фей никогда не показывали себя способными учиться на опыте. Едва ли королевские крестины проходят без того, чтобы не была забыта какая-нибудь важная фея-колдунья, что всегда приводит к плачевным результатам, но, похоже, никогда не предпринималось никаких мер, чтобы предотвратить повторение такой катастрофической небрежности.

Принцесса-ведьма отличается от мачехи-ведьмы тем, что обычно сама находится под заклятием, которое снимается, как правило, благодаря вмешательству какого-нибудь авантюрного любовника, и она сразу же вновь обретает все те прекрасные качества, которые присущи прекрасным принцессам. Так, в "Путешествии" принцесса поначалу предстает в самом неприглядном свете, хотя ее красота и мантия из крыльев бабочки не менее кружит головы ухажерам, чьим черепам суждено украсить ее сад - явление, небезызвестное на твердой земле. Тем не менее, когда появляется жених, обладающий необходимыми качествами, чтобы преодолеть чары, она оседает в домашней жизни, возможно, исходя из принципа, что исправившийся грабитель - лучший муж. Принцесса-ведьма, надо заметить, имеет настолько земное происхождение, что является прямой наследницей несчастной героини Медеи.

До сих пор я воздерживался от упоминания, пожалуй, самых ярких и убедительных персонажей в фантастике о ведьмах: "Колдунья Сидония" и "Янтарная ведьма", творения немецкого лютеранского священника Вильгельма Майнхольда. Однако их, особенно "Янтарную ведьму", вряд ли можно считать абсолютным вымыслом, поскольку в них представлены не воображаемые портреты, а реальные фотографии ведьмы, как она должна была жить. Автор так тщательно собирал факты, так точно и правдиво описывал суд, заключение и побег несчастной девушки, подозреваемой в колдовстве, что на момент публикации в 1843 году "Янтарная ведьма" была принята за реальный отчет о суде над ведьмой времен Тридцатилетней войны. Возможно, Мария Швейдлер заслуживает лучшей участи, чем быть включенной в список ведьм под любым заголовком, учитывая, что не только ее невинность была окончательно доказана, но и то, что обвинения против нее изначально были выдвинуты не более чем по причине ее собственной доброты сердца и практической благожелательности. Действительно, многие из имен, вошедших в анналы колдовства, никогда бы там не появились, если бы вина или злонамеренность были единственными законными претендентами на эту форму бессмертия.

Как и следовало ожидать, волшебник, как и ведьма, во многих временах и странах привлекал живописное воображение романтика. Более того, к нему, если и относились, то более серьезно. Возможно, это связано с тем, что его создатель, как правило, более точно соответствовал своему оригиналу. Великие алхимики истории были поставлены на службу многим писателям, так же как и росикрусианцы, кабалисты и другие члены магически-тайных обществ. Даже когда мы встречаем волшебника, мага или колдуна в его чисто романтическом обличье, он более близок к своему оригиналу, чем ведьма. В "Арабских ночах", например, много магов, не говоря уже о джиннах, но среди них почти нет ни одного, кто превзошел бы силы своего реального прототипа. Мерлин, несмотря на свое неоднозначное происхождение, где бы он ни появлялся - в артурианской легенде или в матерлинковской вариации, - всегда узнаваем и соответствует своему типу. Просперо в "Буре" - волшебник недюжинной силы, но в то же время он человек с человеческими привязанностями и человеческими целями, выступающий на стороне добра в вековой борьбе со злом, представленным Калибаном. Никто, встретив Просперо в обществе, скажем, Альбертуса Магнуса, не нашел бы в его правдоподобии ничего предосудительного. Даже когда вы встречаете волшебника в сказках, как в уже цитированном рассказе

"Странствующий спутник", он если и не изящен, то не нереален, разве что в своем предпочтении подушек из живых мышей, поедающих хвосты друг друга.

Таким образом, в вымысле, как и на самом деле, мы видим жесткое соблюдение кастового различия между ведьмой и волшебником, к одному из которых относятся с чем-то вроде почтения, а к другому - с неприязнью и полупрезрительным страхом. Возможно, в обоих мирах это во многом объясняется тем, что "на десять тысяч ведьм приходится один волшебник", а знакомство порождает презрение. Тем не менее, это должно служить лишь еще одной претензией на наше сочувствие к измученной ведьме, хотя и служит примером истинности пословицы о том, что ничто не приносит успеха, как успех. Маг, после того как он водил дьявола за нос на протяжении всей своей долгой и злополучной жизни, не только в девяти случаях из десяти удается обмануть его в конце концов, но и в значительной степени сохраняет симпатии человечества, будь то верующий или читатель романов. Несчастливая ведьма, посвятившая свои трудовые дни выполнению условий сделки, обречена на пламя как в этом, так и в следующем мире под всеобщее проклятие. Воистину, не всегда тот несет ладонь, кто больше всего этого заслуживает.

ГЛАВА XVI

НЕКОТОРЫЕ ВЕДЬМЫ НАШИХ ДНЕЙ

Ни одно исследование колдовства, каким бы незначительным оно ни было, не может считаться полным, если в нем не учитывается его значение в современном мире. Как бы ни была она бесправна в небольшом интеллектуальном районе западного мира, ведьма по-прежнему царит в воображении подавляющего большинства человечества. Более того, как я уже пытался показать в одной из предыдущих глав, существует множество признаков того, что отвоевание ею утраченных территорий не заставит себя долго ждать. С окончанием XIX века, когда культ неоматериализма достиг самого широкого распространения, реакция против великого заговора, возможно, уже началась. Русско-японская война, с ее поражением окцидентальной или полуокцидентальной державы от рук Востока, также может рассматриваться как символ приближающейся победы колдовства над наукой. Верно, что истинный русский - мудзик, не принадлежащий к германизированному чиновничьему сословию, - всегда сохранял веру в магию; верно и то, что японские победы были одержаны благодаря свободной адаптации европейских методов. Но это может только затушевать, не меняя, великое основное явление - что вялый Восток, великая родина колдовства и колдовских легенд, наконец-то пробудился от своего долгого транса и, какими бы методами он ни был наказан суетливым Западом, который стремился, якобы для его же блага, изменить свои лотосовые сны на кошмары. Осталось только, чтобы Китай восстал и покарал непостоянных японцев за их предательство общего идеала, чтобы сделать уверенность в победе ведьмы более определенной.

Позиция ведьмы, действительно, неприступна. Каким бы ни был результат завтрашнего расового Армагеддона, она ничего не потеряет. Если белая цивилизация выдержит испытание битвой, она окажется не в худшем положении, чем прежде; если она падет перед воинством Азии, ведьма и ее приверженцы пожнут плоды победы. Возможно, нынешним азиатским целям и идет на пользу облачение своих конечностей в пошлые европейские

одеяния, но сапоги из лакированной кожи, надетые на Бабу, не сделают из него англичанина. Он может быть "неудачливым бакалавром Аллахабадского университета", настойчивым соискателем должностей, революционером, бросающим бомбы, и исповедующим атеизм, но он не менее верующий в миллион богов и в десять раз больше ведьм. В его родной деревне есть потомственный официальный маг, который управляет погодой, отгоняет злые чары, совершает заклинания и т. п. за определенную плату - и пользуется безграничным доверием как образованных, так и необразованных людей. Более того, индийский культ колдовства расцвел еще шире под презрительным покровительством британского раджа. В старые времена в Индии, как и в других странах, существовали определенные неудобства, связанные с жизнью ведьмы или колдуна. Они были страшны, как, впрочем, и сейчас, но бывали случаи, когда возмущенное общество под давлением их зловредных чар обращалось к ним и наказывало сполна. Испытания ведьм, очень похожие на те, что проводил Мэтью Хопкинс, использовались повсеместно. Среди бхиллов, например, и других союзных племен преобладала форма "плавания", во многом усовершенствованная по сравнению с ошибочными британскими методами. В неглубоком резервуаре или озере устанавливается кол так, чтобы он выступал над поверхностью, подозреваемая ведьма должна ухватиться за него и опуститься на дно, где и оставаться, пока из лука выпускается стрела и бегом возвращается к месту стрельбы. Если подозреваемая сможет оставаться под водой до этого момента, ее объявляют невиновной; если она поднимается, чтобы дышать, то признают ведьмой. Этот метод предоставляет столько возможностей для манипуляций со стороны друзей или врагов подозреваемой, что он вполне может превзойти даже испытания огнем, водой или лемехом, излюбленные у нас в феодальные времена, а изобретательность английского искателя ведьм выставляется на открытый позор. Стоит ли говорить, что индийское колдовство имело и имеет все материальные предпосылки, присущие культу. Есть вещества, поддающиеся заклинаниям, как, например, электричество; есть другие, как, например, ветви растения касторового масла, очень эффективные в лечении, так что пороть ведьму такими прутьями - лучший способ сделать ее безвредной. Есть и достойные способы наказать ее, например, натереть глаза красным перцем. Но, к несчастью для тех, кто подвержен заклинаниям, британское правительство теперь встало на защиту не преследуемого райота, а ведьмы, которая его преследует. Уничтожение и даже пытки ведьмы, какой бы известной она ни была, считаются преступлением; и как бы сильно мы ни возражали против таких незаконных законов, рекомендуется подчиняться им или нарушать их только очень тайно. Из-за такого неблагоприятного положения вещей буйство ведьм не прекращается по всему Индостану и повсеместно приобретает все большее значение. Ведь если вам запрещено подавлять ее, единственная альтернатива - добиваться ее благосклонности, а если вы ее обидели, умиротворять ее подарками или заплатить какому-нибудь конкуренту-практику, чтобы он сплел еще более мощные контрзаклинания. В противном случае велика вероятность того, что рано или поздно, когда вы будете возвращаться домой через джунгли, она подстережет вас в облике ядовитой змеи или тигра-людоеда, а в противном случае вы умрете от тифа или чумы.

Ведьма Индостана, хотя и несколько возвышенная в своем значении благодаря покровительству, оказываемому ей британским правительством, мало чем отличается от своих сестер в других частях Востока, на Ближнем Востоке, в Дальней Индии, Китае, даже в просвещенной Японии. Везде, где существует хоть какая-то упорядоченная форма религии, вы можете встретить ее, активно протестующую против ее постановлений, обслуживающую ее неудовлетворенных приверженцев или тех, кто согласен с той старухой, которая, обнаружив молитву дьяволу, объяснила, что в ее время жизни она считает нужным быть

заодно с обеими сторонами. Иногда она занимает место дьявола, иногда дает возможность спастись как от небесных, так и от адских сил, а иногда воплощает в себе все сверхъестественное. Вероучение африканского туземца, завезенного им в Америку, можно описать как поклонение дьяволу, но правильнее - как колдовство в чистом и простом виде. Африканский знахарь, как и в большинстве дикарских племен, сам является богом, гораздо более могущественным, чем дьяволы, судьбами которых он управляет. Более могущественный, чем европейский маг былых времен, он может повелевать как Небом, так и Адом, и независимо от того, является ли он избранным, принятым или родовым, он единственным вершителем судеб, хотя, возможно, из почтения к проникшим в него европейским идеям, он иногда заявляет, что выступает лишь в качестве глашатая Судьбы.

Я уже упоминал о том, как упорно вера в ведьм в нашей и других европейских странах. Можно было бы привести и другие примеры, почти *_ad infinitum_*, и все они доказывают одно и то же: начальная школа бессильна против унаследованной традиции. Желющие могут найти яркий пример веры в колдовство и силу сглаза в Сомерсете, включая заклинание определенного достоинства, но все это слишком длинно для цитирования, в "Somerset and Dorset Notes and Queries" за декабрь 1894 года. Или вот еще, в "La Mala Vita a Roma" синьоров Ничефоро и Сигеле целая глава посвящена современным ведьмам Вечного города, убедительно показывая, что среди множества гадалок и подобных мошенников процветают настоящие "strege", как и в былые времена, хотя их, возможно, не так легко найти незнакомцам, которые их ищут. Однако вместо того, чтобы приводить дальнейшие цитаты из чужого опыта, я могу привести один или два случая из жизни ведьм, с которыми мне довелось общаться лично. Должен признать, что для проверки благонадежности современной ведьмы они неубедительны. Однако они могут служить некоторым доказательством не только того, что в современной христианской Европе ведьма все еще может найти многих, кто окажет ей почтение, но и того, что профессия ведьмы, как профессия для женщин, не лишена своих возможностей в эти переполненные людьми дни.

Если вы перейдете через Понте Веккьо во Флоренции и, оставив слева Виа деи Барди, пройдете по Виа Порта Романа около двухсот ярдов, а затем резко свернете направо, то окажетесь на пути, по которому часто ходили те, кто искал передышки от охоты на ведьм. Если вы действительно хотите обратиться к ведьме, вам придется пройти еще дальше, через лабиринт довольно заплесневелых улиц, пока вы не придете к очень высокому дому, выкрашенному в бледно-бордовый цвет и испещренному коричневыми пятнами от дождя, въевшегося в штукатурку. Вы узнаете этот дом по двум притворным окнам, украшенным фресками на боковой стене - он стоит на углу двух зловонных переулков, - и по тому, что в одном из них сидит дама, которая приветливо вам улыбается. Улыбается, надо сказать, потому что даже во время моего последнего визита, два года назад, она исчезала на фоне штукатурки, а сейчас, возможно, и вовсе исчезла или ее заменил хмурый джентльмен, насколько я знаю. Я бы не поклялся, что даже дом стоит на прежнем месте, настолько быстро шагает по Новой Италии современный прогресс. Но если вы найдете и дорожку, и дом, и нарисованную даму, если Эмилия не сменила адрес, вы можете быть уверены, что поговорите с ведьмой, чья слава пронеслась по всей Тоскане. Правда, чтобы добраться до нее, вам придется преодолеть изнурительное расстояние по невероятно грязной и неприятно пахнущей лестнице, и не исключено, что даже тогда вам придется ждать, пока она решит судьбу или вылечит от недугов какого-нибудь клиента из далекой деревни. Но, преодолев все трудности, вы можете рассчитывать на не слишком приветливый прием со стороны крепкой пожилой женщины с добродушным взглядом и обильным урожаем блестящих черных волос, слегка подернутых сединой. Она ничуть не надуется от своих способностей или положения и будет готова принять любой маленький знак

признательности, который вы, возможно, будете склонны ей выразить; но, если быть совсем откровенным, я сомневаюсь, что вы покинете ее квартиру, зная о колдовстве гораздо больше, чем когда входили в нее по современной итальянской конвенции. Отчасти это объясняется некоторой неохотой выдавать коммерческие тайны, но еще больше тем, что итальянский язык Эмилии на несколько тонов хуже вашего, так что, если вы не любитель тосканского, вам она покажется совершенно непонятной. Только, если вы окажетесь в состоянии обмениваться мнениями, непременно расспросите ее о старой религии, о том, насколько она еще преобладает на Апеннинах, каковы ее боги и каковы их силы. Если, кроме того, вы спросите ее мнение о магической силе некоторых христианских святых, особенно святого Антония, вы будете сполна вознаграждены, если, конечно, вас интересуют подобные вопросы, за все те хлопоты, которые вы и ваш нос потратили на то, чтобы обнаружить место обитания Эмилии.

Мое знакомство с Эмилией началось в одной деревушке на холме, расположенной в нескольких минутах ходьбы от Флоренции. Там я был удостоен легкой близости с одним достойным контадином, у которого была одна прекрасная дочь, по имени Зита. Обладая блестящими глазами, достойной фигурой и аккуратными лодыжками, она имела достаточное количество поклонников, чей пыл не уступал тому, что она, по общему мнению, могла получить приемлемую долю в браке, как это бывает в здешних местах. Зита тоже не гнушалась восхищения и принимала все, что ей предлагали, с достойной восхищения покорностью. Если бы Зита оказалась единственной молодой женщиной в деревне, желающей восхищения, я, возможно, никогда бы не познакомился с Эмилией. Как бы то ни было, в один прекрасный день на Зиту напала болезнь, и она слегла в постель. Видимых причин не было, и по деревне поползли мрачные слухи о ревности, колдовстве и прочем. Их справедливость была доказана через три дня, когда в постели Зиты нашли колос травы, два куриных пера и веточку, связанную прядью конского волоса. Все это было аккуратно спрятано под матрасом, где могло остаться незамеченным в менее чистоплотном доме, чем у Мореттисов. Сомнениям был положен конец - очевидно, Зита околдована, и следует опасаться худшего, если не удастся быстро снять заклятие.

По своему невежеству я полагал, что местный священник будет тем человеком, к которому следует обращаться в подобных случаях. Но очень скоро я убедился в своей ошибке. Чтобы женить вас, вывести в свет или вывести из него, преподобный джентльмен, может, и имеет свое применение. Но для борьбы с колдовством его услуги более чем бесполезны, поскольку они лишь раздражают демонов и тем самым усиливают страдания пациента. Все это, конечно, при условии, что он сам не является стригоем, а такое положение вещей встречается гораздо чаще, чем можно предположить. Но как священник является единственным подлинным авторитетом в вопросах рая, чистилища и более простых вопросов ада, так и для борьбы с колдовством никто не может сравниться с ведьмой. И из всех имеющихся ведьм ни одна не была так эффективна и, надо сказать, так умеренна в своих обвинениях, как Эмилия. По сути, она была семейной ведьмой семьи Моретти, к ней часто обращались за помощью, и так же часто ее лечение было полностью успешным. К тому же она уже давно стала ценным другом семьи, и, по сути, Эмилию нужно было вызывать без промедления. Я сопровождал старшего брата Зиты, Луиджи, когда он с этой целью посетил Флоренцию, и вместе с ним и Эмилией вернулся обратно, проехав часть пути на электрическом трамвае, причем кондуктор, как оказалось, был знаком с моими спутниками и, как таковой, приятно болтал с Эмилией о ее профессии, выгодно отличая ее от своей собственной. Какие именно контрмеры она использовала при лечении Зиты, мне не дано

было знать; во всяком случае, я могу засвидетельствовать, что они оказались вполне успешными и что через очень короткое время Зита снова была сама собой, разбила свое обычное количество сердец по всей деревне и открыто насмехалась над соперницей-красавицей, которой она приписывала свое недомогание, в связи с неудачей, которая ее постигла. Если я не могу утверждать, что благодаря околдовыванию Зиты и ее излечению я приобрел много знаний об итальянском колдовстве в современном понимании, то, по крайней мере, могу привести его в качестве примера того, как легкомысленно воспринимает его существование современный тосканский крестьянин. Он относится к нему с таким же или меньшим возмущением, как к появлению автомобиля. Как мотор стал представлять опасность на каждой дороге, так и злой дух заполонил все поля. Вы можете принять меры предосторожности против него и злодеяний, совершаемых им по велению ведьмы, - точно так же, как в наши дни вы внимательно оглядываетесь по сторонам, прежде чем перейти дорогу. Вы можете навешивать колокольчики или нашивать перья на головной убор своей лошади в качестве профилактических средств, или делать необходимые знаки всякий раз, когда у вас есть основания полагать, что вы находитесь в радиусе действия сглаза; но несчастные случаи случаются, и всегда хорошо знать адрес такого надежного врача, как Эмилия, на всякий случай. Если уж на то пошло, вы можете иногда пожелать, чтобы заклинание было наложено на вас самих - трудно прожить жизнь без ссоры или двух, и в этом случае тоже не помешает Эмилия... Но я становлюсь неосмотрительной.

Другая ведьма, с которой мне довелось иметь дело, живет - или жила, поскольку, по слухам, ей в то время было более ста лет, - в небольшом городке, который в народе называют городом, в Северной Каролине. Должен откровенно признаться, что от нее я узнал еще меньше магических знаний, чем от ее итальянского коллеги. Она была негритянкой, и, узнав о ее существовании от цветного кучера друга, в доме которого я остановился, я решил не оставлять попыток завязать с ней знакомство. Я надеялся вывести из ее уст некоторые подробности о том, в какой степени вудуизм - о котором уже не раз говорилось в этом томе - все еще практикуется американскими неграми - в чем меня неоднократно уверяли друзья-южане. Меня ждало большое разочарование: старая леди не соизволила даже открыть мне рот. Она жила со своим сыном, который занимал какую-то должность в цветной баптистской церкви, в одной из деревянных лачуг, составляющих цветной город. Они стоят на небольшом расстоянии от величественных кварталов, где живут белые дворяне, и в сырой день подойти к ним практически невозможно из-за океанов кирпично-красной грязи невероятной проницаемости. Старушку я застал склонившейся над огнем в одобрительной ведьминской манере, ее внимание было полностью посвящено содержимому кастрюли, стоящей на конфорке. Как бы ни было похоже на магическое варево, на самом деле оно состояло из жарящихся цыплят, весьма пикантных на запах и говорящих о житейском благополучии цветных баптистов. Ее немногие оставшиеся чувства были настолько сосредоточены на этом, исключая все остальное, что, хотя ее сын дополнял мои собственные усилия и усилия моего проводника, пытаясь привлечь ее внимание, она не повернула в мою сторону свою покрытую платком голову. Дьякон был так обеспокоен - если это действительно было его звание - пренебрежением матери, что я был вынужден утешить его, пригласив в качестве гида по красотам цветного кладбища неподалеку. Правда, кладбище было не лишено человеческого - патетически человеческого - интереса: на могиле каждого ребенка лежали скромные игрушки, которыми он играл при жизни, а на могилах взрослых - бутылочки с лекарствами, вплоть до последних, полупустых, которыми они пользовались во время болезни - эта дань служила немой свидетельством заботы о них. Но это не могло утешить меня за упущенную возможность. Тем не менее я могу поручиться, что старуха была колдуньей, и не малой, ибо ее сын сам говорил мне об этом, приводя примеры ее силы, и он был очень хорошим христианином.

Менее загадочной, хотя в некоторых отношениях едва ли более поучительной, была беседа, которую я однажды имел с ведьмой средних лет неприятной наружности на кухне пригородного дома, который снимал мой родственник. К колдовству эта особа добавила сбор старых бутылок и кухонного мусора в качестве средства к существованию, а жила она, как нам потом сообщила полиция, в автофургоне, временно пришвартованном на пустыре в районе Хаммерсмит-Бродвея. Хозяйка дома, зайдя на кухню, застала ее сидящей за столом и разгадывающей тайны судьбы повару и буфетчице с помощью очень жирной пачки игральных карт. Каковы бы ни были ее претензии на знание нижнего мира, она явно выпила - настолько, что меня призвали на помощь, чтобы выдворить ее из помещения. Крупная женщина, с решительным видом и агрессивным языком, это могло бы оказаться задачей не из легких, если бы мне не пришлось обратиться к ней по-немецки, после чего она медленно отступила, громко ругаясь по-английски, пока не добралась до ступенек, и тогда мы смогли запереть за ней заднюю дверь и избавиться от нее. При последующем расследовании выяснилось, что она получила суммы на общую сумму около 17 с. 6 д. из числа прислуги, причем большая часть была заплачена за то, чтобы сообщить вышеупомянутой служанке, что ее молодой человек, служивший в то время своей стране в Индии, все еще остается верой фул ее памяти. Со временем эта информация оказалась вполне обоснованной, и галантный воин вернулся через полгода, переполненный любовным пылом. Правда, ведьма забыла упомянуть, что к тому времени он будет вытеснен из сердца Гризельды - если я правильно помню - лихим молочником, и что за нападение и избиение его впоследствии оштрафуют на 40 с лишним тысяч. Тем не менее общественное мнение в нижних этажах оставалось в пользу изгнанной колдуньи, и в течение нескольких недель после этого не случалось ни одного мелкого домашнего происшествия, если оно не было названо прямым следствием проклятий ушедшей ведьмы.

Еще одно вторжение в мир магии осталось в моей памяти, как произошедшее в приморском городке, который останется безымянным. Проводя там каникулы с друзьями, я часто замечал большие желтые рекламные проспекты и даже плакаты, в которых говорилось, что некая дама, судя по имени, имеющая восточные корни, готова составить гороскопы, почитать ладони и организовать всевозможные экскурсии в будущее по ценам, которые можно назвать просто смешными. Так случилось, что среди участников вечеринки оказалась молодая леди, которая в то время находилась в муках своего последнего любовного романа. Естественно, желая узнать его дальнейший ход, она, как оказалось, проконсультировалась с провидицей, которую я буду называть, хотя это не ее имя, мадам Фатима. Результаты оказались настолько поразительными, что новообращенная сочла своим долгом ознакомить с ними остальных. Слава о мадам Фатиме не замедлила дойти до моих ушей, и вот настал день, когда я оказалась на пороге дома ведьмы. Она поселилась на задней улочке, в некотором отдалении от центра города, в одном из тех домов, где принято говорить, что из их окон открывается прекрасный вид на море, и это действительно так, если подняться на крышу или высунуть тело из окна под острым углом. Конечно, нельзя было представить себе менее перспективного места для охоты на ведьм. Мадам занимала второй этаж и излагала свои прогнозы в ранневикторианской атмосфере конского волоса и антимакассаров, что не могло не впечатлять, хотя говорило скорее о прошлом, чем о будущем. Она была средних лет, приятной комплекции, одета в черное шелковое платье, поверх которого было наброшено японское кимоно, расшитое дикими гусями. Несомненно, это было следствием долгого пребывания на Востоке, о котором она не преминула упомянуть при первой же возможности, и где она училась своему искусству из уст туземца, весьма известного в магических кругах и, судя по рассказам мадам Фатимы о его мастерстве, весьма вероятно, самого Лукавого, но чье имя я помню лишь смутно, как нечто похожее на Йоги Чандра Дасс - несомненно, из-за ее долгого отсутствия в Англии, поскольку, как я понял, она была родом из Британии, хотя,

выйдя замуж в раннем возрасте за турецкого или индийского мага, имевшего известность, она приобрела привычку либо совсем не писать придыхания, либо ставить их не на то место. Она была столь же деловита, сколь и приветлива, и подробно описала различные методы, с помощью которых меня можно познакомить с моим прошлым и будущим, за плату от 2s. 6 д. до 10 д., с четкой точностью. Выбрав то, что мадам назвала "кристаллом" за 5 с., она тут же взяла обе мои руки в свои и пристально вгляделась в мое лицо, давая мне возможность самому прочитать ее прошлое достаточно близко, чтобы понять, что лук был включен в ингредиенты ее обеда. Удовлетворившись, полагаю, моей респектабельностью, она достала круглый шар из стекла или хрусталя и поставила его на подставку из черного эбенового дерева на столе. Затем, затемнив комнату, сделав руками несколько жестов, которые я принял за заклинания, и пробормотав несколько мистических формул, она велела мне заглянуть в кристалл и рассказать, что я увидел в его глубинах. К сожалению, моя готовность подчиниться привела меня к неосторожности. Не имея возможности ничего увидеть, я, тем не менее, так хотел показаться достойным, что представил себе то, что ожидал увидеть. Это было похоже на коричневого младенца, два скрещенных меча и то, что могло быть либо слоном, лежащим на спине с поднятыми вверх ногами, либо церковью Святого Иоанна в Вестминстере, увиденной с северо-запада - детали были слишком туманны, чтобы я мог говорить с полной уверенностью. Сначала мадам Фатима выглядела несколько обескураженной, но я вынужден признать, что очень скоро она проявила в избытке *_savoir faire_*, не говоря уже о чувстве юмора, и без лишней траты времени объявила, что меня ожидают сплошные несчастья, что в бизнесе, в любви или в удовольствиях меня не ждет ничего, кроме бедствий, и что я неизбежно должен умереть через повешение на шестьдесят седьмом году жизни. Позвольте мне только добавить, что я с величайшей готовностью заплатила ее скромный гонорар и что с тех пор я остаюсь убежденной в том, что современная ведьма ни на йоту не уступает своей средневековой предшественнице в тех качествах, которые привели ее к столь высокому месту в общественной оценке.

Я привел эти несколько примеров моего личного знакомства с ведьмами и колдовством не для того, чтобы пролить свет на их утверждения или методы, а просто как доказательство того, что я уже приводил ранее в этом томе: вера в колдовство, в той или иной форме, так же широко распространена в современном цивилизованном мире, как и раньше, и, скорее всего, так и останется. И тот факт, что не так уж мало мошенников и бродяг воспользовались ее почтенной респектабельностью как прикрытием для своих мелких злодеяний, нисколько не умаляет ее претензий на уважительное доверие. Еще предстоит стать той великой верой, чьи основополагающие истины не могут быть обращены в пользу шарлатана, мошенника и мнимого приверженца - чем больше вера, тем больше и должно быть число ее эксплуататоров, наживающихся на преданности верующих. Тем не менее не только на вопросах достоверности или веры основана всемирная империя ведьм. Демонстративно истинный или доказанно ложный, культ колдовства существовал с самого начала и будет существовать до конца истории. Почитаемый или порицаемый, восхваляемый, преследуемый или осуждаемый, колдовство и ведьма существовали и будут существовать, пока на земле остается хоть один мужчина или женщина, способные бояться Неизвестного. Радуйтесь или огорчайтесь, как вам угодно, ведьма - это выражение одной из величайших человеческих потребностей - бегства от человечества и его ограниченного окружения - одного из величайших человеческих мировых движений, бунта против Неизбежного. Она существует и должна существовать по той самой веской причине, что человечество в его нынешнем виде не могло бы существовать без нее.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные источники, использованные в данном томе и не упомянутые в тексте, приведены в следующем списке. Даты не обязательно относятся к первоначальному году публикации, а к используемому изданию:-

- Адамс, У. Х. "Ведьма, колдун и маг". 1889.
Эйнсворт, Х. "Ланкаширские ведьмы".
Андерсен, Ганс. "Сказки".
Августин. "De Civitate Dei".
Бомонт. "Трактат о духах".
Блэкстоун. "Комментарии".
Блау, доктор Людвиг. "Das altjüdische Zauberwesen". 1898.
Боден, Ж. "О демономании колдунов". 1580.
Боултон, Рич. "Полная история магии, колдовства и чародейства". 1715.
Бранд, Дж. "Популярные древности Великобритании". 1905.
Бадж, Э. А. "Египетская магия". 1899.
Берр, Г. "Гонения на ведьм". 1897.
Казобон, М. "О легковерии". 1668.
Кассель, П. "О народных рифмах и чарах". 1890.
Дэвис, Т. У. "Магия и гадание у евреев". 1898.
Фэрфакс, Э. "Dæmonologia". 1622.
Фрейзер, Дж. Г. "Золотая ветвь". 1900.
Гомм, Г. Л. "Справочник по фольклору". 1890.
Гулд, С. Бэринг. "Старые английские сказки". 1895.
Гулд, С. Бэринг. "Книга о волках". 1865.
Гримм. "Немецкая мифология".
- Харрисон, Ф. (ред.). "Новый календарь великих людей". 1892.
Холланд, Х. "Трактат против колдовства". 1890.
Гораций. Перевод сэра Теодора Мартина. 1861.
Хьюз, Т. П. "Словарь ислама". 1896.
Хатчинсон, Ф. "Исторический очерк о колдовстве". 1718.
Инман. "Древние верования, воплощенные в древних именах".
Иннес, Дж. У. "Шотландские процессы о колдовстве". 1880, &c.
Джеймс I. "Dæmonologia". 1597.
Джастроу, М. "Религия Вавилонии и Ассирии". 1895.
Джон, К. Х. У. "Древнейший свод законов в мире". (Хаммурапи.)

Кинг, Л. У. "Вавилонская магия и колдовство". 1896.

Ланкр, Пьер де. "Tableau de l'Inconstance des Mauvais Anges". 1612.

Лейн, Э. У. Перевод "Арабских ночей". 1901.

Лоу, Р. "Мемориалы памятных событий, произошедших на острове Бриттэн в 1638-1684 гг.". 1684.

Лекки, У. Э. "История рационализма". 1869.

Леланд, К. Г. "Арадия, или Евангелие от ведьм". 1899.

Линтон, Э. Линн. "Ведьминские истории". 1861.

Масперо, Г. "Заря цивилизации". 1901.

Мазер, Коттон. "Памятные провидения, относящиеся к колдовству". 1689.

Мазер, Коттон. "Чудеса невидимого мира". 1693.

Мори, А. "Магия и астрология". 1860.

Мелтон, Дж. "Астрологастра". 1620.

Майнхольд, В. "Мария Швайдлер, умершая Бернштейн-Гексе". 1843.

Майнхольд, В. "Сидония фон Борк". 1848.

Мишле, Ж. "Сорсьер".

Миддлмор, миссис "Испанские сказки". 1885.

Митфорд, А. "Сказки старой Японии". 1876.

Müller, W. Max. "Die Liebespoesie der alten Ægypten". 1897.

Невинс, У. С. "Колдовство в деревне Салем". 1892.

Нарес, Р. "Глоссарий". 1857.

Пирсон, К. "Шансы смерти и другие исследования в области эволюции". 1897.

Питкэрн, Р. "Уголовные процессы в Шотландии". 1833.

Платон. "Законы".

Плиний. "Естественная история".

Плутарх. "Жития".

Скот, Р. "Открытие колдовства". 1584.

Скотт, сэр Вальтер. "Демонология и колдовство".

Сепп, Дж. Н. "Orient und Occident". 1903.

Шарп, К. К. "История колдовства в Шотландии". 1884.

Синклер, Гео. "Невидимый мир Сатаны".

Смит. "Словарь Библии".

Шпренгер. "Malleus Maleficarum". 1486.

Саладин. "Колдовство в христианских странах". 1882.

Феокрит. Перевод Биона и Мосха.

Видеманн, А. "Религия древних египтян". 1897.

Виерус, Й. "De Præstigiis". 1563.

Райт, Томас. "Повествование о колдовстве и магии".

Также множество памфлетов, чап-буков и т.д. и т.п., в основном семнадцатого и восемнадцатого веков.

R. CLAY AND SONS, LTD., BREAD ST. ХИЛЛ, Э.К., И Б.

GAY, SUFFOLK.